ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2019, № 10

Санкт-Петербург
2019

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2019, № 10

Saint-Petersburg
2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Керимов А.Д., главный редактор «Российского журнала правовых исследований», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Украины (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2019
© Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2019

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Head of the Department of Management of Crime Investigation Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moskow, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor (Moskow, Russia)

Kerimov A.D., Editor-in-Chief, Russian Journal of Legal Research, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2019

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., сенатор, член Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала "Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бастрыкин А.И., Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., senator, member of the Committee of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on constitutional law and state building; Member of the Bureau of the Presidium of the Russian Bar Association; Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bastrykin A.I., Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) и Белого движения (1918-1920 гг.) в России 11

Ирина А.А., Зашляпин Л.А. Институализация очной ставки в Уставе уголовного судопроизводства 34

Лихобабина М.В., Милюков С.Ф. «Человек труда и выдающихся дарований – Сергей Иванович Зарудный» 38

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность

Рудых С.Н., Тугутова Д.А. К вопросу о привлечении должностных лиц заказчика к ответственности по статье 7.32.5 КоАП РФ 44

Сварчевский К.Г., Филатов Д.О. Мейер: профессор-реформатор Российского права 49

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Данилов Е.О., Кайнов В.И., Очередько В.П. Обзор докладов и выступлений на научно-практическом круглом столе «Юридическая ответственность в сфере здравоохранения: вопросы теории и практики» (Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, 24 октября 2019 г.) 54

Кондрат Е.Н., Петров П.А., Платонова М.В. Понятие и виды юридической ответственности за неправомерные действия при банкротстве 63

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Кайнов В.И., Сальников М.В., Петров П.А. Правовое регулирование оказания электронных государственных услуг в Российской Федерации (административно-правовой аспект) 75

Калканов С.С. Основные подходы к определению искусственного интеллекта в правовой действительности и проблемы использования им электронной документации в уголовном процессе 84

Анисимов В.Ф., Берёзкина Ю.В. Законодательное обеспечение особенностей обустройства газонефтяных и нефтяных месторождений на родовых угодьях коренных малочисленных народов Севера 90

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Безрядин В.И., Левченкова Т.Ю. Особенности соотношения категорий «достоверность», «доказанность» с институтом объективной истины при определении целей доказывания 95

Захарцев С.И., Сальников В.П. В развитие науки оперативно-розыскного экстрасенсоведения 101

Третьяков И.Л. Криминальные поджоги: уголовно-правовой и криминологический анализ проблемы 106

Владимиров В.Ю., Ковалев А.В. Актуализация судебно-экспертной проблематики 115

Одинаев И.А. Уголовно-процессуальное задержание в уголовном процессе Республики Таджикистан и Российской Федерации: порядок и процедура 122

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Камдин А.Н., Ионова В.В., Особенности учёта затрат и калькулирования себестоимости в строительной компании 137

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Охрименко Я.В., Бодунова О.Г. Юридическое наследие В.Д. Спасовича 141

Солтанов Р.Р. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере защиты прав предпринимателей 147

Моисеева Е.С., Латышева Н.А. Влияние трудов Евгения Никитича Тарновского на развитие отечественной судебной статистики второй половины XIX – начала XX века 152

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Мадиев К.С., Захарцев С.И. Особенности теоретических аспектов регламентации специальных оперативно-розыскных мероприятий в Республике Казахстан 158

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Лежнева О.Ю., Морозов А.И, Шкрум Д.В. Институт суда в философии права Гегеля: аксиологический аспект теории государства и гражданского общества 171

Сальников В.П., Масленников Д.В., Зорина Н.В., Прокофьев К.Г. Трансцендентализм и идея свободы в философии права: Декарт – Спиноза – Кант ... 177

Информация для авторов 193

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Gutman M. Yu., Sal'nikov V.P. Minister for internal affairs of the Provisional government (March is October 1917) and White motion (1918-1920) in Russia 11

Irina A.A., Zashlyapin L.A. Instituation of the face-to-face rate in the Criminal Court Statute 34

Lihobabina M.V., Milyukov S.F. «A man of labor and outstanding talents - Sergei Ivanovich Zarudny» 38

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities.

Rudykh S.N., Tugutova D.A. The question of administrative responsibility of officials under the article 7.32.5 Code of administrative offences of the Russian Federation 44

Svarchevskiy K.G., Filatov D.O. Meyer: a reformer professor of Russian law 49

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Danilov E.O., Kaynov V.I., Ocheredko V.P. Review of reports and presentations at the Scientific and Practical Roundtable «Legal Responsibility in Health: Theory and Practice» (Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, October 24, 2019) 54

Kondrat E.N., Petrov P.A., Platonova M.V. Concept and types of liability in case of illegal actions in bankruptcy 63

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Kaynov V.I., Sal'nikov M.V., Petrov P.A. Legal regulation of the provision of electronic public services i n the Russian Federation (administrative aspect) 75

Kalkanov S.S. The main approaches to the definition of artificial intelligence in legal reality and the problems of its use of electronic documentation in criminal proceedings 84

Anisimov V.F., Berezkina Yu.V. Legislative provision of features of the development of gas and oil fields on the ancestral lands of the indigenous small peoples of the North 90

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Bezryadin V.I., Levchenkova T.Yu. The peculiarities of correlation of the categories «accuracy», «validity» with the institution of objective truth in determining evidentiary purposes 95

Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. In the development of the science of operational and investigative psychics 101

Tretyakov I.L. Criminal arson: criminal-legal and criminological analysis of the problem 106

Vladimirov V.Yu., Kovalev A.V. Actualization of forensic expert issues 115

Odinaev I.A. Criminal procedure detention in the criminal process of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation: order and procedure 122

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Kamdin A.N., Ionova V.V. Features of cost accounting and cost calculation in a construction company 137

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Ohkrimenko Ya.V., Bodunova O.G. The legal legacy of V.D. Spasovich 141

Soltanov R.R. Prosecutor's supervision over the implementation of laws in the field of protection of the rights of entrepreneurs 147

Moiseeva E.S., Latysheva N.A. Influence of Evgeny Nikitich Tarnovsky's works on the development of domestic judicial statistics in the second half of the 19th and early 20th centuries..... 152

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Madiev K.S., Zakhartsev S.I. Theoretical aspects of the regulation of special operational-search measures 158

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Lezhneva O.Yu., Morozov A.I., Shkrum D.V. Hegel Institute of Justice in The Philosophy of Human Law: the axiological aspect of the theory of the state and civil society..... 171

Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zorina N.V., Prokofiev K.G. Transcendentalism and the idea of freedom in the philosophy of law: Descartes – Spinoza – Kant 177

Information for the authors..... 193

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ГУТМАН Матвей Юрьевич,
профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mygutman@gmail.com

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-лейтенант милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

МИНИСТРЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 г.) И БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ (1918-1920 гг.) В РОССИИ

Аннотация. *Приводятся краткие биографические данные, описание жизни и деятельности министров внутренних дел Временного правительства (март – октябрь 1917 года) и Белого движения (1918 -1920 гг.). Анализируется ситуация в России, сложившаяся в указанный период, в который выполняло свои функции Министерство внутренних дел и работали его министры.*

Ключевые слова: *министры внутренних дел; Россия; Временное правительство; Белое движение; правоохранительные органы; борьба с преступностью; историко-социологический обзор.*

GUTMAN M. Yu.
SAL'NIKOV V.P.

MINISTER FOR INTERNAL AFFAIRS OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT (MARCH IS OCTOBER 1917) AND WHITE MOTION (1918-1920) IN RUSSIA

The summary. *Short biographic data over, description of life and figureof ностu minister for*

internal affairs of the Provisional government (March is October, 1917) and White motion (1918 -1920), are brought. The situation in Russia, folded in an indicated period in that Ministry of internal affairs executed the functions and his ministers worked, is analysed.

Key words: *minister for internal affairs; Russia; Provisional government; White motion; law enforcement authorities; fight against criminality; историко-социологический review.*

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ (МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)

Временное правительство России (март– октябрь 1917 г.)

Князь Г.Е. Львов, со 2 марта 1917 г. Председатель Совета министров России и Министр МВД, депутат Государственной Думы.

И.Г. Церетели, член исполкома Петросовета, член президиума ВЦИК, с 5 мая 1917 г. министр почт и телеграфов, с 8 июля 1917 г. и.о. управляющего МВД.

25 июля 1917 г. министром МВД Временного коалиционного правительства был назначен Н.Д. Авксентьев, с 18 мая 1917 г. председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов.

С 25 сентября 1917 г. по 25 октября 1917 г. министром МВД во Временном коалиционном правительстве России был А.М. Никитин, который с 1 сентября 1917 г. был членом Директории, министром почт и телеграфов.

Все министры МВД Временного правительства имели высшее юридическое образование.

Министры внутренних дел Временного правительства России
(март – октябрь 1917 года)

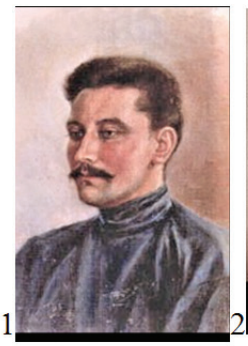
Г.Е. Львов
(1861-1925)

И.Г. Церетели
(1881-1959)

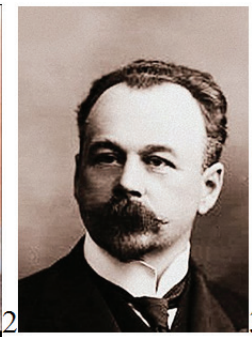
Н.Д. Авксентьев
(1878-1943)

А.М. Никитин
(1876-1939)

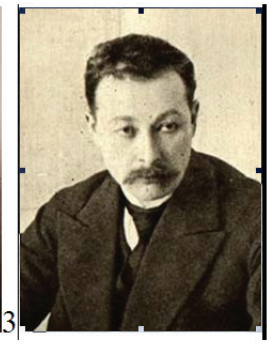
Товарищи (заместители) министров МВД Временного правительства России
(март – октябрь 1917 г.):



1

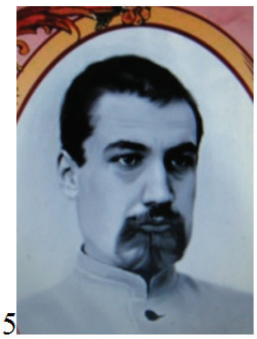


2



3

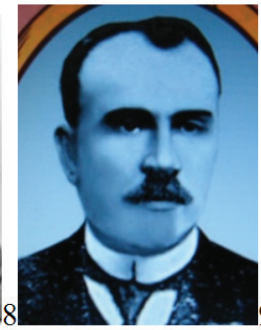
4



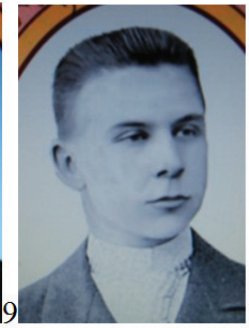
5

6

7



8



9

10

1) 10.03 – 02.08.1917 г. – Леонтьев Сергей Михайлович (1879–1937).
2) 09.03. – 02.08.1917 г. – Урусов Сергей Дмитриевич (1962-1937).
3) 03.03 – 02.08.1917 г. – Щепкин Дмитрий Митрофанович (1879–1937).
4) 22.06 – 02.08.1917 г. – Салтыков Сергей Николаевич (1874–1937).
5) 24.05 – 02.08.1917 г. – Авинов Николай Николаевич (1881–1937).
6) 27.06 – ? 1917 г. – Сидамон-Эристов Георгий Дмитриевич (1865–1953).
7) 22.06 – 02.08.1917 г. – Вырубов Василий Васильевич (1879–1963).
8) 02.08 – 26.10.10.1917 г. – Богуцкий Викентий Мечиславович (1876–1929).
9) 02.08 – 26.10.10.1917 г. – Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1940).
10) 02.08 – 26.10.10.1917 г. – Хижняков Василий Васильевич (1871–1949).

Князь ЛЬВОВ Георгий Евгеньевич
(1861-1925 гг.)
Председатель Совета Министров и министр внутренних дел (2 марта – 7 июля 1917 г.)
(66 лет. 4 мес.)

Князь Г.Е. Львов, представитель древнего обедневшего княжеского рода, уходившего своими корнями к династии Рюриковичей, родился 18 ноября 1861 г. в Дрездене (Саксония) [18]. В 1881 г. окончил частную Поливановскую гимназию в Москве и в 1885 г. – юридический факультет Московского университета.

В 1886-1906 гг., работая в судебных и земских органах Тульской губернии, быстро завоевал широкую известность как земский деятель, и в течение 1903-1906 гг был председателем Тульской губернской земской управы, участвовал в работе земских съездов.

Во время Русско-японской войны возглавлял отряды Красного Креста в Маньчжурии. Эти отряды участвовали в боях, и когда были ранены или убиты строевые офицеры, Львов принимал на себя командование [19].

С 1905 г. – член партии конституционных демократов (кадетов).

С 1906 г. Депутат I Государственной Думы.

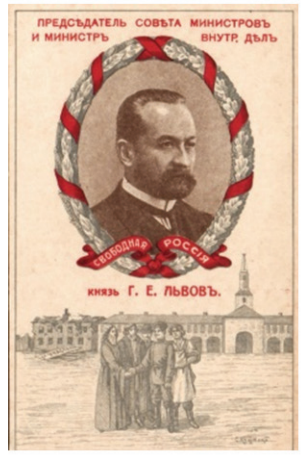
С 1911 г. – член Московского комитета партии «прогрессистов».

С 1915 по 1917 гг. Львов возглавлял объединённый комитет Земского союза и Союза городов (ЗЕМГОР), боролся и с коррумпированностью, и с политизацией ЗЕМГОРа.

2 марта 1917 г. временным комитетом Государственной Думы был назначен министром-председателем и министром внутренних дел первого Временного правительства как кандидатура, устраивающая все партии и общественные течения, представленные в ней. Львов также возглавлял первое коалиционное правительство.

Возглавив МВД Временного правительства, князь Львов практически ничего не сделал, да и не мог сделать, для организации охраны общественного порядка и борьбы со стремительным ростом преступности. В ходе Февральской революции 1917 г. были разгромлены не только органы политической полиции и жандармерия, но и фактически прекратили

Германия. Дрезден в 1990-х гг. Город Тула в конце XIX века.



Герб рода князей Львовых

работу сыскные отделения, были разоружены и частично перебиты городовые, а создаваемая «народная» милиция с выборным начальством, была бессильно что-либо сделать. Образованное Главное управление по делам милиции, взамен упразднённого Департамента полиции, фактически не участвовало в организации органов охраны правопорядка.

Провал июньского наступления и организованное большевиками июльское восстание привели к правительственному кризису и 7 июля 1917 г. Львов ушёл в отставку с постов главы кабинета и министра внутренних дел.

После Октябрьской революции поселился в Тюмени, зимой 1918 года был арестован, переведён в Екатеринбург. Через 3 месяца Львова, Лопухина и князя Голицына выпустили до суда под подписку о невыезде. Но Львов покинул Екатеринбург и пробрался в Омск, к этому времени занятого восставшим Чехословацким корпусом.

Временное Сибирское правительство, образованное в Омске, поручило Львову выехать в США для переговоров об активизации борьбы с большевиками. Но эта поездка оказалась безуспешной, и не добившись положительных результатов, Львов вернулся во Францию.

В 1918–1920 гг. он возглавлял Русское политическое совещание в Париже.

Позднее от политической деятельности отошёл, жил в Париже, бедствовал. Зарабатывал ремесленным трудом, писал мемуары.

Георгий Евгеньевич Львов скончался 7 марта 1925 г. и был похоронен в семейной могиле Вырубовых на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

Современники о Г.Е. Львове:

Милюков – лидер кадетской партии писал: «Надо признать, что выбор князя Львова главой революционного правительства был столь же неудачен, сколько он был в своё время неизбежен. Гамлетовская нерешительность, прикрытая

Семейная могила Вырубовых на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

Памятник Г.Е. Львову, открытый 30 мая 2003 г. в Алексинском районе города Тулы.
26 мая 2011 г. на здании Алексинской центральной районной библиотеки была установлена памятная доска в честь присвоения имени князя Георгия Евгеньевича Львова.

толстовским непротивленчеством и облечённая в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль, – это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера».

Н.И. Астров – член Главного комитета Всероссийского союза городов: «Репутация кн. Львова как исключительного по размаху деятельности практического работника и организатора признавалась всеми. Известность Львова росла с каждым днем. Его знала вся Россия. Его знала Россия земская и Россия городская. (...) Знала Львова и армия в лице военачальников и солдат, которые повсюду встречали общественную помощь. Эта помощь связывалась с именем князя Львова. Россия знала его и ценила. Узнавала и научалась ценить и заграница».

А.Ф. Керенский о Львове: «Он глубоко верил в народ, жил для него. Но народная толпа его не знала и не узнала. Подойти к ней, броситься с головой в это бушевавшее тогда море, он то ли не мог, то ли не умел, то ли не хотел, – не знаю. Чужим он стал скоро и «своим»».

В.А. Маклаков – правый кадет: «Он не только не делал, но и не пытался сделать что-нибудь для противодействия все растущему разложению. Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи».

Кадет В.А. Оболенский о Г.Е. Львове писал: «В центре хаоса, – беспомощная, безвластная фигура главы правительства, который готов во всем и всем уступать» [12].

А вот как оценивает его наш современник – академик Российской Академии наук Юрий Сергеевич Пивоваров: «Львов – это редкое сочетание человека глубоко нравственного, глубоко воцерковленного человека с такими славянофильскими симпатичными идеями, хотя иногда и с перехлестом, и одновременно предпринимательская жилка и честность, Гамлета, Дон Кихота, кого угодно» [19].

Мы солидарны с той оценкой личности князя Г.Е. Львова, которая уже звучала в ранее опубликованных работах одного из авторов данного материала, о том, что «решение острых социальных проблем он видел не в политической борьбе, а в развитии образования, культуры, в гармонизации интересов различных слоев общества, вовлечении простого народа в дела местного управления» [8, стр. 354]. Об этом же свидетельствует позиция князя в связи со сделанным ему предложением со стороны Председателя Совета Министров Российской империи П.А. Столыпина в 1906 году о вхождении в состав правительства. Г.Е. Львов выдвинул условие: «привлечь в правительство и других общественных деятелей, амнистировать политических заключенных и отменить смертную казнь за политические преступления. Это было неприемлемо для П.А. Столыпина» [8, стр. 356]. Вхождение князя в правительство тогда не состоялось. В то же время «несмотря на политические разногласия, хорошие отношения между Львовым и П.А. Столыпиным сохранялись до гибели последнего» [8, стр. 356].

ЦЕРЕТЕЛИ Ираклий Георгиевич (1881–1959)
Министр МВД. 10 июля – 25 июля 1917 г. (36 лет, 14 дней)

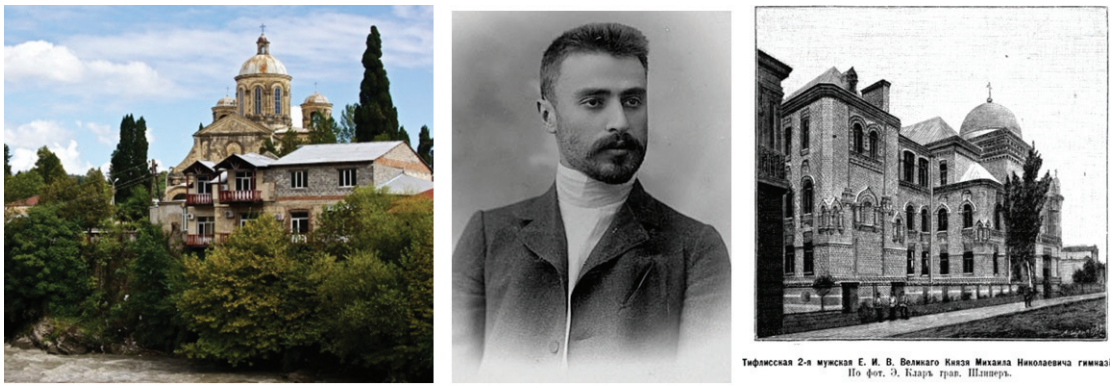
И.Г. Церетели – выходец из известной грузинской княжеской фамилии, родился 20 ноября 1881 г. в Кутаиси. Окончил 2-ю Тифлисскую мужскую гимназию, которая, в отличие от Первой гимназии, в которой учились преимущественно дети дворян, с самого начала была рассчитана на «разночинцев» и её состав был достаточно пестрым по социальному, национальному и религиозному составу.

В 1900 г. Ираклий поступил на юридический факультет Московского университета, но за активное участие в студенческом движении, в 1901 г. был сослан в Сибирь.

С 1903 г. – член Тифлисского комитета РСДРП, меньшевик, главный редактор журнала «Квали» («Борозда»).

Спасаясь от преследования, в 1904 г. уехал в Германию и поступил в Берлинский университет, но в июле 1905 г., вернулся в Россию и продолжил революционную деятельность.

В 1907 г. И.Г. Церетели был избран членом Второй Государственной Думы, председателем



Кутаиси в конце XIX в. Тифлисская 2-я мужская Его Императорского Величества Великого князя Михаила Николаевича гимназия.

социал-демократической фракции и членом аграрной комиссии Думы. В июне 1907 г. после разгона Думы был осуждён на 5 лет каторги, замененной 6 годами тюрьмы с последующим поселением в Сибири. С 1907 по март 1917 г. был на каторге и в ссылке.

После Февральской революции участвовал в создании Советов рабочих депутатов и Военной организации Иркутска.

19 марта Ираклий Георгиевич вернулся в Петроград и вошёл в состав исполкома Петроградского Совета, и как «революционный оборонец призывал мобилизовать все силы страны для укрепления фронта и тыла.

В мае 1917 г. вошёл в состав Временного правительства как министр почт и телеграфов. 4 июня на I съезде Советов Церетели заявил, что «В России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть», на это заявление Ленин ответил: «Есть такая партия!».

10 июля 1917 г. Церетели занял пост министра внутренних дел. Однако был министром МВД он только две недели, до 24 июля, и в этой должности его деятельность проявилась в том, что были предприняты меры по ликвидации Совета рабочей милиции Петрограда, находившейся под влиянием большевиков, и рабочих комиссариатов милиции.

28 мая 1917 г. Временное правительство приняло постановление о производстве ревизии городской милиции, которая имела целью «принятие мер к укреплению городской милиции и проведение глубокой разведки рабочих комиссариатов с целью принятия мер по разоружению рабочей милиции». Для этого была создана комиссия, которую возглавил начальник Главного управления по делам милиции Г.Д Сидамон-Эристов. С 5 по 20 июня комиссия проверила 35 комиссариатов милиции. Комиссия констатировала, что рабочие комиссариаты лучше вооружены, что рабочие несут службу значительно лучше. После июльских событий руководство

Церетели в мае 1917 г.

МВД было вынуждено констатировать, что милиция Петрограда со своими обязанностями справляется слабо [5].

После принятия Петроградским Советом большевистской резолюции «О власти» вместе со всем эсеро-меньшевистским Президиумом Петроградского Совета 6 сентября Церетели сложил свои полномочия.

К Октябрьской революции Ираклий Церетели отнёсся отрицательно. После роспуска Учредительного Собрания уехал в Грузию. В мае 1918 г. принял участие в образовании независимой Грузинской демократической республики, был избран в исполком Национального совета Грузии. Как делегат от Грузии, он в 1919-1920 гг. участвовал в Парижской (Версальской) и Сан-Ремской конференциях.

После ввода Красной Армии в Грузию в 1921 г. в эмиграции. С 1922 по 1930 гг. был членом Заграничного Бюро Социал-демократической рабочей партии Грузии. В 1931 г. отказался от членства в партии и фактически отошёл от политической деятельности.

После окончания в 1931 г. юридического факультета университета Сорбонны (Париж), занимался частной юридической практикой во Франции, а с 1940 г. – в США. Представлял грузинских социал-демократов в изгнании на многих международных форумах, был членом исполкома II Интернационала.

Умер Ираклий Георгиевич 21 мая 1959 г. в Нью-Йорке, США. Похоронен во Франции на грузинском кладбище в Левиль-сюр-Орж, под Парижем, переданном Грузии в 2011 г., на котором захоронено большинство Грузинской политической эмиграции 1921 года.

В день похорон И.Г. Церетели А.Ф. Керенский отметил, что он воскреснет в памяти народа, когда в России и Грузии, которые нераздельно владели его сердцем, опять послышится голос чести и свободы, которым он так беззаветно служил» [8, стр. 368].

Современники о И.Г. Церетели:

Из воспоминаний В. С. Войтинского (1885-1960) – непосредственного участника революционных событий в России начала XX в., в 1917 г. был членом Исполкома Петроградского совета и комиссаром Временного правительства на Северном фронте. После революции жил в эмиграции.

Герб княжеского рода Церетели.

Грузинское мемориальное кладбище в поместье Левиль, переданное Францией Грузии в 2011 г.

«Сила Церетели была не в том ореоле, который со времени Второй Государственной думы окружал его имя, и не в ораторском его даровании, и не в таланте политика-тактика, – главная его сила была в том, что он знал, чего хотел, имел определенный план, верил в него и умел с точки зрения этого плана рассматривать частные вопросы, выдвигаемые жизнью. 19 марта Церетели в первый раз говорил перед рабочей секцией Совета, а 22-го он уже был признанным, бесспорным руководителем Исполнительного комитета».

«Невольно напрашивается сравнение Церетели с руководителем противоположного крыла революционной демократии, с Лениным. При всей противоположности интеллектуального и морального облика этих двух деятелей, у них была одна общая черта, та черта, которая делает вождя – уверенность в правильности принятого пути. Но воля Церетели выявлялась в потоке проникнутых энтузиазмом речей, которыми он стремился убедить рабочих и солдат в том, что их собственные интересы, спасение революции, спасение России требуют от них подвига, жертв, самоотречения. А Ленин сравнительно редко выступал публично, больше работал молча, отыскивая в окружающей среде точки опоры для своей ”линии”, ловя в насыщенном грозой воздухе те лозунги, которые могли бы стать громовой стрелой его воли» [3].

Из воспоминаний В.М. Чернова – одного из основателей партии социалистов-революционеров и её основного теоретика, первого и последнего председателя Учредительного собрания.

«Лидером социал-демократов в Совете был И.Г. Церетели, сразу завоевавший мою большую личную симпатию, несмотря на все частные расхождения в политических диагнозах и прогнозах, назревавшие в ходе развертывания сложнейших противоречий революции» [9].

Из воспоминаний Ивана Куторги – активиста кадетской партии, члена президиума и управы объединения учащихся средних учебных заведений Петрограда при Партии народной свободы.

«Церетели захватывал своей подкупающей искренностью и горячностью и своей безграничной верой (как нам тогда казалось) в силу добра. Совсем другое впечатление производил, например, Дан с его бездушной талмудистской диалектикой. Вообще меньшевики среди юной петербургской интеллигенции не пользовались популярностью, тем более что они в значительной мере окрашивали Совет рабочих и солдатских депутатов. Совсем иным было наше отношение к группе «Единство»; но Плеханова мы больше с чужих слов почитали за его тогдашнюю позицию, чем на самом деле понимали. Его чисто европейский социализм был мало понятен нам, да и не только нам, но вообще сколько-нибудь широким слоям русского общества. Нас привлекала его непримиримость к «углубителям революции» и к официальной тактике Совета рабочих депутатов, но мы, конечно, совсем не понимали его глубокого пессимизма и всей глубины переживаемой им трагедии. Однако мы постоянно ходили на те выступления, которые без особого успеха группа «Единство» предпринимала с безнадежной надеждой, что ей удастся наставить русских социалистов на путь истины и внушить им, что помимо идеи свободы, мира, социального равенства и братства народов существует еще и реальная действительность, в которой протекает русская революция; что, в частности, налицо, с одной стороны, великая война, где на карту поставлены насущные интересы русского народа, а, с другой стороны, существует беспредельная наивность, политическая неискушенность этого народа, его глубокое невежество...».

«Вернувшись из сибирской ссылки с репутацией человека высокой морали и с большим личным влиянием на окружающих, Церетели прежде всего проявил себя, как хороший организатор. Ему удалось (после 20 марта) привести в порядок царивший в Совете хаос, поставить во главе его «исполнительный комитет» и прекратить самочинные действия членов Совета.

Церетели… связал имя Керенского со своим до самого конца существования коалиционного Временного правительства. Из правоверного марксиста и прирожденного миротворца вышел замечательный специалист по междупартийной технике, неистощимый изобретатель словесных формул, выводивших его героя и его партию из самых невозможных положений… Церетели принес себя в жертву, согласившись принять в министерстве второстепенный пост министра почт и телеграфов» [7; 13; 14].

АВКСЕНТЬЕВ Николай Дмитриевич
(1878–1943)

Министр МВД. 25 июля – 2 сентября 1917 г.
(35 лет, 2 мес.)

Н.Д. Авксентьев родился в дворянской семье 16 ноября 1878 г. в Пензе.

Окончил с золотой медалью Пензенскую классическую гимназию № 1 имени В.Г. Белинского.

В 1897 г. поступил на юридический факультет Московского университета. В 1899 году был исключен из университета за участие в студенческих волнениях «без права обратного поступления».

Авксентьев продолжил образование в Германии: в Берлинском, Лейпцигском, Гейдельбергском и Галльском университетах. В 1903 г. защитил докторскую диссертацию по философии Ф. Ницше, которая была издана в России в 1906 году под названием «Свехчеловек».

С 1905 г. член Партии социалистов-революционеров, с 1907 г. – член ЦК партии. Во время революции 1905–1907 гг. возглавлял фракцию эсеров в Петербургском совете рабочих депутатов, был членом Исполкома и товарищем председателя.

За участие в революционных событиях 1905 г. был арестован, осужден, лишен дворянского звания и сослан в Сибирь, откуда бежал за границу в 1907 г.

Пенза в конце XIX века. Пензенская классическая гимназия № 1 имени В.Г. Белинского.

Московский университет на Моховой улице в конце XIX века.

Петербургский совет рабочих депутатов (1905 г.) Обдорск Салехард) в начале XX в.

В годы Первой мировой войны занимал оборонческую позицию, в 1914–1915 гг. редактировал оборонческую газету «Новости». 8 апреля 1917 г. вернулся в Россию.

С 24 июля 1917 г. руководил Министерством внутренних дел в составе второго коалиционного Временного правительства. В условиях резкого роста преступности в стране проблемами милиции практически не занимался, как организатор был чрезвычайно слаб. Один из министров, хорошо знавших Авксентьева, отмечал, что этот «старый, честный, убеждённый деятель эсеровской партии, имеющий огромный ораторский талант, но по своим административным способностям – это круглый ноль без сучка и задоринки» [8, стр. 373].

Ушел в отставку с поста министра в связи с кризисом «второго» и формированием «третьего» коалиционного правительства.

После Октябрьской революции 1917 г. был одним из организаторов Комитета спасения Родины и Революции, одним из руководителей Союза защиты Учредительного собрания, за что был заключён в Петропавловскую крепость.

Больным Авксентьев был переведён в больницу тюрьмы «Кресты», из которой был освобождён благодаря вмешательству наркома юстиции эсера Исаака Штейнберга.

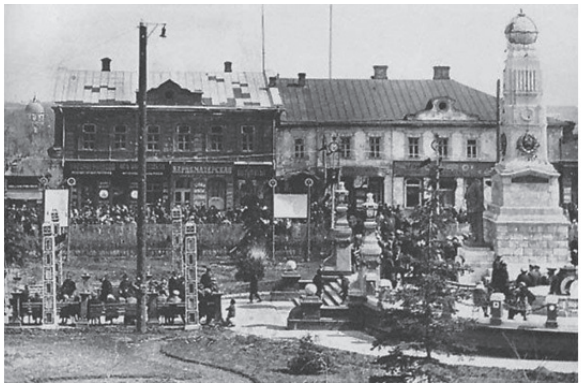
Н.Д Авксентьев участвовал в руководстве «Союзом возрождения России», созданном весной 1918 г. с целью свержения правительства большевиков и левых эсеров, и созыва Учредительного собрания.

Николай Дмитриевич являлся Председателем «Временного Всероссийского правительства» (так называемая «Директория», состоявшая из 5 лиц), созданного в сентябре 1918 г. в Уфе.

В ночь на 18 ноября 1918 г. военный и

Член Временного правительства России Н.Д. Авксентьев среди военных.

Н.Д. Авксентьев – Председатель исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов в августе 1917 г.



Уфа в 1918 г. Члены «Временного Всероссийского правительства» – уфимской «Директории». Ноябрь 1918 г. В центре в первом ряду – Н.Д. Авксентьев

морской министр «Временного Всероссийского правительства» А. В. Колчак совершил переворот. Члены правительства были арестованы и высланы насильственно за границу, в их числе и Н.Д. Авксентьев.

В 1918–1940 гг. доктор философии Авксентьев вёл активную деятельность в различных эмигрантских организациях, был досточтимым мастером парижской масонской ложи «Северная звезда» (ВВФ), издавал журнал «Современные записки», но от активной политической деятельности отошел. В 1940 г. после нападения фашистской Германии на Францию, переехал в США, где выпускал журнал «За свободу» [15; 20].

Умер в эмиграции 4 марта 1943 г. Похоронен на русском кладбище в Нью-Йорке [1].

Современники об Аксеньтьеве:

В.М. Чернов – первый и последний председатель Учредительного собрания, с которым Авксентьев остро конфликтовал, считая его «роковым» для партии человеком, виновником всех ее неудач в 1917–1918 гг. Он писал, что «Авксентьев был широко философски образованным человеком с прекрасным художественным вкусом, превосходный чтец, блестящий рассказчик и остроумный собеседник». В его духовном складе и манерах «чувствовалась дворянская, из поколения в поколение идущая культурность, выражающаяся в природном такте, чувстве меры, умении себя держать, представительности, способности импонировать без особых к тому усилий» [9].

Самое большое русское кладбище в Америке, в Нью-Йорке.

НИКИТИН Алексей Максимович (1876–1939)
Министр МВД. 4 сентября – 25 октября 1917 г.
(41 год, 2 мес.)

А.М. Никитин родился 12 февраля 1876 г. в Нижнем Новгороде в купеческой семье. Окончил юридический факультет Московского университета.

С 1899 г. – член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В 1902 г. находился в заключении в Нижегородской тюрьме. С 1903 – меньшевик. Занимался адвокатской практикой, присяжный поверенный. Вместе с А.Ф. Керенским участвовал в работе комиссии по расследованию расстрела на Ленских приисках в 1912 г.

Во время Февральской революции 1917 г. был председателем Военно-революционного комитета (ВРК) Москвы.

С 1 марта – председатель Московского совета рабочих депутатов, с 5 марта – начальник милиции Москвы.

С 11 апреля 1917 г. – член президиума исполкома Моссовета, с 25 июня – заместитель председателя московской городской управы.

С июля по сентябрь 1917 г. министр почт и телеграфов. С 1 по 25 сентября член «Совета пяти», или «Директории», исполнявший функции правительства до создания «Третьего коалиционного» Временного правительства, в котором занял пост министра почт и телеграфов и одновременно министра внутренних дел. По его распоряжению было проведено обследование милиции, которое показало, что она фактически не действует, погрязла в вымогательствах, отсутствует дисциплина, пропадает табельное оружие. В этой связи была создана комиссия по реорганизации милиции. В условиях катастрофического ухудшения ситуации в стране Министерство внутренних дел и военное министерство договорились о том, что местные органы могут обращаться к командирам воинских частей с целью формирования новой милиции из лучших офицеров и солдат, желательно «георгиевских кавалеров». Но все попытки взять ситуацию под контроль оказались тщетными, так как в столице России – Петрограде власть перешла в руки Петроградского Совета и находящихся в его подчинении Красной гвардии и рабочей милиции, усилившихся и поднявший свой авторитет в период борьбы с корниловщиной.

25 октября 1917 г. Временное правительство было арестовано, в том числе и министр внутренних дел А.М. Никитин, разославшим за несколько часов до ареста распоряжение местным властям – «принять все меры для поддержания правительства».

29 октября члены Временного правительства министры-социалисты, состоявшие в партиях эсеров и меньшевиков, входивших в Советы, в том числе и А.М. Никитин, были отпущены на свободу.

Входил в состав Подпольного временного правительства, взаимодействовал с антибольшевистской организацией – Комитетом защиты Родины и свободы, активно участвовал в подготовке Учредительного собрания.

«Подпольное Временное правительство пыталось полностью восстановить себя как единственно законное правительство. И в этом А. Никитину, проявлявшему активность и смелость, принадлежала большая роль. Как представитель Временного правительства, он взаимодействовал с Комитетом защиты Родины и свободы – антибольшевистской организацией, готовившей вооруженное сопротивление новой

Нижний Новгород в 1900 г.

Расстрел на Ленских золотых приисках в 1912 г.

власти. Когда 11 ноября 1917 года в Петрограде вспыхнуло восстание юнкеров и офицеров, А.М. Никитин как министр Временного правительства, разослал в губернии телеграммы о том, что «население относится к большевикам с ненавистью… Временное правительство принимает меры по восстановлению правительственного аппарата». Более того, 20 ноября 1917 года, почти месяц спустя после установления Советской власти, на заседании Временного правительства под руководством А.М. Никитина, обсуждался вопрос о государственном кредите городскому хозяйству Петрограда, а заместителю министра юстиции было поручено подготовить сообщение «О преступных действиях большевиков»» [2, стр. 328-329].

В то же время власть большевиков укреплялась. «И когда 12 членов Временного правительства обратились к населению с воззванием, в котором, называя себя единственной законной властью, объявили открытие Учредительного собрания 11 декабря 1917 года, Совнарком закрыл все газеты, опубликовавшие это воззвание, а министров отправил в Кронштадт «под надзор местного совета». Газета «Правда» сообщала, что советская власть не придает значения выступлению бывших министров и отправляет их в Кронштадт для того, чтобы оградить «от возмущения рабочих и крестьян» и избежать тем самым «нежелательных эксцессов»» [2, стр. 329].

После разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. жил в Петрограде и активного участия в политической жизни не принимал. Работал в кооперации, был председателем комитета по делам кооперации Юга России, уехал в Ростов-на-Дону, который вскоре был занят войсками Деникина.

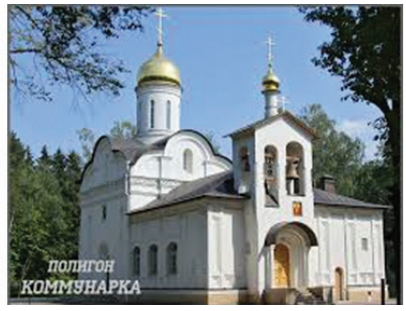
В мае 1920 г. был обвинён в том, что «направлял деятельность кооперативных организаций Юга России в контрреволюционное русло поддержки Деникина и деникинщины», арестован и доставлен в Москву.

В сентябре 1920 г. Никитин был приговорён к расстрелу, заменённому 15 годами лишения свободы. В 1921 г. в связи с окончанием Гражданской войны был амнистирован и после досрочного освобождения работал в хозяйственных органах.

В 20-30-е годы неоднократно подвергался арестам и освобождался. В последний раз был арестован 14 марта 1938 г, обвинён в участии в контрреволюционной террористической организации. 13 апреля 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к смертной казни.

14 апреля 1939 г. был расстрелян на территории подсобного хозяйства НКВД на 24-м километре Калужского шоссе (расстрельный полигон «Коммунарка»). Там же похоронен [21].

Реабилитирован в 1991 г.



Расстрельный полигон «Коммунарка»
Храм Святых Новомучеников и Исповедников Российских.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Включение в статью материала, посвященного министрам внутренних дел Всероссийского правительства Российского Государства А.В. Колчака, обусловлено рядом причин.

Белое движение в России – это организованное военно-политическое движение, сформировавшееся в ходе Гражданской войны 1917 – 1922 гг., которое объединяло политические режимы, отличавшиеся общностью социально-политических и экономических программ, признанием принципа единоличной власти (военной диктатуры) в общероссийском масштабе. Руководители Белого движения стремились к координации военных действий и политических усилий в борьбе с Советской властью.

Как наиболее организованное и устойчивое антибольшевистское движение на территории бывшей Российской империи, оно имело целью объединение представителей всех сословий российского общества начала XX века и политических партий от монархистов до социал-демократов.

18 ноября 1918 года в Омске, во главе с военно-политическим лидером Белого движения, Верховным Правителем России адмиралом А.В. Колчаком было сформировано Российское правительство – Правительство Государства Российского, (известное также как «Омское правительство», Правительство Колчака, Колчаковское правительство). Власть Верховного Правителя России была признана генералом Деникиным, Главнокомандующим Северо-Западным фронтом, и генералом от инфантерии Юденичем – правительством Северной области, то есть практически всеми другими белыми правительствами.

Большинство руководителей Белого движения были патриотами России, они горько переживали заключение позорного Брестского мира с Германией, считали большевиков предателями России. Безусловно, патриотом России был и сам А.В. Колчак, и министры внутренних дел руководимого им правительства А.Н. Гаттенбергер и В.Н. Пепеляев, любил Россию и А.А. Червен-Водали, который перед казнью в письме жене писал: «Через несколько мгновений нас расстреляют, умираю за Родину, которую горячо любил и к этому призываю тебя». Вместе с тем, мы не отрицаем того, что в борьбе с Советской власти, с большевиками, они использовали самые различные методы и средства, от их рук погибли многие тысячи мирных граждан.

Исходя из этих соображений и учитывая, что компетенции министров МВД в правительстве Верховного Правителя Колчака распространялись в это время на значительную часть России, их упоминание в числе министров России, нам представляется целесообразным.

Оркестр и хор исполняют Гимн. Государственным гимном Российского государства – Верховного правителя Колчака в 1918-1919 гг. был "Коль славен наш Господь в Сионе".
Особняк купца Батюшкова, который был резиденцией А.В. Колчака в Омске в 1919 г.
Проект Герба Российского государства

Омск. Здание генерал-губернаторского дворца, в котором заседало правительство Колчака. Верховный правитель России А.В. Колчак.

Министры внутренних дел Белого движения в России (1918 – 1920 гг.):

А.Н. Гаттенбергер (1861-1939)

В.Н. Пепеляев (1885-1920)

А.А. Червен-Водали (1872-1920)

ГАТТЕНБЕРГЕР Александр Николаевич (1861–1939)

Управляющий МВД Всероссийского правительства.
4 ноября 1918 – 29 апреля 1919 гг.
(57 лет, 5 мес.)

А.Н. Гаттенбергер родился 23 апреля1861 г. в селе Юрушково, Макарьевской волости, Весьегонского уезда Тверской губернии.

После окончания в 1890 г. Киевского пехотного инженерного юнкерского училища около года служил в Нижнем Новгороде. В 1891 г. в чине штабс-капитана оставил военную службу, и отставной кадровый офицер со средним военным образованием стал служить мировым судьёй в Твери.

С 1897 г. жил в Томске, служил мировым судьёй и присяжным поверенным, не имея юридического образования.

В ноябре 1905 г. был в числе учредителей местного отдела конституционно-демократической партии, избран членом её губернского комитета.

Со 2 сентября 1918 служил томским губернским комиссаром Временного Сибирского правительства. Им была создана губернская милиция.

Александр Николаевич проявил себя жестким руководителем губернии: усмирял беспорядки на Анжерских копях, разогнал Сибирскую областную думу, которая заседала в Томске,

Дом А.Н. Гаттенбергера в с. Юрушково Макарьевской волости, Весьегонского уезда Тверской губернии. Знак окончания училища. Киевское пехотное юнкерское инженерное училище.

Город Томск в 1919 г.

и арестовал ее активистов, заявив, что «это социалисты, их надо гнать», жестко подавил Чумайское крестьянское восстание. В ночь на 1 ноября 1918 г. в Томске произошло восстание политзаключенных и солдат-новобранцев, которое было быстро подавлено, и уже через сутки 128 участников его были расстреляны.

4 ноября 1918 г. Гаттенбергер был назначен управляющим Министерством внутренних дел Временного Всероссийского (с 18 ноября 1918 г. – Российского) правительства – единственный из министров правительства Колчака, не имевший высшего образования [6].

Как министр, наметил для своей деятельности задачи: улучшение администрации, изменение избирательных законов в городские и земские самоуправления за предоставление персонального, а не только группового выбора, расширение бюджетных прав земств и городов в деле осуществления задач общегосударственного значения.

29 апреля 1919 г. Гаттенбергер был освобождён от должности по собственной просьбе, но продолжал работать в правительстве.

В феврале 1920 г. эмигрировал на японском военном поезде в Китай и проживал с перерывами в Харбине.

С 1922 г. жил в США.

Умер Александр Николаевич на 78 году жизни 3 мая 1939 г. в США. Похоронен в США на Сербском православном кладбище в Колма, неподалёку от Сан-Франциско.

Современники о А.Н. Гаттенбергере:

В Докладной записке «Состав совета министров», найденной при аресте Колчака в январе 1920 г., дана следующая характеристика Гаттенбергера: «Как личность – весьма порядочный человек. По политическим воззрениям – кадет, с уклоном к областничеству. В омских интеллигентских кругах его считали человеком твердым и решительным. При вспыхнувшем в Томске мятеже, осложнившимся нападением

на тюрьмы, в полном единодушии с военными властями весьма круто расправился с мятежниками… На посту министра внутренних дел в правительстве Колчака не выработал программы действий министерства и фактически, довел его до катастрофы… При малейшем расхождении с другими министрами и правительственными деятелями подавал прошения об отставке» [17].

Сербское православное кладбище в Колма, неподалёку от Сан-Франциско. США, где покоятся белогвардейцы и их потомки. Могила А.Н. Гаттенбергера.

ПЕПЕЛЯЕВ Виктор Николаевич (1885–1920)
Министр МВД Временного Всероссийского правительства.
1 мая – 22 ноября 1919 г. (34 года, 7 мес.)

В.Н. Пепеляев родился 27 декабря 1884 г. в Нарыме, Томской губернии, окончил Томскую мужскую гимназию.

В 1909 г. Виктор Николаевич завершил обучение на юридическом факультете Томского университета и на историко-филологическом факультете университета сдал особые экзамены по истории и другим предметам, дававшие право преподавать в школе.

С 1909 по 1912 г. преподавал историю в Бийской женской гимназии.

20 декабря 1912 г. Пепеляев был избран в Государственную думу. Входил в состав думских комиссий по законодательным предложениям и по народному образованию.

Во время Первой мировой войны работал на фронте во главе 3-го сибирского санитарного

Главная улица Нарыми. 1890 г. Мужская гимназия в Томске.

Сохранившийся дом Пепеляевых в Томске, улица Кузнецова, 18.
Бийская женская гимназия. 1906 г.

отряда, организованного союзом городов и прикомандированного к 11-й Сибирской стрелковой дивизии.

Февральскую революцию 1917 г. В.Н. Пепеляев встретил в Петрограде. 28 февраля был назначен комиссаром Временного Комитета Государственной думы в Петроградском градоначальстве. 2 марта 1917 г. направлен в Кронштадт и назначен комиссаром Временного правительства и «командиром порта г. Кронштадта».

Летом 1917 г. вёл агитационную работу за войну с Германией до победы.

После Октябрьской революции до весны 1918 г. оставался в Петрограде, принимая участие в подпольной борьбе против большевиков.

Являясь членом организации «Национальный Центр», в августе 1918 г. был командирован в Сибирь.

С октября 1918 г. В.Н. Пепеляев – член восточного бюро ЦК партии кадетов в Омске, а 9 ноября был избран в Омске председателем Президиума Восточного отдела ЦК кадетов.

Виктор Пепеляев был одним из организаторов колчаковского переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Адмирал Колчак назначил его директором департамента милиции и государственной охраны. Пепеляев заявил, что «все свои силы и энергию отдаст на борьбу с анархией и большевизмом».

С весны 1919 г. министр внутренних дел, член Совета Верховного правителя.

23 ноября 1918 г. Виктор Николаевич был назначен премьер-министром правительства Колчака.

24 декабря 1919 г. в Иркутске началось антиколчаковское восстание. 26 декабря поезд с А.В. Колчаком и В.Н. Пепеляевым был задержан белочехами, которые 15 января 1920 г. передали их эсеро-меньшевистскому Политцентру,

Сибирская группа депутатов IV Государственной думы.
Пепеляев в первом ряду второй слева.

который с 5 января 1920 г. стал руководящим органом власти в Иркутске.

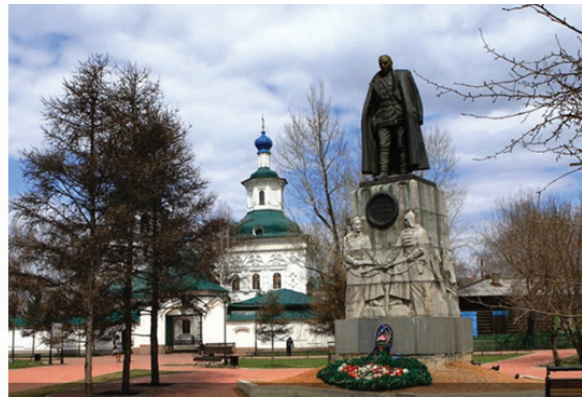
21 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к Иркутскому Революционному Комитету (ревком), который 6 февраля 1920 г. принял решение расстрелять А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева.

В ночь на 7 февраля 1920 г. на берегу реки Ушаковки (приток Ангары) приговор был приведён в исполнение. Адмирал Колчак и В.Н. Пепеляев были тайно расстреляны и сброшены в прорубь.

Современники о В.Н. Пепеляеве:

Русский юрист, общественный деятель и политик П.П. Гронский писал: «Для всех, кто близко знал В. Н., были ясны три основных, руководящих черты его характера: твердая воля, настойчивость в проведении в жизнь принятых им решений и глубокий искренний патриотизм. Он твердо верил в то, что борьба вооружённой рукой против большевиков есть единственный путь к возрождению былой мощи России и к созданию русского демократического правительства» [4, стр. 161].

А.В. Колчак и В.Н. Пепеляев.



Место расстрела А.В. Колчака и В.М. Пепеляева на реке Ушаковка. Памятник адмиралу А.В. Колчаку работы народного скульптора России Вячеслава Клыкова, установленный на месте предполагаемого расстрела на берегу Ангары возле Иркутского Знаменского монастыря в 2004 году.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ Александр Александрович (1872–1920)
Министр МВД Временного Всероссийского правительства
22 ноября 1919 – 4 января 1920 гг.
(48 лет, 1 мес.)

А.А. Червен-Водали родился 7 декабря 1871 г. в Молдавии в семье бессарабского помещика-молдаванина, женатого на англичанке.

Окончил Одесскую гимназию, физико-математический и юридический факультеты Санкт-Петербургского университета. Был оставлен при университете на кафедре физики «для приготовления к профессорскому званию».

С 1903 года работал нотариусом в Твери. С 1905 г. – член Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), с 1906 г. – руководитель её тверской организации.

В конце октября 1915 г. возглавил Тверской городской военно-промышленный комитет. Руководил Тверским комитетом Союза городов по организации помощи воинам.

С 1 марта 1917 г. – председатель Временного исполкома Тверского комитета общественных организаций, губернский комиссар Временного правительства. Ввёл вооружённую охрану основных объектов в Твери, наладил распределение продовольствия, создал городскую милицию.

С конца мая 1917 г. в Москве: член городской управы, работал в Торгово-промышленном союзе, входил в состав Главного комитета Союза городов.

В августе 1917 г. командирован Союзом городов на Юго-Западный фронт для восстановления фронтового комитета Союза.

После Октябрьской революции 1917 г. был членом антибольшевистской подпольной организации «Девятка», затем стал активным участником Правого центра и Всероссийского национального центра.

В 1918 г. в Добровольческой армии Юга России.

В марте 1919 г. по просьбе Сибирских кадетов, просивших прислать в Ставку Верховного правителя России – А.В. Колчака опытных организаторов, способных реализовать идею объединения фронта и тыла в единый лагерь, был командирован в Сибирь.

С 25 ноября 1919 г. – товарищ министра внутренних дел в правительстве Колчака, министр внутренних дел.

28 декабря 1919 года вошёл в состав оперативного органа государственного управления, образованного в Иркутске – так называемой «троектории».

После свержения колчаковской власти добровольно явился в распоряжение Иркутского Политцентра, по указанию руководства которого был арестован. В апреле 1920 этапирован в Омск.

Чрезвычайным революционным трибуналом при Сибирском ревкоме на показательном судебном процессе, проводившемся в Омске с 20 по 30 мая 1920 г. в специально подготовленном зале в Здании Главных мастерских Сибирской железной дороги, был приговорён к расстрелу.

Обвинитель в заключительной речи задал вопрос находившимся на заседании: «Какого наказания достойны преступники-колчаковцы?». На это присутствующие воскликнули: «Смерти!». В ночь с 22 на 23 июля 1920 г. Червен-Водали вместе с Шумиловским, Клафтоном и Ларионовым был расстрелян.

Одесса в конце XIX века. Здание Санкт-Петербургского университета. 1890 г.

Показательный судебный процесс в Омске 20 – 30 мая 1920 г. Здание Главных мастерских Сибирской железной дороги в Омске, где проходил судебный процесс.
Зал заседаний, где проходил судебный процесс.

Сотрудник А.М. Горького А.Н. Бах, женатый на одной из сестер А.А. Червен-Водали, ходатайствовал перед Советским правительством о смягчении наказания шурину. Чрезвычайный уполномоченный Совета труда и обороны по снабжению армии и флота А.И. Рыков выразил уверенность в том, что по силе своего ума Червен-Водали может принести пользу Советской власти. К делу Червен-Водали подключили жену Горького.

Мотивы борьбы А.А. Червен-Водали с большевиками понимали и признавали благородными даже враги. На заседании Чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском ревкоме в мае 1920 г. он заявил, что не считает себя виновным: «Под словом Родина я понимаю и думаю, что понимают и другие: страну, в которой мы выросли, среди народа русского, среди людей, которые нам также дороги, как и всем остальным русским людям, а если мы в период борьбы совершали, может быть действия, которые нанесли, может быть, ущерб Родине, то не следует, что эти действия были целью нашей работы. Мы считали, что этим путём достигнем пользы Родине. Потому что под отечеством мы подразумевали русский народ полностью, а не какой-нибудь класс» [10; 11, стр. 24].

Но представители СНК – Калинин и Ленин, Президиум ВЦИК отклонили ходатайство Червен-Водали и его адвоката о помиловании, несмотря на иное мнение Троцкого. Приговор был приведен в исполнение в Иркутске в ночь на 23 июня 1920 г.

Перед смертью Александр Александрович попросил передать жене часы, обручальное кольцо, крест и письмо, в котором писал: «Через несколько мгновений нас расстреляют, умираю за Родину, которую горячо любил и к этому призываю тебя». Ольга Николаевна получила эти предметы и письмо в 1922 г.

Современники о А.А. Червен-Водали:

По свидетельству Н.И. Астрова (1868 – 1934) – русского политического и общественного деятеля, кадета, московского городского головы в 1917 г., Червен-Водали «был человек, полный сил и большой энергии. Человек инициативы, предприимчивости и умения не только говорить, но и с увлечением делать то, что составляло предмет его убеждений. Его знали, ему доверяли и ценили. Он был одним из тех деятелей и культурных людей, которые оживляли серое существование нашей провинции в предшествовавшие войне годы» [16].

Список литературы

1. Аракелова М. П., Городницкий Р. А. Николай Дмитриевич Авксентьев: министр, партийный лидер, человек. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2005. – № 1. – С. 66-77.
2. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
3. Войтинский В. 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю. Фельштинского. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1999. – 320 с. (Тайны истории в романах, повестях и документах).
4. Гронский П.П. Памяти погибших: Сборник. – Париж, 1929. – 237 с.
5. Гутман М.Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России: (1917 – 1920 гг.): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Фонд «Университет», 2002. – 320 с.
6. Кузбасс (областная массовая газета). – 2011. – № 105 (25311). – 15 июня.
7. Куторга И. Ораторы и массы. Риторика и стиль политического поведения в 1917 году // https://www.litmir.me/br/?b=78980&p=1.
8. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
9. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – N.-Y.: Изд. имени Чехова. 1953. - 412, [4] с.
10. Шинкарёв Л. Сибирь: откуда она пошла и куда она идёт. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. - 485 с., 16 л. ил. : ил.
11. http://istmat.info/node/30343.
12. http://ruskline.ru/history/2016/05/31/kalif_na_chas.
13. http://socialist.memo.ru/lists/shtrihi/l90.htm.
14. http://uryadnik.ru/razboynyy-prikaz/ministry-mvd-vremennogo-pravitelstva/cereteli-1.
15. http://www.domrz.ru/press/memo_dates/140_let_so_dnya_rozhdeniya_n_d_avksenteva.
16. http://www.hrono.ru/biograf/bio_ch/cherven_vodali.php.
17. http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gattenberg.php.
18. http://www.praviteli.org/records/rus_1917/vp2/lvov.php. Львов Георгий Евгеньевич.
19. https://foma.ru/litsa-1917-go-knyaz-georgiy-lvov.htm.
20. https://ru.wikipedia.org/wiki/Авксентьев, Николай_Дмитриевич.
21. https://ru.wikipedia.org/wiki/Никитин,_Алексей_Максимович.

ИРИНА Анастасия Александровна,
магистрант кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАШЛЯПИН Леонид Александрович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Высказывается мнение о том, что в Уставе уголовного судопроизводства произошла институализация очной ставки в уголовном процессе. Современный законодатель может заимствовать совокупность нормативных идей Устава уголовного судопроизводства для регулирования очной ставки как института.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *уголовный процесс; судебная реформа; Устав уголовного судопроизводства; следственные действия; очная ставка.*

IRINA A.A.
ZASHLYAPIN L.A.

INSTITUATION OF THE FACE-TO-FACE RATE IN THE CRIMINAL COURT STATUTE

The summary. *It is believed that the Criminal Procedure Charter has insituated the face-to-face rate in the criminal process. Modern legislators can borrow a set of regulatory ideas of the Criminal Justice Charter to regulate the face-to-face rate as an institution.*

It is published in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *criminal trial; judicial reform; the statute of criminal justice; investigative actions face-to-face bet.*

Научные мероприятия, посвященные влиянию судебной реформы 1864 года на современное законодательство России, инициируемые Фондом поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони совместно с Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия, видятся исключительно значимыми в силу того, что многие институты отечественного уголовного процесса, представленные в действующим уголовно-процессуальном законе, исторически обусловлены нормативными идеями Устава уголовного судопроизводства Российской

Империи (далее – УУС). Это, по нашему мнению, относится и к институту очной ставки.

Проявляя достаточно высокую юридическую технику, законодатель Российской Империи в УУС представил некоторое множество юридических норм, направленных не регулирование однородных уголовно-процессуальных отношений, которые обладают признаками обособленности от иных групп норм. При этом, как отмечает В. П. Очередько, формирование отраслевых институтов всегда есть отражение развития общества, своеобразного «уровня развития социума» [3]. Нельзя исключать, что социальные ожидания конца XIX и начала XXI вв. имеют схожие в своей основе факторы, как минимум, психологически допускающие по этой причине применение аналогии.

Для исследования избранной темы весьма важным видится эволюционная составляющая института «очная ставка», отмечаемая в уголовно-процессуальной литературе [1; 2]. Эта важность может проявляться в том, что возникновение очной ставки как регулируемого законом процессуального действия досудебного производства по уголовным делам, может связываться с определенным стечением факторов (реализованного типа уголовного процесса, принципов уголовного судопроизводства, предусмотренных в законе определенного исторического периода); с изменением этих факторов (законотворческих или правопонимания), влекущих и изменение регламентации и самого понимания очной ставки. Переход от следственного типа уголовного процесса к состязательному, опосредуемый УУС, и переход от такого же типа процесса к состязательному по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации 2001 года (далее – УПК 2001 г.) создают почву для заимствования идей.

Очевидно, что современный законодатель не является первенцем введения в УПК 2001 г. такого следственного действия как очная ставка. Более того, нельзя исключать (на уровне гипотезы), что юридическая конструкция очной ставки, нормативные правила ее регулирования, могут связываться с нормативными идеями УУС, искаженными промежуточным советским законодательством.

Исследуя нормативные идеи УУС, актуальные для современного законодателя, прежде всего, рассмотрим нормативную базу УУС, позволяющую выявить эпигенез очной ставки как правового института. Сразу укажем на то, что УУС прямо упоминает очную ставку в статьях 452 и 726. Логично полагать, что две статьи, закрепляющие нормы о регулировании очной ставки могут содержать в себе достаточное множество юридических норм, связанных между собой.

Начнем наш анализ с первой из упомянутых статей, правила которой позволяют сформировать следующую характеристику гипотетического института очной ставки:

1) Производство очной ставки по УУС допускалось между свидетелями. При этом, естественно, что конструкция рассматриваемого нормативного акта могла позволять производство данного процессуального действия и с участием потерпевшего от преступления лица, дающего показания в уголовно-процессуальном статусе свидетеля. Диспозиция ст. 452 УУС значительно уже представляет круг субъектов, чем это предусмотрено в действующем уголовно-процессуальном законе России.

2) Реализация данного процессуального действия была возможна при наличии единственного основания – противоречии показаний свидетелей.

3) При этом, однако, само по себе наличие противоречия между показаниями свидетелей, не допускало использование очной ставки в производстве по уголовному делу. Эти противоречия должны были влиять на определение направления следствия по уголовному делу, то есть быть (на современном языке) – существенными.

4) Нормативные правила ст. 425 УУС касались производства по уголовным делам в окружных судах.

Нормативные правила ст. 726 УУС позволяют выделить такие характерные признаки очной ставки как процессуального действия:

1) Законодатель Российской Империи и в этом случае участниками рассматриваемого действия видел лишь свидетелей, чему можно давать несколько более широкое толкование, включая в этот состав и лиц, потерпевших от преступления, но не более. Очевидно, что отмеченное проявляет коллизию с современным законодательством, по которому, подозреваемый и обвиняемый могут быть участниками современной очной ставки, что было привнесено в уголовно-процессуальный закон советским законодателем.

2) Регламентация данного процессуального действия относится к порядку производства судебного следствия. При этом надо понимать,

что современное предварительное следствие, возможно, своим эквивалентом имеет полицейское дознание по УУС, а досудебное производство (предварительное расследование на современном языке) есть элемент подготовки дела к судебному разбирательству судебным следователем.

3) Законодательство конца XIX в. в конструкции анализируемого закона подает очную ставку в одном ряду с повторным допросом свидетеля в присутствии другого свидетеля, но различия эти действия. В обоих случаях показания первого свидетеля воспринимаются вторым свидетелем (на языке УУС – передопрос в присутствии другого свидетеля). Допускается и инверсия – показания второго свидетеля воспринимаются первым свидетелем. Можно предполагать, что повторный допрос в присутствии другого свидетеля не имеет определенной конфронтации по предмету допроса. Очная же ставка, что можно предполагать, должна иметь столкновение (ставку) показаний первого и второго свидетеля по предмету допроса (передопроса, повторного допроса).

Современный законодатель не предусматривает досудебного допроса одного свидетеля в присутствии другого свидетеля. Возможно, что идеология УУС и действующего уголовно-процессуального закона (под воздействием промежуточного советского законодательства) несколько отличаются. В связи с этим, обратимся к тем нормативным положениям, которые определяют в УУС статус судебного следователя.

Во-первых, в главе «О представлении обвиняемого к следствию и допросе его» предусматривается три правила:

а) Обвиняемые всегда должны допрашиваться порознь (ст. 407 УУС). Допрос одного обвиняемого в присутствии второго обвиняемого не допускался. Сделано это было, с одной стороны, в целях исключения обмена информацией между обвиняемыми (исключение стачки на языке исследуемого нормативного акта);

б) Судебный следователь не имел права каким-либо образом склонять обвиняемого к признательным показаниями или показаниям, схожим с показаниями иных лиц (ст. 405 УУС);

в) Лицо, производящее предварительное расследование (в смысле, предаваемом УУС) должно было делать это беспристрастно, то есть не делать предварительной оценки одних показаний относительно других как истинных или ложных (ст. 265 УУС), основа процессуальной деятельности этого лица сводилась к собиранию доказательств (ст. 266 УУС).

Из анализа нормативной базы, приведенной выше (в качестве промежуточного итога), следует, что УУС рассматривал обвиняемого как субъекта уголовного процесса, но не источника собирания доказательств его собственной вины. Единственными участниками очной ставки могли являться свидетели, что закономерно, так как с их помощью собираются доказательства вины обвиняемого. Несмотря на отсутствие принципа (нормы) о презумпции невиновности в УУС, идея презумпции невиновности была реализована в том, что исключалось проведение очной ставки (собирание доказательств) с участием обвиняемого (возложения обязанности доказывания на сторону защиты, а не обвинения).

Теоретическая база, фиксирующая формирование института очной ставки может связываться со следующими суждениями теоретиков уголовного судопроизводства. При этом взгляды ученых-процессуалистов на очную ставку видятся весьма небольшими по объему, но соответствующими понимаю сути очной ставки и решаемых ею процессуальных задач в уголовно-процессуальном законе того времени.

Прежде всего, приведем достаточно обширную, но точно характеризующую воззрения ученых конца XIX в. на очную ставку, позицию А. Тимановского. Данный автор писал: «Вообще при допросе обвиняемого следователь должен иметь в виду, что *показание его*, каково бы оно не было по содержанию, состоит ли оно в признании или напротив в отрицании возводимого на него обвинения, с уничтожением теории законных доказательств, *потеряло значение доказательства* и важно только как указание на такие обстоятельства, существование которых следователь мог и не подозревать (курсив наш. – А.И., Л.З.)» [4, стр. 366]. Из этого следует, что теория уголовного судопроизводства, отражая нормативные идеи устава, не видела проведения очной ставки в качестве средства собирания доказательств силами самого обвиняемого. Современное понимание очной ставки, когда ее производство чаще всего связано с участием в ней обвиняемого, не

отвечает этому подходу. Законодатель российской империи и ученые-процессуалисты того времени считали, что обвиняемый не должен быть источником доказательств против него самого и не рассматривали его в качестве участника очной ставки.

В систематическом комментарии устава уголовного судопроизводства, к авторам которого относится А.Ф. Кони и другие авторитетные юристы того времени, подчеркивается, что «законодатель предпочитает *отказаться от сознания обвиняемого как доказательства*, чем допустить падение морального авторитета суда (курсив наш. – А.И., Л.З.)», «*доказательства* свои следователь должен черпать не столько в допросах обвиняемого, сколько *в других следственных действиях* (курсив наш. – А.И., Л.З.)» [5, стр. 406, 793]. Правовая культура как авторов нормативных правил УУС, так и комментаторов этого закона особо понимает категорию «правосудие» и предназначение суда, которой не имманентно допущение очной ставки с участием обвиняемого. Очевидно, что современные подходы в науке уголовного процесса еще не позволяют, по нашему мнению, занять такие же высоты правопонимания. Современный законодатель не исключает производства очной ставки с участием подозреваемого (обвиняемого), процессуальной задачей которой (чаще всего) может быть стремление следователи получить от подозреваемого (обвиняемого) показаний более соответствующие показаниям иного участника – свидетеля, потерпевшего, т. е. самообвинительных.

Очень важно в приводимом теоретическом источнике раскрытие процессуального основания для проведения очной ставки. Авторы систематического комментария подчеркивают, что таковым должно быть не просто наличие противоречия в показаниях двух лиц (свидетелей в данном случае, которые по УУС и являются участниками очной ставки), а такая характеристика этого противоречия, которая влияет на вопросы прекращения производства по уголовному делу (судьбу уголовного дела), обнаружение процессуальных оснований для производства других следственных действий, предполагается, имеющих обвинительную направленность [5, стр. 838].

Подчеркнем так же, что в изученных нами теоретических источниках, постоянно указывается на отличие очной ставки от повторного допроса с участием (в присутствии) другого участника (свидетеля, обвиняемого) [6, стр. 290]. На данный подход, как мы считаем, мог бы обратить внимание и современный законодатель. Очная ставка (как было в Российской Империи) не должна смешиваться с иными следственными действиями.

В качестве вывода нашей статьи, отметим, что в УУС (впервые в отечественном законодательстве) были гармонично сведены в институт очной ставки юридические нормы, регулирующие данное процессуальное действие в досудебном производстве. Как мы считаем, современный законодатель может заимствовать эти нормы и для включения в действующий уголовно-процессуальный закон.

Список литературы

1. Зашляпин Л.А. Вопросы сторон в допросе по Уставу уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4(41). - С. 712-716.
2. Зашляпин Л.А. Сущность процессуальных действий вербального характера // Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, 18–19 ноября 2016 г. / Под общ. ред. К.Б.Калиновского, Л.А.Зашляпина. — СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУВО Российский государственный университет правосудия, 2017. - 178 с.
3. Очередько В.П. Судебная система и правосудие в России: социальный контекст взаимосвязи // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 4. - С. 18-25.
4. Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго. – 2-е изд. - Варшава : тип. К. Ковалевского, 1892. - [2], 2, IV, 651 с.
5. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / Под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. III. – М.: М.М. Зив, 1914. - - VIII, 32, 306 с.
6. Чичинадзе Д. Устав уголовного судопроизводства. – СПб.: тип. И. Гольдберга, 1892. - [2], VI, 466 с.

ЛИХОБАБИНА Марина Викторовна,
магистрант кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: lixobabina.marina@mail.ru

МИЛЮКОВ Сергей Фёдорович,
профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

«ЧЕЛОВЕК ТРУДА И ВЫДАЮЩИХСЯ ДАРОВАНИЙ – СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ЗАРУДНЫЙ»

Аннотация. *Анализируется научная и общественная деятельность выдающегося русского юриста, одного из основных разработчиков Судебных Уставов 1864 года в Российской империи Сергея Ивановича Зарудного. Отмечается, что идеи С.И. Зарудного сыграли ключевую роль в развитии и укреплении правовых основ российского правосудия во второй половине XIX – начале XX века.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *С.И. Зарудный; Судебная реформа 1864 года; Судебные уставы; Российская империя; преобразования судоустройства.*

LIHOBABINA M.V.
MILYUKOV S.F.

"A MAN OF LABOR AND OUTSTANDING TALENTS - SERGEI IVANOVICH ZARUDNY"

The summary. *The scientific and social activities of the outstanding Russian lawyer, one of the main developers of the Judicial Charters of 1864 in the Russian Empire of Sergei Ivanovich Zarudny, are analyzed. It is noted that the ideas of S.I. sarudny played a key role in the development and strengthening of the legal foundations of Russian justice in the second half of the 19th and early 20th centuries.*

It is published in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *S.I. Zarudny; Judicial reform of 1864; Judicial statutes; Russian Empire; transformation of the ship's structure.*

«Человек труда и выдающихся дарований – Сергей Иванович Зарудный» – именно так говорит об одном из «главных и восторженных творцов Судебных Уставов 1864 года» Анатолий

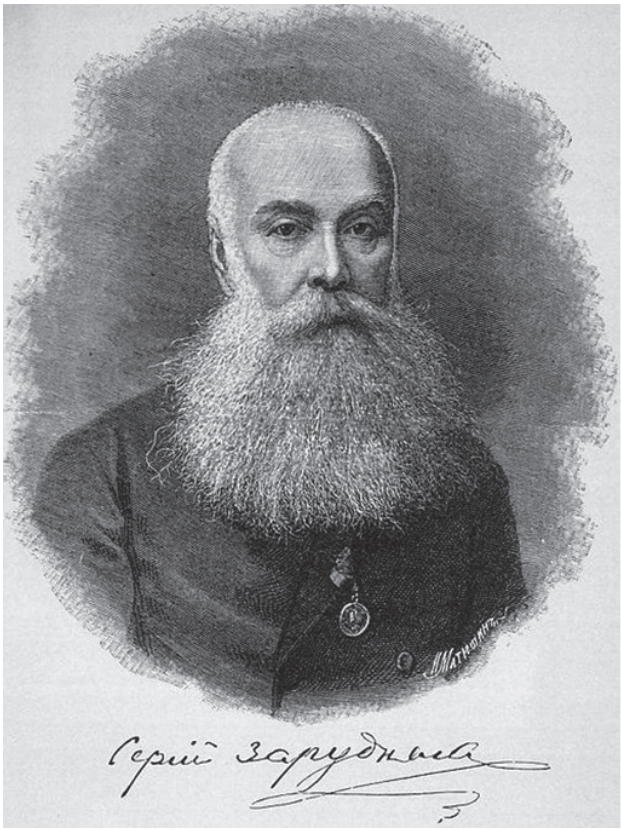


Рис. 1. С.И.Зарудный.
Гравюра И.И.Матюшина

Фёдорович Кони в своей книге «Отцы и дети судебной реформы» [5].

Сергей Иванович Зарудный родился 17 марта 1821 года в Харьковской губернии в сильно обедневшей семье дворянского рода. С 14 лет юный Сергей мечтал поступить в морской кадетский корпус, прикладывая к обучению огромные усилия, не обращаясь даже за помощью к педагогам. Однако этой мечте не суждено было сбыться. В 1842 году он выпустился кандидатом математики из Императорского Харьковского университета, а затем переехал в Петербург. И именно в этом городе «чрез тернистый путь» С.И. Зарудный нашел своё призвание.

Сергей Иванович своим примером показал, что необязательно иметь юридическое образование, возможно за изучением процесса и домашним чтением историко-юридических трудов Неволина и Рейтца выработать правовое чувство и тонкий критический анализ будущего судебно-законодательного деятеля.

В 1843 году С.И. Зарудный попал на службу в должности помощника столоначальника в Департамент Министерства Юстиции, где его пытливый ум и трудолюбие впервые и запустили по-настоящему сенсационный и плодотворный процесс создания некоторых положений будущих великих реформ России. Началом этого процесса послужило детальное изучение Сергеем Ивановичем бумаг, попадающих на стол начальствующим лицам, затрагивающих реформы суда. Первой из них был циркуляр с предложением о внесении изменений в действующее на тот момент гражданское судопроизводство, так как возникали предположения его преобразования. Позднее стали поступать и замечания судебных практиков, часть из которых им выписывались и подвергались тщательному обдумыванию. Представляется, что изучение на тот момент существующего процесса с его отрицательной стороны, но наглядно демонстрирующей все происходящие явления и процессы, и выступило в качестве первой юридической школы для С.И. Зарудного. Постепенно юрист-самоучка начал знакомство с зарубежной юридической литературой и законодательством, а во время заграничных путешествий изучал и местную судебную практику.

В 1849 году он работал в должности юрисконсульта консультации Министерства Юстиции, где впервые в своей деятельности, попытался применить историко-догматическое толкование закона и старался свести отдельные казусы к общим принципам.

Отзывы губернских юристов продолжали поступать, но не приводили к каким-либо действительным результатам. У руководящего состава не было определенной и твердо поставленной цели, не хватало и решительности, предполагалось лишь возможным частичное улучшение гражданского правосудия. И даже проектируемые незначительные поправки графа Д.Н. Блудова встречали резкую критику со стороны министра юстиции, графа В.Н. Панина, за 23 года управления которого министерство не восприняло ни одного серьезного улучшения.

Граф Дмитрий Николаевич Блудов, известный государственный и политический деятель Российской империи XIX века (5 апреля 1785 г. – 19 февраля 1864 г.), представитель древнейшего дворянского рода, с 12 февраля 1832 г. по 15 февраля 1839 г. был министром внутренних дел [1, стр. 47-55; 2, стр. 87-90]. С 24 мая 1837 г. управлял Министерством юстиции, оставаясь министром внутренних дел, 14 февраля

1839 г. был утвержден в должности министра юстиции, находясь в ней до 31 декабря 1839 г., когда был назначен главноуправляющим II (кодификационного) отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, находясь в этой должности до 6 декабря 1861 г.

Он организовал издание следующих кодификационных актов:

- Дворцовые разряды – в 3-х томах;
- Официальные разряды – в 2-х томах;
- Посольские дела, статейные списки и посольские книги – в 6 томах.

Одновременно с 31 декабря 1839 г. граф Д.Н. Блудов возглавлял департамент законов Государственного Совета, являясь его председателем до 1 января 1862 г.

29 марта 1840 г. ему повелено, учитывая, что он бывший министр юстиции, осуществлять наблюдение за рассмотрением тех дел в Сенате и Министерстве юстиции, в которых возможно участие лиц, находящихся в родственных связях с управляющим министерством.

Он являлся членом Особой комиссии для рассмотрения нового Уложения о наказаниях в империи и Царстве Польском (13 апреля 1844 г. – 12 июня 1845 г.) и членом Комиссии для рассмотрения свода местных узаконений Остзейских губерний (24 апреля 1845 г. – 24 декабря 1845 г.) [6, стр. 76-77].

Именно под руководством графа Д.Н. Блудова были разработаны или подготовлены к изданию следующие очень важные правовые акты:

- разработано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), первый уголовный кодекс русского права, действовавший (с учетом некоторых доработок) по существу до событий 1917 года;
- подготовлено второе (1842 г.) и третье (1857 г.) издания Свода законов Российской империи;
- опубликован общий хронологический указатель законов в интересах подготовки дополнений к Полному собранию законов Российской империи (1851 г.).

Указатель был разослан во все присутственные места для оказания помощи служащим при выявлении законодательных актов, не вошедших в существующий перечень.

Граф Д.Н. Блудов выполнял много иных обязанностей, входил в другие различные комиссии и до указанной дискуссии с графом В.Н. Паниным, и после этой дискуссии.

Бесплодная переписка и неразрешимость разногласий между графами послужили толчком к созданию в 1852 г. комитета по пересмотру гражданского судопроизводства. Делопроизводителем был назначен С.И. Зарудный, интересовавшийся «не войной слов, а войной идей» [5, стр. 79], оказавший в последствии значительное влияние на труды данного комитета, но не продвинувшись далее второстепенных технических улучшений из-за разногласий внутри комитета.

Высказанное в манифесте правителя Александра II властное пожелание: «…правда и милость да царствует в судах…» послужило призывом к действию и вывело работы по судебной части с «тропинки улучшений» на «дорогу преобразований». Граф Блудов, оставив позади колебания и нерешительность, дал полный ход способностям и уверенному почину Сергея Ивановича Зарудного. В 1857 году его назначили помощником статс-секретаря департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета, где позднее с его помощью были составлены пояснительные документы, сопровождавшие ряд проектов, определяющих отличные от прежних начала судоустройства.

Сергей Иванович ясно осознавал необходимость в проведении более масштабных преобразований судоустройства, постепенно убеждая окружающих в данной необходимости. Зарубежные командировки в целях исследования иностранного права, продемонстрировали ему значение гласности, устности и состязательного начала в процессе, что сподвигло его на попытку убеждения в важности этих основ членов Государственного Совета. В самом процессе разработки проектов, С.И. Зарудный принимал наиболее деятельное участие. Так, в 1859 году он подготовил 11 документов, касающихся основных вопросов будущего судоустройства: учреждение единого кассационного суда (Сергей Иванович считал необходимым, однако представлял в нем некую угрозу – в возможном торможении приведения в исполнение окончательных приговоров, но видел выход – в создании условий, несколько затрудняющих подачу кассационных жалоб и протестов); введение мировой юстиции; установления охранительного судопроизводства; создание сословия присяжных поверенных. В данный период он работает над

монографией «Об отделении вопросов факта от вопросов права», с помощью математических приемов, правового чувства и тонкого критического анализа, он определяет уязвимые места судебной практики, возникающие из неточного усвоения разработанных им начал. Шаг за шагом с его помощью создавался очерк нового судебного строя.

Одним из главных препятствий на пути масштабного преобразования судоустройства России на тот момент выступало крепостное право, которое необходимо было реформировать ранее преобразования судебного строя. И здесь не обошлось без помощи С.И. Зарудного в качестве помощника государственного секретаря Буткова. В заседаниях помощник принимал участие в обсуждении и отстаивании положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, защищая принцип освобождения крестьян с землей. Впоследствии память об участии в разработке реформ по освобождению крестьян согревала ему душу, он с гордостью носил награды как на груди, так и в сердце – отпечатавшуюся Высочайшую благодарность за «добросовестные и неутомимые труды по делу освобождения крестьян». А дорожил он этой реформой, как представляется, из-за связи, имевшейся между ней и судебной реформой, которая стала для него делом всей жизни. Таким образом, крестьянская реформа заложила фундамент для дальнейшего построения реформы судебной.

Предложения и мысли Сергея Ивановича получили развитие в докладе графа Блудова о передаче дела судебной реформы в управление Государственной Канцелярии и в докладе князя Гагарина об основных началах судебной реформы. Позднее последовало Высочайшее повеление выработать основные начала судебной реформы. В значительной степени под влиянием докладов юриста-самоучки, Государственный совет признал бывшие в его рассмотрении проекты преобразования судоустройства подлежащими переработке и изъятию из них общих начал с целью последующей работы. Спустя некоторое время С.И. Зарудным были сформированы основные положения, подкрепленные детальными объяснительными записками. Таким способом он предусмотрел возможные возражения, понимая ограниченность времени и нежелание большей части воспринимать новое дело. Выполнял эту работу он шаг за шагом, не чувствуя сомнений и усталости, докладывал, спорил, совещался, корректировал, убеждался, горячился, но всегда пребывал в бодром настроении, так как это великое дело подпитывало его и согревало. Три месяца упорной работы дали свои плоды –готовые основные положения с сопроводительными записками были доложены Государственному Совету статс-секретарем Сергеем Ивановичем, 24 сентября 1862 года утверждены Государем и опубликованы (по настоянию Зарудного) на всеобщее сведение, в связи с необходимостью провести оживленную работу юридической мысли.

27 сентября 1862 года при Государственной Канцелярии по Высочайшему повелению образуется особая комиссия для составления проектов законоположений о преобразовании судоустройства. Её председателем назначается государственный секретарь В.П. Бутков, но подлинным двигателем и душой выступает именно С.И. Зарудный (официально занимал пост председателя отделения гражданского судопроизводства, но принимал активное участие в работе и других отделений). За короткий срок комиссия подготовила строго согласованные, разработанные на основании отечественного, не без помощи и иностранного материала «Соображения и основные положения о гражданском и уголовном судопроизводстве и о судоустройстве». В них были определены положения: об отделении судебной власти от исполнительной и законодательной; о несменяемости судей; о самостоятельности адвокатуры; о решении уголовных дел судом присяжных. Большие споры разгорелись вокруг учреждения суда присяжных, ведь ввиду недавних общественных условий под вопросом находилось развитие гражданского чувства и понимания. Сергей Иванович осознавал, что противники этого учреждения имеют действенное средство в руках. Когда они ссылались на правовую неподготовленность русского человека, и рассматривали суд присяжных «как учреждение политического происхождения и характера, одно из звеньев целой цепи государственных учреждений западного образца, не имеющих ничего общего с самодержавной Россией». С.И. Зарудный применил тонкий и решительный подход против этих мнений в своих работах «Общие соображения о составе суда уголовного» и «О специальных присяжных для особого рода дел в Англии,

Франции и Италии». Правовед утверждал, что только тогда действия уголовного суда будут соответствовать целям справедливости, «когда он будет иметь два состава – постоянный (коронные судьи) и переменный (выборные из всех слоев общества на короткий срок)». Сергей Иванович пытался доказать, что такой суд не противоречит основам монархического правления, представляется, что он характеризовал эту форму суда как лучший судебный метод, «действенное средство в руках правительства, ограждающее от ответственности за ошибки зависимых служебно от него судей, впавших в рутину и равнодушие» [5, стр. 85].

В результате одушевленной и неустанной работы комиссий в течение одиннадцати месяцев, при деятельном участии С.И. Зарудного, были созданы Судебные Уставы, которые, по мнению большинства правоведов, представляют по своей форме и содержанию величайшую из русских законодательных работ XIX века. 20 ноября 1864 года состоялось их Высочайшее утверждение и обнародование при указе, возвещавшем «о даровании земле русской суда скорого, правого, милостивого и равного для всех и о возвышении судебной власти предоставлением ей надлежащей самостоятельности для утверждения в народе уважения к закону, без которого невозможно общественное благосостояние» [5, стр. 86]. Первый отпечатанный экземпляр Судебных Уставов из рук Государственного Секретаря Буткова был вручен С.И. Зарудному с надписью: «Этот экземпляр вручается Сергею Ивановичу Зарудному, как лицу, которому новая судебная реформа в России более других обязана своим существованием».

Действительно, можно сказать, что для Сергея Ивановича судебная реформа была вроде ребенка, которого он взращивал и лелеял со времен поступления в Государственный Совет первых проектов II Отделения и до самого его «становления». Он составлял основные положения, выступал руководителем над работой по уставу гражданского судопроизводства, принимал деятельное участие в обсуждении всех проектов. Но и на этом его работа не остановилась, осознавая необходимость закрепить сделанное, он составляет три собрания материалов по судебному преобразованию, каждое из которых состояло из 74 томов. Данные собрания представляют важнейший историко-юридический памятник, в котором наличествуют и 8 его пространных записок по различным вопросам судопроизводства и судоустройства, и 3 выполненных им объемных перевода зарубежных процессуальных законов. Позднее им были изданы Судебные Уставы с комментариями («Судебные уставы, с рассуждениями, на коих они основаны» [4]), имеющие огромное значение как для науки, так и для практики.

Как мы понимаем, совершить законодательную работу «не равно» осуществить ее на практике, поэтому зачастую ее творцу предопределена одна из ролей: стоять на страже своего проекта, оберегая от неправильного применения или же идти и практически её осуществлять. Однако Сергею Ивановичу не суждено было ни то, ни другое. Обновленная судебная практика вызывала различные разногласия, и хотя высшая власть признавала Судебные Уставы согласными с российским строем, во многих случаях общественные нравы вызывали нарекания, сталкиваясь с незначительными ошибками в новых порядках. Предчувствуя опасность обратного течения вещей, Сергей Иванович забил тревогу, которую, однако многие сочли «навязыванием мнения», называя его резким и нетерпимым. Возможно, чувствуя некоторую одержимость С.И. Зарудного судебной реформой, его попытались несколько отстранить от данной деятельности, назначив 1 января 1869 года сенатором. В действительности это повышение отдалило от Судебных Уставов, оставалась надежда на службу им в их практической реализации в рамках кассационной деятельности, но и она не оправдалась. До конца своих дней, творец новых судов, защитник состязательного начала и внутреннего убеждения по делам уголовным, критиковавший с 1843 года обветшалые суды с их отсутствием истинной состязательности и формальной теорией доказательств, был определён на присутствие в старый судебный департамент Сената и на старом общем собрании! Неудивительно, что из-за этого он хотел подать в отставку, но по семейным обстоятельствам этого не сделал.

Позднее С.И. Зарудный все же приобщился к новому, созданному Судебными Уставами, Сенату, однако не в качестве сочлена, а в качестве обвиняемого. Будучи почетным мировым судьей Купрянского округа, он убедил Купрянский мировой съезд приостановить исполнение циркулярного указа Сената о ежедневном разборе

мировыми судьями дел и представить на основании I тома Свода Законов о встреченном затруднении Сенату. Так как находил его неприменимым к условиям деревенской жизни и ее интересам, унижающим достоинство и противоречившим закону. Однако Сенат встретил данное обстоятельство сурово и всему съезду (во всем его составе) объявил дисциплинарное замечание. Это был настоящий удар для С.И. Зарудного, ведь невольно он стал виновником кары, которая постигла не только его самого, но и убежденный им состав, конечно же, он чувствовал вину.

Однако Сергей Иванович не поставил крест на своих талантах, а продолжал служить родной земле всей душой и умом, пока жизнь его не покинула 18 декабря 1887 года. До этого времени он издал сравнительно-юридическое исследование «Гражданское Уложение Италианского королевства и Русские гражданские законы» [3], написал для I съезда русских юристов реферат, перевел и издал книги: Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», Данте Алигьери «Ад», а также ряд других трудов. В 1886 году Московское юридическое общество выбрало С.И. Зарудного в число своих почетных членов.

Каждый год Сергей Иванович собирал в день издания Судебных Уставов (20 ноября) близких и друзей и радостно праздновал его. Что, на наш взгляд, считается по праву праздником Человека труда и выдающихся дарований. И через десятки, сотни, и тысячи лет о таких людях нужно знать и важно помнить, ведь они сыграли ключевую роль в подготовке и проведении реформ судоустройства и судопроизводства, развитии и укреплении правовых основ российского правосудия во второй половине XIX – начале XX века.

Список литературы

1. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
2. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел Российской империи (1802 – 1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 53-103.
3. Зарудный С. Гражданское уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы. Опыт сравнительного изучения системы законодательств. Ч. 1-2. – СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1869. – 744 с.
4. Зарудный С.И. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны : Ч. 1. – Санкт-Петербург : Гос. канцелярия, 1866.
5. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914 / А.Ф. Кони. – М. : т-во И.Д. Сытина, 1914. – [3], IV, [2], 295, 22 с., 27 л. портр., ил.
6. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

РУДЫХ Светлана Николаевна,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)
E-mail: rudsvet@mail.ru

ТУГУТОВА Дулма Аюровна,
магистрант Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)
E-mail: tugutova.dulma@gmail.com

Специальность 12.00.14 – Административное право; административный процесс

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗАКАЗЧИКА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 7.32.5 КОАП РФ

Аннотация. *Исследуются проблемы привлечения должностных лиц заказчика к ответственности за нарушение сроков и порядка оплаты товаров, работ, услуг по государственным и муниципальным контрактам. Анализируются вопросы прокурорской практики в данной сфере.*

Ключевые слова: *закупки товаров, работ, услуг; государственные и муниципальные нужды; оплата товаров; сроки оплаты; порядок оплаты; административная ответственность.*

RUDYKH S.N.
TUGUTOVA D.A.

THE QUESTION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF OFFICIALS UNDER THE ARTICLE 7.32.5 CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. *The article deals with problems of holding officials administrative responsibility for breach of time limits and order of payments goods, works, services for provisioning governmental and municipal contracts. Author analyses matters of prosecutors practice.*

Key words*: procurements of payments goods, works, services; governmental and municipal needs; limits and order of payments; administrative responsibility.*

Ежегодно государственные закупки осуществляются на триллионы рублей, что непосредственно повышает криминогенность данной сферы. К примеру: В рамках федерального закона от 05 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) [3] в 2017 году в единой информационной системе (далее – ЕИС) размещено 3,16 млн извещений объемом 7,1 трлн рублей. В 2018 году размещено 3,24 млн извещений общим объемом 8,3 трлн рублей. По Федеральному закону от 18 июля 2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Федеральный закон № 223-ФЗ) [2] в 2017 году в ЕИС размещено 1,37 млн. извещений о закупке общим объемом 27,2 трлн. рублей. В 2018 году 1,35 млн. извещений о закупке общим объемом 16,9 трлн. рублей, что составляет 16,7% ВВП [15].

Своевременное выявление, пресечение и устранение нарушений закона в контрактной системе позволит обеспечить привлечение виновных лиц к ответственности с целью недопущения совершения таких нарушений впредь, а также максимально эффективно наладить механизм возврата в бюджеты незаконно растраченных денежных средств.

Противодействие нарушениям в сфере закупок решается комплексным применением всех средств – гражданско-правовых, уголовно-правовых, а также административно-правовых.

В первую очередь следует иметь в виду, что это противодействие параллельно может рассматриваться одним из направлений профилактики коррупции [10; 11; 12; 17; 19; 20; 22], которое, согласно мнению А.В. Юрковского, представляет собой особый вид социальной практики, обеспечивающий целенаправленное воздействие на общественные отношения, с целью предупреждения нравственно-правовой деформации личности коррупционера, формирования нетерпимости к коррупционному поведению, возвеличивания правомерного поведения и ресоциализации лиц, которые уже допустили социально-негативные проявления в поведении [23, стр. 76].

Административная ответственность в широком значении – это мера государственного принуждения, применяемая к лицу за совершенное им административное правонарушение, связанная с претерпеванием правонарушителем наказания в виде лишений личного, имущественного или организационного характера [6, стр. 191].

Административное наказание, выражая отрицательную оценку государством совершенного правонарушения, вместе с тем содержит в себе предупредительную и профилактическую направленность как к лицам, совершившим эти правонарушения, так и к другим лицам (частная и общая превенция). Подразумевается, что речь идет о предупреждении не только новых административных правонарушений, но и преступного поведения [13; 14].

Федеральным законом от 26.07.2017 № 189-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности должностных лиц заказчика за нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4] в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ) введена статья 7.32.5, которая в части 1 предусматривает ответственность для должностных лиц заказчика в случае нарушения срока и порядка оплаты товаров, работ, услуг при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе при неисполнении обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного государственным или муниципальным контрактом.

Согласно части 13 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ условие о порядке и сроках оплаты товара, работы или услуги является обязательным в контракте. Срок оплаты заказчиком поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, отдельных этапов исполнения контракта должен составлять не более тридцати дней с даты подписания заказчиком документа о приемке, за исключением случаев предусмотренных законодательством Российской Федерации. Часть 8 статьи 30 Федерального закона № 44-ФЗ устанавливает, что в контракт, заключаемый с субъектом малого предпринимательства или социально ориентированной некоммерческой организацией, включается обязательное условие об оплате заказчиком поставленного товара,

выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, отдельных этапов исполнения контракта не более чем в течение пятнадцати рабочих дней с даты подписания заказчиком документа о приемке. Федеральный закон № 223-ФЗ в части 10 статьи 4 устанавливает в качестве обязательного условия указание о порядке и сроках оплаты товара, работ или услуги в документации о конкурентной закупке.

Формулируя условие о порядке и сроках оплаты, необходимо стремиться к максимальной конкретизации данного условия в контракте. При этом ставить оплату поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг в зависимости от выделения финансирования недопустимо [18, стр. 161]. На это, в частности, обращено внимание в решении Архангельского УФАС России от 29.11.2016 по делу № 443мз-16. Так, Комиссия УФАС напомнила, что устанавливаемый в документации срок, в том числе оплаты выполненных работ, должен быть определен как календарная дата, истечение периода времени или как событие, которое неизбежно наступит (ст. 190 ГК РФ). Формулировку «с учетом бюджетного финансирования на следующие два года» Комиссия УФАС таким событием признать отказалась, поскольку муниципальному образованию, например, могут не согласовать бюджет. Таким образом, в проекте контракта действительно отсутствовало условие о сроках оплаты работ. Этим заказчик нарушил ч. 13 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ [21, стр. 15].

В соответствии с условиями контракта Поставщик обязуется поставить товар, выполнить работы, оказать услуги в надлежащем объеме и качестве, в свою очередь Заказчик обязуется оплатить товары, работы, услуги в надлежащий срок.

Нарушение срока и порядка оплаты товаров, работ, услуг при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе при неисполнении обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного государственным или муниципальным контрактом влечет наложение административного штрафа в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей. Частью 2 статьи 7.32.5 КоАП РФ предусмотрена ответственность должностного лица, ранее подвергнутого административному наказанию за аналогичное административное правонарушение. Такое деяние влечет дисквалификацию должностного лица на срок от одного года до двух лет.

Отметим, что согласно примечанию к статье 2.4 КоАП РФ лица, осуществляющие функции члена комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, контрактные управляющие, работник контрактной службы, совершившие данное административные правонарушения несут административную ответственность как должностные лица.

Как правило, прокурорская практика в данной сфере сводится к установлению фактов нарушения сроков оплаты товаров, выполнения работ, оказания услуг при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд, которая своей целью имеет понудить заказчика произвести окончательные расчеты с поставщиками, а также привлечь к административной ответственности недобросовестных должностных лиц заказчика, с целью исключить впредь совершение подобного рода нарушений, что вытекает из общих задач, стоящих перед прокурорским надзором [7; 8; 9; 16].

Статьей 7.32.5 КоАП РФ установлена ответственность заказчика за нарушение предельного срока оплаты контрагенту. Однако заказчики нередко затягивают 30-дневный срок оплаты, нарушая частный финансовый интерес контрагента путем установления увеличенного срока приемки выполненного обязательства и значительного срока оформления документов такой приемки [5, стр. 221].

Вместе с этим, применение статьи 7.32.5 КоАП РФ не ограничивается только лишь установлением факта нарушения сроков оплаты, а также предусматривает ответственность за нарушения порядка оплаты по контрактам.

В связи с относительной новизной данной нормы практика по данной категории дел находится в стадии своего формирования. Так, указанные нарушения выявлялись прокуратурой Аларского района Иркутской области в деятельности должностных лиц администрации муниципального образования. Так, 15.06.2018 года между администрацией МО «Аларский район» в лице мэра района (заказчик) и индивидуальным предпринимателем (поставщик) заключен муниципальный контракт № 18/ЗК18 (далее – муниципальный контракт). В силу п. 1.1 муниципального контракта поставщик обязался оказать

услуги по организации питания, а заказчик обязался произвести оплату за оказанные услуги. Согласно акту об оказании услуг № 15 от 24.06.2018 года заказчик принял оказанные услуги по организации питания 24.06.2018 года, при этом, заказчиком оплата была произведена 19.06.2018 года, т.е. за 5 дней до подписания акта о приемке выполненных работ. Указанное противоречит требованиям ч. 1 ст. 94, ч. 13.1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, п. 2.4 муниципального контракта. По результатам проведенной проверки прокурором вынесено постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.32.5 КоАП РФ в отношении мэра района, административные материалы рассмотрены УФАС Иркутской области, должностное лицо привлечено к административной ответственности в виде штрафа.

При оплате не поставленных товаров, не выполненных работ, не оказанных услуг может иметь место и коррупционная составляющая. В этой связи особое внимание необходимо уделять обстоятельствам, свидетельствующим о наличии в действиях заказчика заинтересованности, конфликта интересов, при выявлении нарушений, содержащих признаки состава преступления, направлять материалы по ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц.

Таким образом, нарушения законодательства о контрактной системе в части срока и порядка оплаты товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд наносят огромный ущерб обществу и государству. В связи с этим прокурорский надзор в рассматриваемой сфере приобретает особое значение. Во всех подобных случаях необходимо пристальное внимание уделять проверке и установлению в действиях заказчика заинтересованности или конфликта интересов.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2019.
2. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 30 (часть I). - Ст. 4571.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2013. - № 14. - Ст. 1652.
4. Федеральный закон от 26.07.2017 № 189-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности должностных лиц заказчика за нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета - Федеральный выпуск № 167(7333). - 31 июля 2017 г.
5. Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность. – М.: Статут, 2018. – 381 с.
6. Административное право: Учебное пособие / А.В. Юрковский, К.Н. Евдокимов, И.А. Кузьмин, В.М. Деревскова; под ред. А.В. Юрковского. – Изд. 2-е, изм. и доп. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 300 с.
7. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Михальчук Ю.П. Прокурорский надзор: Учебно-методическое пособие (в схемах и определениях) / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 196 с.
8. Гельдибаев М.Х., Огородников А.А. Прокурорский надзор: Создание и развитие прокуратуры России. Система органов прокуратуры: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2002. – 240 с.
9. Голубовский В.Ю., Рохлин В.И., Уткин Н.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. – 156 с.
10. Егоршин В.М. Государство и коррупция: генезис бюрократии (краткий экскурс в историю государственного управления и правоприменения) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 43-87.
11. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
12. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 111-127.

13. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
14. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Латышев О.М., Малинин В.Б., Майоров А.А., Милюков С.Ф., Мищенко А.А., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Д.В., Ростов К.Т., Сальников В.П., Скурту И.Г., Соболь И.А., Смирнов Л.Б., Снятков В.Н., Спиридонов Л.И., Старков О.В., Устинов В.С., Шестаков Д.А. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1998. – 576 с.
15. Мониторинг закупок // Минфин России: официальный сайт. URL: https://www.minfin.ru/ru/perfomance/contracts/purchases/
16. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е.В. Быкова и др.; под общ. ред. А.Н. Савенкова. – 3-е изд. – М.: Дашков и К°, 2012. – 453 с. (Высшее образование).
17. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. – 376 с.
18. Рудых С.Н. Проблемы обоснования начальной (максимальной) цены контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 9.
19. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
20. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
21. Степанова Е. Е. Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования. – СПб.: Гамма, 2018. – 228 с.
22. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С 4-11.
23. Юрковский А.В., Евдокимов К.Н., Деревскова В.М. Правовые основы противодействия коррупции: Учебное пособие. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2018. – 243 с.

СВАРЧЕВСКИЙ Константин Геннадьевич,
заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

ФИЛАТОВ Денис Олегович,
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: denisfilatov000@yandex.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

МЕЙЕР: ПРОФЕССОР-РЕФОРМАТОР РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. *Рассматривается жизненный путь, научная и преподавательская деятельность Дмитрия Ивановича Мейера, оставившая значительный след в судебно-правовых реформах второй половины XIX – начала XX века. Отмечается, что Д.И. Мейер входил в число ученых, предвосхищавших эти преобразования, обосновывавших необходимость изменений, дававших теоретическую базу для будущего законодательства.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *Д.И. Мейер; Судебная реформа 1864 года; Российская империя; Казанский университет; преподавательская деятельность; юридическая клиника.*

SVARCHEVSKIY K.G.
FILATOV D.O.

MEYER: A REFORMER PROFESSOR OF RUSSIAN LAW

The summary. *The way of life, scientific and teaching activities of Dmitry Meyer, which left a significant mark in the judicial reforms of the second half of the 19th and early 20th century, is considered. It is noted that D.I. Meyer was among the scientists who anticipating these changes, who justified the need for changes that gave a theoretical basis for future legislation.*

It is published in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *D.I. Meyer; Judicial reform of 1864; Russian Empire; Kazan University; Teaching; Legal clinic.*

«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Данные слова, по нашему мнению, не устарели и на сегодняшний день. История – самый ценный советник при решении проблем настоящего, верный спутник при движении в будущее.

«Великие реформы», начатые по инициативе Александра II, внесли серьезные изменения в судебно-правовую систему. Как писал А.Ф. Кони: «Старый суд как печальный памятник бессудия и бесправия по мере проведения реформы ушел в прошлое» [4]. Познание данной реформы невозможно без всестороннего исследования вопроса. Множество публикаций посвящено реформированному суду, уставам; о государственных деятелях есть подробные биографии с описанием их участия в ее проведении. Однако, как мы полагаем, в тени остаются ученые, предвосхищавшие преобразования, чей вклад не менее значим. Они обосновывали необходимость изменений, давали теоретическую базу для будущего законодательства.

Одним из таковых теоретиков является Дмитрий Иванович Мейер. В памятную дату, в двухсотлетие со дня его рождения, вашему вниманию предлагается работа, посвященная его жизненному пути и научной деятельности, оставившей след в судебно-правовых реформах второй половины XIX – начала XX века.

Родился Дмитрий Иванович в Санкт-Петербурге в 1819 году. О его детстве известно немногое. В 1834 году он заканчивает Вторую Санкт-Петербургскую гимназию с отличием. Уже там он показывает успехи в учебе, свое желание познавать науки. По окончании гимназии поступает на юридический факультет Главного педагогического института, где изучает само право, а также способы его преподавания. В период обучения Мейера, юридическим наукам в Российской империи уделялось особое внимание. Михаил Михайлович Сперанский, известный российский государственный деятель и интеллектуал [3; 7; 8; 10; 16; 17; 18; 19; 20], занимавшийся вопросами кодификации законодательства, понимал, что для «благоденствия империи» жизненно необходимы юристы, способные эти законы создавать и воплощать на практике, а главное нужны люди, способные это искусство преподавать, потому он убеждал Императора в полезности юридической науки. Николай I прислушивался к советам М.М. Сперанского. Как писал С.М. Соловьев [15], несмотря на гонения против науки в период Николая I, когда просвещение воспринималось государем не иначе как предвестник революции юридические кафедры не трогали: их не сокращали, студентов зачастую отправляли в Европу для продолжения обучения. Мейер Дмитрий Иванович был в числе таких студентов, что, завершив свой курс дисциплин, за достижения в обучении были удостоены возможности продолжить его в иностранных институтах.

Отправив Мейера за границу, руководство университета тем не менее не определило дисциплину, которую впоследствии он будет преподавать, потому Дмитрий Иванович изучал все дисциплины, желая почерпнуть все возможное, что Германия на тот момент могла дать. Как вспоминал Пекарский Петр Петрович [11], в беседе с Фридрихом Савиньи, когда немецкий профессор сказал: «Вы многое у нас можете узнать хорошего», Мейер ответил ему: «Хорошо было бы, если бы можно было столько взять, сколько дают нам здесь». Особый интерес в Германии Мейер испытывал к гражданскому праву и римскому праву, которые он изучал параллельно с русским гражданским правом. Он старался познать их максимально подробно, иногда посещая по 30 лекций в неделю. Обучение Мейера за границей не прошло бесследно. Он увидел совсем иную правовую реальность, отличающуюся от той, что была в России. Идея правового государства, идея уважения к правам человека, вне зависимости от происхождения – они вовсю уже обсуждались в Европе. Мейер их тоже изучал, с их знанием и понимаем он вернулся на родину.

В 1844 году Мейер заканчивает свое обучение в Германии. В соответствие с университетским уставом 1835 года, он должен был прочесть лекцию для назначения его на кафедру. Темой лекции были избраны гражданские отношения обязанных крестьян. Мейер видел в данной реформе движение вперед, постепенное предоставление прав крестьянам. Крестьянам позволили выкупать себя у помещиков, владеть землей, вести предпринимательскую деятельность, платить самим за себя подати перед государством [14]. Реформа государственной деревни [2] дала государственным крестьянам собственные наделы земли и леса. Ряд крестьян становились полноправными субъектами правоотношений. Мейер подробно изучил процедуру перехода крестьян из одного состояния в другое, новый правовой статус обязанных крестьян. Его лекция была одобрена, научным сообществом, как указывает журнал конференции, через месяц его назначили на должность адъюнкта в Казанский университет.

Первое знакомство Мейера со студентами

произошло во время экзамена. Он принимал у них гражданское право. П.П. Пекарский вспоминает: «Едва первые успели кончить ответы, как остальные товарищи приступали к ним с расспросами: что Мейер – строго экзаменует, прижимает? Ответ был неутешительный: новый профессор останавливает на каждом слове, требует объяснений на сказанное студентом, наконец, спрашивает о том, чего, по-видимому, в билетах с вопросами вовсе не было... Результат испытаний озадачил студентов: те, которые отвечали по Своду законов, рубя, как говорится, сплеча и не обращая внимания на вопросы экзаменатора, получили неудовлетворительные баллы». Таков исход был неудивителен. Изучение юриспруденции в университете на тот момент было нацелено в основном на освоение постулатов римского права, древнерусского законодательства от «Русской правды» и до «Соборного уложения», а также постановлений Правительствующего сената и Государственного совета. Такой порядок изучения права давал лишь представление о конкретном регулировании тех или иных отношений, но не о сущности самих отношений, не об общей теории в рамках отрасли права. Результаты экзаменов не устраивали Мейера, потому даже тем, кто смог перейти удовлетворительный порог, он предложил прослушать курс лекций заново.

Лекции Дмитрия Ивановича отличались по содержанию от того, что студентам ранее преподавалось. Занимаясь подробным изучением действующего законодательства, Дмитрий Иванович отмечал в нем недостатки. С кафедры он не раз критиковал крепостничество, неравноправие сословий и несправедливый суд. Так, например, в 1849 году, окончив свой годовой учебный курс, Мейер обратился с прощальным напутственным словом к студентам. «Предчувствие не обманывает меня, – возвысился голос профессора, – я верю в близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, в ком есть человеческое сердце, невольно сознает всю нелепость крепостного права… Вникните глубже и вы увидите, что вас смущают ненормальные отношения к крепостным: вы переросли такое положение вещей, вы уже не в состоянии примириться с этим. Для вас должно быть ясно, что крепостным необходимо дать свободу, но одного сознания и чувства еще мало – на вас, на вас первых лежит обязанность облегчить участь ваших крестьян, а, если сбудется мое предчувствие, и, наконец, поднимется вопрос о крепостных, вы первые должны стать в ряды их защитников и, каждый на своем месте, помогать торжеству справедливого дела» [9]. Многие студенты, обучавшиеся у Мейера, жили уже с иными ценностными ориентирами. Они стали осознавать несправедливость бесправия крепостных, всю вредность такого положения дел для будущего империи. Возникает целая прослойка среди помещиков, что желают реформ, что готовы на изменения. Как писал Г.Ф. Шершеневич: «Смелое слово учителя не оставалось без влияния на учеников: известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгодной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из университета» [21].

Лекции, читавшиеся Мейером, представляют собой памятник русской цивилистики. Мейер дал полноценное и всестороннее изложение русского гражданского права. Он исследовал институты не только с формальной стороны, но и с позиции общественных условий их существования, их бытовой обусловленности. После смерти профессора ученики Казанского университета выпустили первое издание книги «Русское гражданское право» [6], включавшее в себя лекции Дмитрия Ивановича, которые были восстановлены по записям учащихся. «Русское гражданское право» состоит из 2-х частей: общей и особенной. В общей части содержатся лекции посвященные субъектам и объектам, методам, предмету, источникам права, видам сделок в гражданском праве. Особенная часть посвящена праву вещному, праву обязательственному и праву союза семейственного. Эту книгу не раз переиздавали, в особенную часть вносили поправки в соответствии с меняющемся законодательством [5]. По ней отучилось не одно поколение юристов, людей, которые впоследствии участвовали в судах, которые воплощали право на практике.

Нововведением, предпринятым Мейером в процессе преподавания, стало создание юридической клиники в стенах университета. Юридическая клиника [12] представляла собой учреждение, куда люди могли обратиться за бесплатной юридической помощью, которую им оказывали студенты в присутствии своего руководителя. Данная практика имела большую пользу как для самих студентов, так и для, посетителей

юридической клиники. У учащихся уже на этапе обучения появилась возможность вникать в хитрости юриспруденции не на абстрактных примерах, а на конкретных делах, с которыми люди обращались к ним. В эпоху судебно-правовых реформ множество людей получили возможность отстаивания своих прав в суде вне зависимости от их происхождения и социального статуса [1]. Однако материальное положение сословий все равно оставалось разным. Юридические клиники позволили эту проблему решить. Благодаря им малообеспеченные слои населения всегда могли быть услышанными со своей юридической проблемой, получить ее анализ, а также помощь в составлении и направлении иска в соответствующую инстанцию. Создавая юридическую клинику изначально с целью постепенного введения студентов в практику, Мейер стал прародителем системы бесплатной юридической помощи при университетах, которая после его смерти стала повсеместной. Произошло гармоничное сочетание реформ сверху и инициативы снизу.

Почти всю свою научную жизнь Мейер провел в Казани, однако этот город так и не стал ему родным. Преподавание и ведение дел деканом не давали ему удовлетворения. Он все равно стремился вернуться в родной Петербург: там бурлила научная жизнь, там были его друзья и товарищи. В 1855 году ему представилась такая возможность. На пятидесятом году жизни скончался Константин Алексеевич Неволин, занимавший по долгу службы кафедру гражданского права. Как только Мейера настигли новости о произошедшем, он сразу же отправился в Петербург, чтобы предложить свою кандидатуру на место ушедшего профессора. В декабре 1855 года его назначение состоялось. Он успел прочитать одну только лекцию. По приезде в Петербург его здоровье окончательно расстроилось. В 1856 году Дмитрий Иванович умер. Смерть забрала у науки человека, который всю свою жизнь посвятил служению истине. От лица всех учеников, товарищей Дмитрия Ивановича профессор Н.А. Вышнеградский почтил память ушедшего: «Жаль угасшего светильника, который лил около себя обильный свет, жаль деятеля, который обещал так много для науки и воспитания. Профессор Мейер был одним из тех, которые самоотверженно трудятся, открывая новые пути в области истины и добра, одним из тех благородных воинов, кои все приносят в жертву своему долгу и без печали слагают саму жизнь, завещая потомству дальнейшее движение вперед. В продолжение своей, краткой для любви нашей, деятельности он образовал много юношей-законоведцев, но едва ли в продолжение всей своей жизни он дал более торжественный урок, как тот, который слышится из его гроба. Благородные юноши, ученики неуклонно, трудитесь так же доблестно для дела правды и добра, трудитесь до самой смерти вашей, дабы этот грозный час застал вас бодрствующими и трудящимися, а не дремлющими и праздными, ибо такова была кончина профессора Мейера» [13].

Завершая свое эссе, надеемся, что представленная работа будет способствовать сохранению памяти о профессоре Д.И. Мейере, о его роли в судебно-правовой реформе второй половины XIX – начала XX века.

Список литературы

1. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. – М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891. – XVI, 364, 52 с.
2. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М., Л.: Академия наук СССР, 1946. – 631, [5] с.
3. Иконникова И.С. М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 18-24.
4. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 384 с.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право – 3. изд., испр. – М.: Статут : Консультант Плюс, 2003. – 829, [1] с.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право: чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей под редакциею [и с предисловием] А. Вицына / Под ред. А. Вицына . – С.Пб.: тип. Н. Тиблена , 1861-1862.

7. Морозов В.И. Правовые и политические взгляды М.М. Сперанского: Монография. – СПб., 1999. – 178 с.
8. Морозов В.И. Труды и дни М.М. Сперанского: Монография. – СПб., 1999. – 215 с.
9. Назарьев В.Н. Жизнь и люди былого времени: (воспоминания, наброски, переписка). Посвящается Анне Валериановне Назарьевой // Исторический вестник. – 1890. – № 11. – С. 424–443 ; № 12. – С. 710–733.
10. Никитенко А.В. Воспоминания о М.М. Сперанском. – СПб., 1872.
11. Пекарский П.П. Студенческие воспоминания о Д.И. Мейере // В сб. Братчина. – СПб.: тип. К. Вульфа, 1859.
12. Поляков М.Б. История возникновения юридических клиник и клинического юридического образования // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2010. – № 2. – С.66-68.
13. Санкт-Петербургские ведомости. – 1856. – № 36.
14. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 2. – СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1888. – LIV, 517, [7] с.
15. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 17: Работы разных лет. – М., 1999.
16. Сперанский М.М. Избранное / Отв. ред. и вступ. ст. П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2013. – 359 с.
17. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А, Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2002. – 680 с. – (Мир культуры, истории и философии).
18. Сперанский М.М. Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. - 480 с. - (Серия «Русское юридическое наследие»).
19. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 336 с.
20. Томсинов В.А. Сперанский. – М.: Молодая гвардия, 2006 – 464 с. (Серия: «Жизнь замечательных людей»).
21. Шершеневич Г.Ф. Мейер Дмитрий Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Ч. 2. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ДАНИЛОВ Егор Олегович,
профессор кафедры организации здравоохранения Санкт-Петербургского института стоматологии, кандидат медицинских наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: edspbru@mail.ru

КАЙНОВ Владимир Иванович,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: kaynov_v@mail.ru

ОЧЕРЕДЬКО Виктор Пантелеевич,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: ocheredkovp@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ОБЗОР ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ НА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ КРУГЛОМ СТОЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»

(Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, 24 октября 2019 г.)

Аннотация. *Представлен обзор выступлений на научно-практическом круглом столе «Юридическая ответственность в сфере здравоохранения: вопросы теории и практики», состоявшемся в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия в г. Санкт-Петербург 24 октября 2019 г. Обсуждались проблемы реализации юридической ответственности за профессиональные правонарушения в медицине, специфика различных видов ответственности медицинских организаций и медицинских работников, проблемы правового регулирования порядка назначения и проведения экспертиз по медицинским делам.*

Ключевые слова: *научно-практический круглый стол «Юридическая ответственность в сфере здравоохранения: вопросы теории и практики»; Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия; юридическая ответственность; профессиональные правонарушения в медицине.*

DANILOV E.O.
KAYNOV V.I.
OCHEREDKO V.P.

REVIEW OF REPORTS AND PRESENTATIONS AT THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL ROUNDTABLE "LEGAL RESPONSIBILITY IN HEALTH: THEORY AND PRACTICE" (Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, October 24, 2019)

The summary. *A review of presentations at the Scientific and Practical Roundtable "Legal Responsibility in Health: Theory and Practice" was presented at the Northwest Branch of the Russian State University of Justice in St. Petersburg on October 24, 2019. The problems of implementing legal responsibility for professional offences in medicine, the specifics of various types of responsibility of medical organizations and medical professionals, the problems of legal regulation of the procedure of appointment and examination of medical cases were discussed.*

Key words: *"Legal Responsibility in Health: Theory and Practice" Northwestern branch of the Russian State University of Justice; Legal liability; professional offenses in medicine.*

24 октября 2019 г. в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия (СЗФ РГУП) состоялся научно-практический круглый стол «Юридическая ответственность в сфере здравоохранения: вопросы теории и практики». Мероприятие прошло по инициативе кафедры государственно-правовых дисциплин СЗФ РГУП.

Модераторами круглого стола выступили **В.И. Кайнов** (заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин СЗФ РГУП, доктор юридических наук, профессор), **В.Е. Жолобов** (вице-президент РОО «Врачи Санкт-Петербурга», доктор медицинских наук, Заслуженный врач Российской Федерации), **В.П. Очередько** (профессор кафедры государственно-правовых дисциплин СЗФ РГУП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации).

Цель круглого стола – обмен мнениями по вопросам влияния правоприменительной практики на деятельность органов здравоохранения и медицинских организаций. В основных направлениях работы круглого стола – проблемы реализации юридической ответственности за профессиональные правонарушения в медицине, специфика различных видов ответственности медицинских организаций и медицинских работников, проблемы правового регулирования порядка назначения и проведения экспертиз по медицинским делам и др.

На предложение принять участие в обсуждении поставленных вопросов откликнулись более ста представителей вузов, научно-исследовательских учреждений, правоохранительных органов и медицинских организаций из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Белгорода, Казани, Краснодара, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Ростова-на-Дону, Симферополя, Ставрополя, а также из Баку (Азербайджан), Могилева (Беларусь) и Ташкента (Узбекистан). В результате для обсуждения теоретических и практических проблем юридической ответственности в сфере здравоохранения на одной дискуссионной площадке собрались ученые, представители отраслевых юридических наук, организаторы здравоохранения, практикующие юристы и врачи, а также студенты, магистранты и аспиранты из разных регионов России и стран ближнего зарубежья.

Директор СЗФ РГУП **Я.Б. Жолобов**, открывая заседание круглого стола, определил цель и задачи научного мероприятия. В приветственном слове он обозначил ряд узловых проблем правового регулирования здравоохранения и формирования правоприменительной практики по делам, вытекающим из медицинских правоотношений.

Заседания круглого стола прошли в режиме

свободного обсуждения заявленной проблематики. Доклады и сообщения можно сгруппировать по следующим направлениям.

Вопросы гражданско-правовой ответственности в сфере здравоохранения

К.В. Егоров (доцент кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук), рассматривая проблемы гражданско-правовой квалификации качества медицинской услуги, остановился на вопросе о пределах действия стандартов медицинской помощи и правомерности выхода врача за рамки нормативных требований. На основе анализа российской и зарубежной практики сделан вывод о том, что стандарт нередко рассматривается как единственно возможный вариант оказания помощи, что зачастую не позволяет применить адекватную тактику лечения к конкретному пациенту с учетом особенностей его патологии. Это вызвано, как желанием избежать ответственности ввиду неясности пределов действия стандарта (может ли врач сделать больше или иначе?), так и экономией средств бюджета. В описанной ситуации существует риск того, что оказание медицинской помощи превращается в формальный процесс, не учитывающий потребности конкретного пациента. При этом законодательство не содержит ограничений в отношении оказания медицинской помощи в объеме, превышающем требования стандарта, а в особых случаях действий врача вопреки стандарту.

В.Г. Куранов (старший преподаватель кафедры правоведения Пермского государственного медицинского университета, директор Центра медицинского права) выступил по вопросу о юридически обязывающем значении норм врачебной этики и деонтологии. Анализ правоприменительной практики в связи с нормами биоэтики позволяет делать выводы о месте и значении этических норм в системе медицинского права. Отмечено, что при фактическом закреплении норм морали в качестве источника здравоохранительного права отсутствует их инкорпорация в систему нормативного регулирования этой отрасли – статья 3 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] не содержит упоминания о соотношении нормативных актов и морально-этических установлений. Более того, обязав медицинских работников следовать нормам медицинской этики и деонтологии, законодатель не конкретизировал, какие именно нормы морали должны соблюдаться.

Е.Н. Никитин (исполнительный директор ОО «Ассоциация медицинского права Санкт-Петербурга», начальник юридического отдела Центра восстановительного лечения «Детская психиатрия» имени С.С. Мнухина) посвятив свой доклад теме страхования профессиональной ответственности медицинских работников, отметил, что медицинская помощь принадлежит к роду занятий, являющихся источником повышенной опасности. Стоимость медицинской помощи существенно возросла и продолжает увеличиваться, при этом часть расходов перекладывается на плечи пациентов, а доходы населения остаются весьма невысокими – дополнительные затраты на лечение – непосильное бремя для бюджета многих семей. В тоже время уровень доходов самих медицинских работников ненамного выше уровня доходов их пациентов. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников является гражданско-правовым институтом и в соответствии с п. 1 ст. 1068 ГК РФ должно осуществляться их работодателями – медицинскими учреждениями. Неразвитость страхования профессиональной ответственности медработников связана с тем, что страховые взносы по этому виду страхования лечебные учреждения могут заплатить только из прибыли, так как фонды ОМС и бюджет не предусматривают соответствующих расходов. Докладчик считает, что нужно ввести обязательное страхование гражданско-правовой ответственности врачей государственных учреждений, работающих в системе ОМС.

Вопросы административной ответственности в сфере здравоохранения

Е.О. Данилов (профессор кафедры организации здравоохранения Санкт-Петербургского института стоматологии, кандидат медицинских наук, доцент), выступая с докладом «Медицинская организация как субъект административно-деликтного отношения», указал на целый комплекс проблем. В частности, на неоднозначную судебную практику привлечения медицинских организаций к ответственности по

итогам контроля соблюдения правил предоставления платных медицинских услуг. В подобных делах вопрос о квалификации правонарушений обретает особое значение с учетом возможного дублирования полномочий контролирующих органов (Росздравнадзора и Роспотребнадзора). Другая проблема связана с несовершенством нормативных правовых актов, за несоблюдение которых медицинские организации привлекаются к ответственности. Например, утвержденные Минздравом России порядки оказания медицинской помощи, соблюдение которых относится к лицензионным требованиям, зачастую содержат необоснованно завышенные стандарты оснащения. Отдельного внимания заслуживают проблемы правового статуса медицинских организаций, особенно – государственных учреждений здравоохранения. Многие вопросы их правосубъектности и взаимоотношений с органами исполнительной власти, в систему которых они входят, до сих пор не урегулированы. В КоАП РФ нет специальных правил для государственных учреждений, поэтому они привлекаются к ответственности на общих основаниях наравне с другими юридическими лицами. Резюмируя, докладчик предложил определить особые условия привлечения медицинских организаций к административной ответственности (с учетом их правового положения) и предусмотреть возможность привлечения к административной ответственности учредителей медицинских учреждений.

В.А. Внукова (доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского университета кооперации, экономики и права, кандидат юридических наук) также говорила об ответственности учредителя за обеспечение населения качественной медицинской помощью. В настоящее время закон требует, чтобы минимально необходимым оборудованием были обеспечены все больницы на всей территории России. Если раньше проверяющие органы, обращая внимание на недостатки оснащения, делали предписания, но никого не наказывали, то теперь ситуация изменилась. В 2019 г. уже создано два прецедента (оба в Ростовской области) по привлечению медицинских организаций к ответственности по ст. 19.20 КоАП РФ по факту отсутствия у них необходимого оборудования. В обоих случаях медицинские организации были оштрафованы. При этом источник средств – фонд ОМС, статья «прочие расходы». Так, согласно разъяснению Федерального фонда ОМС к «прочим расходам» относятся расходы на уплату штрафов. Получается, что если учредитель не дал деньги на приобретение оборудования, то на уплату штрафа фонд ОМС деньги дал. Необходимо установить административную ответственность учредителя, который создал эти бюджетные организации и обязан обеспечить их оборудованием.

В.П. Сальников (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации) обратил внимание на то, что сейчас идёт активная дискуссия по поводу введения уголовной ответственности юридических лиц [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] и, хотя этот ломает многие параметры теории уголовного права, вероятнее всего такая ответственность будет введена. Как это может сказаться на учреждениях здравоохранения – большой вопрос. Говоря об административной ответственности юридических лиц, выступающий отметил, что она существует во всём мире и даёт положительные результаты. Но нужно внимательно посмотреть и дифференцировать те ситуации, когда государство само себя наказывает и себе же назначает административные штрафы.

С.Ю. Остренко (исполнительный директор СРО НП «Медицинская палата Санкт-Петербурга», преподаватель кафедры организации здравоохранения Санкт-Петербургского института стоматологии) посвятив своё выступление саморегулированию, отметила, что его основная задача в здравоохранении состоит в распределении функций контроля за деятельностью субъектов, что дает возможность минимизировать участие органов исполнительной власти, осуществляющих контроль, при сохранении ответственности медицинских организаций перед потребителями. Например, в 2019 г. территориальные органы Роспотребнадзора прекратили несколько плановых проверок в отношении членов СРО на основании п. 10 ст. 9 Федерального закона № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [2]. Но в тоже время выросла нагрузка

на медицинские организации в связи с необходимостью проведения антитеррористических мероприятий, мониторинга движения лекарственных препаратов, внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности.

Вопросы уголовной ответственности в сфере здравоохранения

Н.Т. Идрисов (декан юридического факультета Санкт-Петербургского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент) предметной сферой своего выступления выбрал рассмотрение современных тенденций развития уголовного законодательства и правоприменительной практики о противодействии преступлениям в медицинской сфере (на основе практики Следственного комитета РФ). Актуальность проблемы уголовной ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи сегодня подогревается высказываниями представителей профессионального следственного и медицинского сообщества. Часто данные позиции противоречат друг другу и положениям законодательства, а в общем виде, свидетельствуют о том, что сегодня нет внятной государственной политики и официальной позиции по вопросу противодействия преступлениям, совершенным медицинскими работниками. Практика привлечения врачей к уголовной ответственности разнообразна, противоречива и не направлена на достижение основной задачи правоприменения – регулирование общественных отношений с целью достижения основного показателя – социального благополучия российских граждан. Говоря об отношении к понятию «ятрогенные преступления», докладчик отметил, что в июле текущего года Следственный комитет издал алгоритм проведения процессуальных проверок и расследования преступлений по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи, в котором указал, что использование термина «ятрогенные преступления» некорректно.

Л.А. Эртель (профессор кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, доктор медицинских наук, профессор) рассматривая проблемы юридической ответственности за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности пациентов, провела анализ соотношения понятий «безопасность» и «медицинская услуга» и указала на отсутствие в действующем законодательстве единого подхода к определению безопасности медицинской услуги, а также соотнесения безопасности и качества, что порождает правовой пробел. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует об отсутствии единой позиции среди правоприменителей относительно нормы, предусмотренной статьёй 238 УК РФ. Выявленные разногласия касаются как понимания содержания основных терминов, использованных в диспозиции статьи, так и основных элементов состава преступления – объективной стороны, субъективной стороны, а также самого субъекта. Для оптимизации нормативного регулирования указанной проблемы следует закрепить в законодательстве правовые дефиниции «медицинской деятельности, создающей повышенную опасность», «обоснованного медицинского риска», «источников повышенной опасности в сфере охраны здоровья». Далее необходимо проводить реструктуризацию законодательства в сфере охраны здоровья в направлении обеспечения безопасности граждан при реализации конституционного права на охрану здоровья путем регламентации наиболее «опасных» аспектов медицинской деятельности на федеральном уровне.

Е.А. Чеснокова (доцент кафедры организации здравоохранения и медицинского права СПбГУ, кандидат медицинских наук) обратила внимание на то, что в настоящее время в обществе ведётся активное обсуждение необходимости дополнения УК РФ статьями, предусматривающими специальное уголовно-правовое регулирование профессиональной ответственности медицинских работников при ненадлежащем оказании или неоказании медицинской помощи. Медицинское сообщество крайне негативно относится к данной инициативе, опасаясь массовых преследований в отношении врачей. Однако законодатели ставят иные цели: дифференцировать подход в расследовании такой группы дел, а также сформировать более мягкие санкции для данной категории лиц. С другой стороны, существует риск, что с введением в УК новых статей в медицинском сообществе укрепится мысль, что теперь некоторые дела будут подгоняться под «новые ятрогенные преступления», чтобы обеспечить необходимый объем раскрываемости. Для нивелирования подобных рисков необходимо более четко определить отдельные элементы составов ятрогенных

преступлений в предлагаемых статьях.

Н.М. Хромова (научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) проведя анализ ряда судебных решений, которые демонстрируют неоднородность правоприменительной практики по уголовным делам в отношении медицинских работников за причинённый вред здоровью, сделала вывод о необходимости модернизации отдельных уголовно-правовых норм с целью их единообразного толкования.

Е.Г. Князев (генеральный директор ООО «Экспертздравсервис», ведущий аудитор, начальник департамента по работе с организациями здравоохранения органа по сертификации «Русский Эксперт») в докладе «Врачебная ошибка. Разграничение ошибки от преступной небрежности. Правовая неопределённость терминов (на примере судебной практики)» отметил, что причинение вреда не является признаком «оказания услуг ненадлежащего качества». Наличие между действиями (бездействием) ответственных лиц и нежелательными явлениями, возникающими в процессе и в результате оказания медицинской помощи, причинно-следственной связи в уголовном процессе доказывает вину этих лиц в причинении вреда охраняемым уголовным законом ценностям, к коим относятся жизнь и здоровье человека, что влечёт за собой уголовную ответственность виновных лиц. Однако при расследовании уголовных дел данной категории существуют проблемные вопросы: формальный подход и сомнительная компетентность судебно-медицинских экспертов; оценка действий врачей на основе подзаконных правовых актов, которые прямо не определяют их профессиональные обязанности. Докладчик предлагает переквалифицировать дела в отношении медицинских работников таким образом, чтобы они рассматривались не в уголовном процессе, а в гражданском. Для этого необходимо создавать независимые экспертные институты.

Проблемы правового регулирования экспертиз по медицинским делам

Г.И. Заславский (заместитель председателя правления РОО «Врачебная палата Ленинградской области», доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач Российской Федерации) на основании многолетнего опыта руководства Ленинградского областного бюро судебно-медицинской экспертизы считает, что с середины прошлого века статистика сохраняется неизменной: из всех возбужденных уголовных дел против врачей 90% прекращается после экспертиз. Однако, несмотря на то что здравоохранение нашей страны с того времени хуже не стало, количество жалоб на медицинских работников возросло в сотни раз! Причем, количество жалоб увеличилось не в связи с медицинской деятельностью, а в связи с возбуждением общества.

И.А. Толмачев (заведующий кафедрой судебной медицины Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, доктор медицинских наук, профессор) подверг критике предложенный Минздравом проект изменений в Положение о лицензировании медицинской деятельности, предполагающий включение в перечень работ (услуг) по судебно-медицинской экспертизе новых позиций» «судебно-медицинская экспертиза и исследование трупа и по материалам дела» и «судебно-медицинская экспертиза и обследованию потерпевших, обвиняемых и других лиц и по материалам дела». По мнению докладчика, этот проект нарушает общепринятую в юриспруденции и судебной медицине классификацию видов экспертиз исходя из объектов подлежащих исследованию. Основанием для деления судебно-медицинских экспертиз на отдельные виды является исследование различных объектов (с одной стороны трупов или живых лиц, с другой – материалов дела), требующих совершенно разных условий (помещения, оборудования, инструментов, персонала и т.д.). Объединение экспертиз в один вид является противоречивым и повлечет нарушения при их назначении. Поэтому представляется неправомерным и лишенным смысла с позиций формальной логики введение таких видов деятельности в перечень услуг, подлежащих лицензированию. Следует также обратить внимание на статью 62 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая гласит, что судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы проводятся в медицинских организациях. Таким образом, происходит ограничение уголовно-процессуального закона в части исключения физических лиц – носителей специальных знаний из судебного процесса.

И.Е. Лобан (начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы Санкт-Петербурга, доктор медицинских наук), рассматривая, проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников, подчеркнул, что риск в медицине не просто не исключен, он заранее предполагается и допускается, как по сути врачебной работы, так и законом. Изучение динамики количества экспертиз, проведенных в Бюро судебно-медицинской экспертизы Санкт-Петербурга, показало, что доля «врачебных» дел в структуре всех экспертиз и исследований по материалам дел за 5 лет выросла с 24% до 46%. В структуре экспертиз в отношении медицинских работников в зависимости от их специализации наибольший удельный вес занимают акушеры-гинекологи (21%), стоматологи и общие хирурги (по 8%). При этом число экспертиз в рамках уголовных дел в последние годы преобладает над числом экспертиз в рамках гражданских дел.

Ю.П. Панчук (начальник отдела судебно-медицинской экспертизы Санкт-Петербургского института независимой экспертизы и оценки, кандидат медицинских наук), анализируя возможности негосударственного экспертного учреждения в решении вопросов, связанных с юридической оценкой действий врача, отметил, что производство экспертиз по медицинским делам является одним из самых сложных в структуре экспертной деятельности. При этом качество экспертных исследований в государственных экспертных учреждениях (ГЭУ) страдает по ряду объективных причин, в частности из-за очень высокой экспертной нагрузки. Напротив, в негосударственном экспертном учреждении значительно большие возможности качественного исполнения экспертизы, эксперт организатор находится в более выгодном и свободном положении, у него нет такой нагрузки, он находится в среде, где находятся юристы, которые могут консультировать в процессуальных вопросах, правоприменительных знаний и др. Немаловажным фактором, влияющим на объективность экспертных исследований в негосударственном учреждении является отсутствие корпоративной зависимости. При выполнении экспертиз в небольших городах, где ГЭУ взаимосвязаны с региональными органами здравоохранения, а те в свою очередь с лечебными учреждениями, нельзя исключить влияния данных обстоятельств на объективность выводов, а независимый статус государственного эксперта при исполнении экспертизы является в таком случае сомнительным.

С.А. Повзун (руководитель отдела патоморфологии и клинической экспертизы Санкт-Петербургского НИИ скорой помощи имени И.И. Джанелидзе, доктор медицинских наук, профессор) остановился на проблеме установления причинно-следственных связей при рассмотрении дел, связанных с предполагаемыми правонарушениями со стороны медицинских работников. Заболевание возникает в силу объективно существующих причин, при этом неблагоприятный исход определяется его естественным течением, который с известной степенью вероятности может быть предотвращен действиями врача, но самоустранение врача, которое, конечно же, является преступным, не является самостоятельным фактором, способным вызвать инвалидность или смерть пациента, поскольку само по себе не влечет причинения ему вреда. Если наступление последствия было объективно предопределено ещё до совершения деяния, о причинной связи речи не идёт. Правоприменительная практика осуждения медицинских работников по ч.2 ст.109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности нуждается совершенствовании, поскольку в ряде случаев врачи не причиняли смерти, а лишь не предприняли необходимых мер для предотвращения наступления смерти, явившейся исходом естественного развития соответствующего заболевания, и указанная статья УК РФ должна применяться только при наличии прямой причинно-следственной связи между неправильными действиями медицинских работников и наступлением неблагоприятного исхода. Случаи неверных действий врача, косвенно повлиявших на неблагоприятный исход заболевания, по мнению докладчика, могут быть расценены как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, ответственность за которое предусмотрена ст.238 УК РФ.

С.В. Кузнецов (старший научный сотрудник НИИ Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, кандидат медицинских наук, доцент) анонсировал свою монографию «Методология экспертного сопровождения расследования преступлений по фактам

ненадлежащего оказания медицинской помощи», изложив побудительные мотивы к её написанию, а также основные выводы, сделанные по результатам пятилетнего практического опыта организации судебно-медицинской экспертизы в структуре Следственного комитета РФ. Докладчик отметил, что не является сторонником понятия «ятрогенное преступление», поскольку оно сразу вносит негативную оценку, и выразил надежду на то, что изложенные в его монографии частные методики, порядки и подходы дадут толчок комплексному осмыслению проблемы уголовной ответственности медицинских работников.

В ходе работы круглого стола перед аудиторией с интересной информацией выступили также: **В.А. Болсуновский** (доцент Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета, главный внештатный детский кардиохирург Комитета по здравоохранению Ленинградской области, кандидат медицинских наук), который остановился на отдельных вопросах законодательного регулирования использования тела, органов и тканей умершего человека; **М.А. Воронцова** (старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин СЗФ РГУП, кандидат юридических наук), представившая свой взгляд на конституционно-правовые основы охраны репродуктивных прав в Российской Федерации; **Ф.З. Джаббаров** (старший преподаватель кафедры менеджмента Азербайджанского университета туризма и менеджмента), сделавший доклад о правовых и финансовых основах обязательного медицинского страхования в странах СНГ; **Н.И. Пикуров** (профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук), посвятивший свой доклад определению роли медицинских правовых актов в установлении основания уголовной ответственности за причинение вреда при оказании медицинской помощи; **К.Г. Редько** (руководитель проекта «Medyurist.pro», кандидат медицинских наук), рассмотревший проблему несовершенства нормативно-правовой базы оказания медицинской помощи как угрозы несправедливого привлечения к ответственности; **Я.А. Черный** (адвокат, директор центра независимой медицинской экспертизы и правовой защиты РОО «Врачебная Палата Ленинградской области») проанализировавший несколько уголовных дел о юридической ответственности врачей, расследуемых в Северо-Западном регионе страны; и др.

Директор СЗФ РГУП **Я.Б. Жолобов** поблагодарил участников круглого стола за активную работу и сообщил, что ряд сотрудников РГУП являются экспертами рабочей группы по разработке законодательства, в частности нового административного кодекса (материального и процессуального), проект которого должен быть подготовлен и представлен на обсуждение до 2021 г. Сейчас есть уникальная возможность аккумулировать прозвучавшие в выступлениях предложения. В последующем эти рекомендации могут быть рассмотрены в соответствующих комитетах Государственной Думы.

Развивая эту идею, профессор **В.П. Очередько** предложил перевести подведение итогов круглого стола в русло практического дела: всё высказанное собрать воедино и систематизировать для дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

По результатам круглого стола планируется опубликование сборника научных статей, в котором будет представлена вся палитра мнений и суждений участников научного мероприятия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
2. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6249.
3. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сборник научно-практических трудов. Выпуск 2. – М.: Институт

повышения квалификации СК России, 2013. – С. 3-13.
4. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 1. – С. 6-12.
5. Бытко Ю.И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) // Вестник Саратовской государственной юридический академии. – 2015. – № 2(103). - С. 182-193.
6. Захарцев С.И. О проблеме установления уголовной ответственности юридических лиц в России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5(16). – С 30-33.
7. Иванов Н.Г. Уголовная ответственность юридических лиц: аргументы contra // Уголовное право. – 2012. – № 2. - С. 45-50.
8. Смирнов Г.К. Характеристика проекта закона Следственного комитета РФ об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г.И. Богуш; науч. ред. У. Зибер, В.С. Комиссаров. – С. 110-119.
9. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 3. – С. 429-433.
10. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 11-18.

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры административного и финансового права МГИМО МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

ПЕТРОВ Петр Алексеевич,
заместитель генерального директора ООО «Лидер Консалт Право», (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: pdsg@list.ru

ПЛАТОНОВА Мария Владиславовна,
магистрант Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
E-mail: platonova.marie@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.03 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *Банкротство юридических лиц в настоящее время набирает особую актуальность в условиях существующего экономического кризиса. Обращается внимание на сущность ответственности участников процедуры банкротства за неправомерные действия. Представляется дискуссия о понимании юридической ответственности. Проанализированы особенности таких видов ответственности, как административная, гражданско-правовая, уголовная. Выявлены отдельные проблемные моменты ответственности за неправомерные действия при банкротстве.*

Ключевые слова: *преднамеренное банкротство; банкротство; фиктивное банкротство; неправомерные действия при банкротстве; ответственность; уголовная ответственность; административная ответственность; гражданско-правовая ответственность.*

KONDRAT E.N.
PETROV P.A.
PLATONOVA M.V.

CONCEPT AND TYPES OF LIABILITY IN CASE OF ILLEGAL ACTIONS IN BANKRUPTCY

The summary*. The problem of bankruptcy of legal entities is currently gaining special relevance in the current economic crisis. In this article we will draw attention to the essence of the responsibility of the participants of the bankruptcy procedure for illegal actions. The article analyzes the features of such types of responsibility as administrative, civil, criminal. Some problematic aspects of responsibility for illegal actions in bankruptcy are revealed.*

Key words*: intentional bankruptcy; bankruptcy; fictitious bankruptcy; illegal actions in bankruptcy; liability; criminal liability; administrative liability; civil liability.*

Ответственность, как феномен, пользуется повышенным интересом в различных отраслях российского права. Юридическую ответственность стоит признавать в качестве основной категории, которая широко используется в правоприменительной практике и в том числе в сфере банкротства.

Понятие ответственности стоит признавать сложным и многогранным, так как его сущность охватывает все сферы жизнедеятельности общества и изменяется в зависимости от общественных отношений. На сегодняшний момент теоретики и практики не пришли к единому мнению относительно определения сущности ответственности. В теории существует достаточно большое количество мнений относительно определения категории «юридическая ответственность», поэтому она признается дискуссионным в теории права.

Например, профессор М.Н. Марченко присоединяется к позиции тех исследователей, которые рассматривают юридическую ответственность в качестве составной части общества социальной ответственности, включающей политическую национальную, моральную, историческую, партийную и многие другие разновидности ответственности [57, стр. 332].

Он констатирует ситуацию об отсутствии общих представлений в отечественной и зарубежной литературе, тем более единого понимания юридической ответственности. В то же время подчеркивает, что несмотря на разнообразные подходы к пониманию юридической ответственности, авторы, как правило, едины в том, что она связана с государственным принуждением и обязательным применением к правонарушителю государственных санкций, установленных законом. Правда, М.Н. Марченко замечает, что предложенный подход к юридической ответственности верен в той ситуации, когда мы не учитываем разделение ее на позитивную и ретроспективную, как это полагает и З.Г. Ягутян [74, стр. 52].

Профессор М.Н. Марченко обращает внимание на то обстоятельство, что юридическая ответственность всегда реализуется в строгом соответствии с принципами существующей в государстве правовой системы. От называет такие общепризнанные принципы: законность, обоснованность, справедливость, неотвратимость, целесообразность и недопустимой повторной или двойной ответственности за совершение одного и того же правонарушения [9]. Ученый пишет и о том, что принципы юридической ответственности, кроме перечисленных, могут быть и другие [52, стр. 630-633].

Профессор А.Б. Венгеров прямо заявлял о том, что юридическая ответственность – это разновидность государственного принуждения, и она обеспечивает правовую систему общества. Реакция государства отрицательная, предполагающая неблагоприятные последствия в отношении правонарушителя, которые прямо установлены законом.

Он особо подчеркивал, что «юридическая ответственность устанавливается за нарушение правовых требований, а не за их выполнение». Выделял признаки юридической ответственности: обязательное наличие правонарушения как основание для наступления юридической ответственности; отрицательная оценка государством поведения правонарушителя; причинение правонарушителю страдания. И определял юридическую ответственность как «установленные законом меры воздействия на правонарушителя, содержащие неблагоприятные для него последствия, применяемые государственными органами, в порядке, также установленном государством» [15, стр. 542-544].

Интересную трактовку юридической ответственности мы встречаем в учебнике профессоров Т.Н. Радько, В.В. Лазарева и Л.А. Морозовой. Ученые считают, что «нельзя рассматривать юридическую ответственность в качестве разновидности обязанности, хотя ответственность – это одновременно и обязанность для субъекта, на которого она возлагается. Правильнее считать, что обязанность по ряду признаков имеет большое сходство с ответственностью, а последняя, в свою очередь, с обязанностью, но определять юридическую ответственность только через обязанность нельзя. Обязанность, как и санкция, предшествует ответственности. Именно за исполнение обязанности может наступить юридическая ответственность. Юридическая ответственность возникает не беспричинно и не внезапно, а реализуемой ответственности ранее предшествовала обязанность лица не совершать деяний, за которые предусмотрена ответственность» [60, стр. 373].

Они выделяют следующие основные характерные черты юридической ответственности:

- претерпевание субъектом права невыгодных последствий за противоправные деяния;
- принудительность (которая неразрывно связана с государством);
- реализация санкции, предусмотренной правовой нормой;
- нахождение (состояние) субъекта права (правонарушителя) в особых охранительных отношениях с государством [60, стр. 375].

Исследователи определяют ее следующим образом: «юридическая ответственность – это особый вид государственного принуждения, состоящий в претерпевании субъектом права невыгодных последствий, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, и осуществляемой в форме охранительного правоотношения» [60, стр. 375].

Достаточно внимательно и подробно исследуют юридическую ответственность профессоры Н.И. Матузов и А.В. Малько. Согласившись с тем, что юридическая ответственность – одна из видов социальной ответственности, они уточняют, что это вид ответственности «индивида» [53, стр. 452].

После такого уточнения возникает вопрос: разве данный вид социальной ответственности ограничен лишь физическими лицами и не распространяется на юридических лиц? Как хорошо известно, во всем мире юридические лица активно привлекаются к административной ответственности, то же можно сказать и в отношении материальной ответственности. Во многих странах существует даже уголовная ответственность юридических лиц [25; 26; 64; 68; 69; 70; 72; 73]. В России также высказываются настоятельные предложения по ее введению [12; 13; 14; 17; 18; 28; 45; 50; 55; 71; 59, стр. 332-339], подготовлен и внесен даже проект закона по данному вопросу Следственным комитетом Российской Федерации [65].

Авторы подчеркивают главную особенность юридической ответственности, которая, по их мнению, заключается в ее связанности с нарушением юридических норм, законов, за которыми стоит принудительная сила государства. «Это, – *пишут ученые,* – властно-императивная форма ответственности, опирающаяся на силовое начало. Здесь всегда присутствуют карательный, воспитательный и превентивный моменты. Иными словами, перед нами извечная проблема деяния и воздаяния [53, стр. 452].

Они отмечают наибольшую ее строгость и предельную формализованность по сравнению с другими видами социальной ответственности. Обращают внимание на то, что санкции за нарушение закона определены государством заранее и хорошо известны гражданам, которые представляют реакцию государства на совершение правонарушений. Опять же подчеркивают, что в этом отличие юридической от других видов социальной ответственности.

Обратив внимание на дискуссионность подхода к пониманию данного феномена, Н.И. Матузов и А.В. Малько предлагают следующее определение: «юридическую ответственность можно кратко определить как необходимость для виновного лица подвергнуться мерам государственного воздействия, претерпеть определенные отрицательные последствия; или как вид и меру принудительного лишения лица известных благ [53, стр. 453].

К.Р. Мурсалимов и А,Г. Хабибулин считают, что каждый автор определяет юридическую ответственность по-своему, при этом подчеркивая именно те ее характеристики, которые определяет как главные.

В то же время замечают, что в основном юридическая ответственность представляется как государственное принуждение, наказание за правонарушение. Или же, как охранительные правоотношения, специфическая юридическая обязанность, реализация санкций норм права.

Ссылаются на вновь сформировавшееся направление понимания юридической ответственности, имея в виду концепцию позитивной юридической ответственности. Мы упоминали об этом, анализируя позицию Н.М. Марченко, и будет говорить чуть позже.

Рассматривая юридическую ответственность, К.Р. Мурсалимов и А.Г. Хабибулин учитывают, что она:

- отражает специфику любых правовых явлений;
- неотделима от правонарушения;
- связана с реализацией правовых санкций;
- сопряжена с государственно-правовым принуждением.

Исходя из вышеизложенного, ученые предлагают следующее определение юридической ответственности – «это применение к

правонарушителю предусмотренных санкцией юридической нормы мер государственного принуждения, выражающихся в форме лишения личного, организационного либо имущественного характера» [56, стр. 459-460].

Широкий спектр взглядов на понимание юридической ответственности предлагается в трехтомном учебнике по теории государства и права, изданном под редакцией профессоров Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова. Здесь подчеркивается мысль о том, что совершение лицом правонарушения выступает основанием юридической ответственности и констатируется идея распространенная в теории права, о понимания феномена юридической ответственности в контексте проблемы государственного принуждения, как специальная (особая) «обязанность, обеспечиваемая этим принуждением» [66, стр. 238].

В данном плане интересный подход к юридической ответственности демонстрирует профессор А.Ф. Черданцев, указывающий: «юридическая ответственность – это обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпеть неблагоприятные последствия (лишения). Это ответная мера, возлагаемая за правонарушение со стороны государства или потерпевшего с помощью государства. Реализация этой меры не зависит от желания или нежелания правонарушителя. Она заключается в лишении каких-то прав или возложении дополнительных обязанностей» [76, стр. 315-316].

Позиция А.Ф. Черданцева созвучна точке зрения И.В. Тимошенко: «Юридическая ответственность, – *указывает он,* – является одним из средств (причем средством правового характера) по блокированию противоправного поведения и стимулирования общественно-полезной деятельности людей. Общая правовая цель юридической ответственности заключается в восстановлении нарушенного правопорядка путем реализации защитных средств права, выраженных в санкции нарушенной нормы» [67, стр. 444-445].

Авторы трехтомного учебника обращают внимание на то, что «приведенные понятия юридической ответственности принципиально не противоречат друг другу, и отражают лишь разные стороны одного феномена» [66, стр. 239].

В данном контексте есть интересное подтверждение указанной мысли профессором А.Ф. Черданцевым, в частности, еще ранее он писал: «В юридической науке есть разные определения юридической ответственности: ответственность – реализация санкций юридической нормы; ответственность – мера государственного принуждения; ответственность – способность давать отчет за свои действия и претерпевать меры принудительного воздействия. Все эти определения отражают какую-то одну сторону ответственности» [76, стр. 315].

В учебнике, изданном Фондом «Университет», предлагаются результаты анализа различных определений «юридическая ответственность», формулируется ряд сущностных признаков, дающих комплексную характеристику исследуемого феномена и формулируется определение, в максимальной степени, с точки зрения авторов издания, отражающее все наиболее значимые стороны изучаемого явления.

К признакам, определяющим исследуемый феномен, относят следующие:

- юридическая ответственность применяется в случае совершения правонарушения и носит персонифицированный характер;
- вид и мера юридической ответственности устанавливаются санкцией юридической нормы;
- юридическая ответственность обеспечивается мерами государственного принуждения;
- реализация юридической ответственности осуществляется в форме правоприменительных отношений;
- юридическая ответственность предполагает наступление негативных последствий для правонарушителя» [66, стр. 238-239].

Руководствуясь указанными выше признаками, в учебнике предлагается следующее определение юридической ответственности: «Юридическая ответственность – это форма правового воздействия, связанная с возложением на субъектов права обязанностей претерпевать определенные лишения (ограничения), предусмотренные санкциями юридических норм в качестве адекватной реакции государства на совершенные правонарушения и обеспеченные мерами государственного принуждения» [66, стр. 240].

Здесь же сформулированы цели юридической ответственности:

- защита правопорядка и личности от противоправных посягательств;
- восстановление нарушенного права;

- воспитание граждан в духе строгого соблюдения действиующих законов;
- примирение правонарушителя с обществом;
- наказание (кара) правонарушителя» [66, стр. 240].

Нетрудно заметить, что наряду с другими здесь обращается внмание на правосоциализаторские цели, в частности, говорится о воспитании грждан в духе строгого соблюдения законов и примирении правонарушителя с обществом. По большому счету и иные цели «работают» на правосоциализаторскую целевую установку.

Нам представляется, что в этом контексте интересную позицию занимает профессор И.А Иванников. Он подходит к юридической ответственности как к центральной категории правоведения. А правоведение, как известно, невозможно представить без правовой социализации граждан.

Формулирует следующие признаки юридической ответственности:

- является одним из видов социальной ответственности;
- объективная обязанности лица отвечать за содеянное;
- наличие государственного принуждения;
- совершение противоправного деяния;
- негативные последствия для правонарушителя [38, стр. 251].

Исследователь считает, что сущность юридической ответственности рельефно прослеживается исходя из ее принципов, в качестве которых называет: законность, обоснованность, справедливость, целесообразность, неотвратимость наказания, индивидуализация наказания, ответственность за вину, недопустимость удвоения наказания, гуманизи, своевременность наказания. При этом он считает необходимым классифицировать предлагаемые принципы на правовые и неправовые [38, стр. 252].

С позиций правосоциализаторской характеристики юридической ответственности указанная классификация не столь значима. Это вытекает, в частности, из предложенной профессором Ф.Х. Галиевым характеристики правовой культуры. Он обосновал синкретизм современной правовой культуры [20; 21; 23].

Смысл его заключается в том, что поведение субъекта права определяется не одними лишь правовыми нормами, а всей совокупностью социальных регуляторов. Трудно представить себе поведение личности, исходящее только лишь из требований закона. На это поведение влияют и моральные предписания, и религиозные догмы, и требования корпоративных правил, существующие обычаи, традиции, этические доминанты и т.д. Ф.Х. Галиев увидел в этом синкретизм современной правовой культуры [19]. Он прямо указывает на данную ситуацию: «ни одна из социальных норм в современном обществе не функционирует изолированно от других… Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, что правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения, в единстве с другими социальными регуляторами…, синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различным систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества» [22, стр. 23].

Что касается личности, как субъекта юридической ответственности, то уровень правовой социализации «защищает» ее от девиантного поведения. Об этом свидетельствует в том числе и юридическая практика [27], да и современные научные исследования [48; 49].

В литературе довольно часто подчеркивается, например, система исторического развития и процедура совместнго влияния на сознание и поведение людей правовых и нравственных регуляторов [8, стр. 218-219; 47; 58, стр. 148; 75, стр. 457].

Все социальные регуляторы воздействуют на субъекты правоотношений. «В современном цивилизованном мире трудно найти такую правовую норму, – *пишут Ф.Х. Галиев и Ф.М. Раянов,* – которая бы противоречила основным установкам других соиальных норм, и с этим, видимо, многие не смогут не согласиться. И, с другой стороны, если правовая норма противоречит норма других систем регулирования общественных отношений, она, как правило, не приживается в правовом поле современности, образно говоря, нейтралируется и, как обычно, уходит в забвение. В этом, на наш взгляд, заключается самая главная сущностная характеристика синкретизма в правовой культуре» [24, стр. 208-209].

Указанная ситуация активно воздействует на правовую социализацию индивида, на уровень

его правосознания. В этом плане любопытна позиция С. Злобина. Он говорит о том, что правовая информированность личности, оценка правовой реальности, мотивация собственного правомерного поведения, т.е. содержание ее правосознания определяются социальными связями, интегрированностью в правовую реальность. Правовая социализация по существу предполагает не тольео приобретение правовых знаний, но и их упорядочивание, формирование личностной правовой культуры, обеспечения правометного поведения [37], что в конечном счете свидетельствует о позитивной юридической ответственности. Позиция С. Злобина говорит о том, что проблема позитивной юридической ответственности выходит, возможно и без особого желания исследователей, за пределы нашего государства.

Сошлемся также на позицию авторов издания «Теория государства и права», рекомендованного Учебно-методическим объединением по юридическому образованию высших учебных заведений в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и той же специальности. Кроме того, указанное издание допущено МВД России в качестве учебника для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования этого министерства по специальности 030501.65 «Юриспруденция». Оно выдержало несколько изданий под редакцией профессоров В.Я. Кикотя и В.В. Лазарева. Здесь также, после констатации множества различных подходов к пониманию юридической ответственности, обращается внимание на то, что она не только является одним из средств борьбы с правонарушениями, но и фактором, обеспечивающим правомерное поведение. Сама угроза юридической ответственности, по мнению авторов, существенно влияет на поведение граждан.

В каждом из предлагаемых или рассмотренных определений юридической ответственности есть свое рациональное зерно. Ни одно из них нельзя игнорировать, как в общем-то и многие другие подходы, не рассмотренные в данной статье. Вероятнее всего, для понятия данного социального явления необходим всеохватывающий, или как его называют профессоры С.И. Захарцев и В.П. Сальников, компрехендный подход [30; 32; 34]. Они несколько лет назад предложили свою доктрину понимания права, назвав ее компрехендной теорией [29; 31; 33; 35], которая предполагает познание и изучение права со всех сторон, всеохватывающе. Только в таком случае, по их мнению, можно познать подлинную сущность права. Если отталкиваться от позиции С.И. Захарцева и В.П. Сальникова, то и юридическую ответственность можно познать, лишь представляя различные имеющиеся ее характеристики.

Нарушение законодательства в сфере банкротства влечет возникновение мер ответственности к его участникам и в первую очередь к арбитражному управляющему, который признается центральной фигурой в процедуре банкротства [54]. Арбитражный управляющий – это особый участник профессиональной деятельности в рамках процедуры банкротства, деятельность которого подпадает под регулирование Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ) [3].

В рамках процедуры банкротства арбитражный управляющий, в соответствии с положениями п.4 ст. 20.3 Закон № 127-ФЗ обязан осуществлять деятельность разумно, в интересах кредиторов, должника и публичных интересов.

В результате совершения неправомерных действий арбитражный управляющий, а также иные лица могут быть привлечены к отдельным видам ответственности, в частности, административной, уголовной, гражданско-правовой. Отметим особенности каждого вида ответственности.

Наиболее распространенной и актуальной на сегодняшний момент признается привлечение к административной ответственности. Состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] является особо распространенным основанием административной ответственности.

Рассмотрение дел и привлечение к административной ответственности в рамках дела о банкротстве происходит Арбитражным судом. Привлечение к данному виду ответственности осуществляется в случае неисполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в рамках дела о банкротстве, но при условии, что действия или бездействие управляющего не содержат признаки уголовного деяния. Статья 14.13 КоАП РФ предусматривает

ответственность за «неправомерные действия при банкротстве». Данный состав ответственности стоит признавать достаточно сложным и требующий длительного рассмотрения в суде. Срок привлечения к административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве составляет один год. По истечении указанного срока, виновное лицо не может быть привлечено к ответственности и тем самым освобождается от нее.

Среди неправомерных действий при банкротстве, за совершение которых наступает административная ответственность, стоит признавать [41]:

- сокрытие информации о нахождении имущества и размере данного имущества. Умышленная передача активов должника третьим лицам или их уничтожение;
- заведомое исполнение обязательств перед одним из кредиторов в нарушении прав и законных интересов других кредиторов при реструктуризации долга;
- санкции предусмотрены и для случаев, когда граждане при наличии установленных в Закон № 127-ФЗ признаков (долг более 500 000, неспособность исполнить обязательства перед всеми контрагентами) не исполняют обязанность по подаче в срок до 30 дней после того, как обстоятельства обнаружились, заявления в суд о признании неплатежеспособным.

Законодатель устанавливает следующие наказания за совершение административного правонарушения в виде неправомерных действий при банкротстве, в частности, административный штраф и дисквалификация. Иногда, как показывает практика, суды ограничиваются устным замечанием, при условии, что допущенное правонарушение является малозначительным. Применение наказания в виде дисквалификации влечет отстранение от выполнения возложенных обязанностей на определенный срок [40].

Конечно, наиболее частыми видами наказания в практической деятельности выступает административный штраф. Примером тому может послужить решение Арбитражного суда Амурской области по делу А04-2060/2017 арбитражный управляющий был привлечен к административной ответственности по ст. 14.13 КоАП РФ ч. 3.1 за невыполнение требований законодательства в период проведения конкурсной процедуры. А именно, арбитражным управляющим был подготовлен отчет о деятельности, но он не соответствовал требованиям действующего законодательства, в связи с чем, суд пришел к выводу о доказанности состава административной ответственности [5].

Уголовная ответственность указанных лиц в рамках неправомерных действий при банкротстве явление, конечно, не частое, но тем не менее имеет место быть. Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет норму о наступлении уголовной ответственности в случае совершения неправомерных действий при банкротстве – статья 195 [2]. Для возникновения состава уголовной ответственности необходимо причинение существенного вреда.

В научно-практическом комментарии к УК РФ, изданном под редакцией профессора Н.Г. Кадникова, читаем: «Состав преступления материальный. Преступление окончено в момент причинения крупного ущерба. Размер ущерба, трактуемого как крупный, определен законодателем как ущерб в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тыяч рублей (примечание к ст. 170^2 УК РФ)» [42, стр. 533].

Неправомерные действия в рамках привлечения к уголовной ответственности аналогичны тем действиям, которые мы указывали при анализе административной ответственности и сводятся к следующим [51]:

а) по ч. 1 статьи – сокрытие, отчуждение, уничтожение собственно имущества или имущественных обязательств, сокрытие информации об имуществе, незаконные операции с имуществом, не образующие сокрытия, но связанные с его передачей, отчуждением либо уничтожением, и, наконец, те же действия с бухгалтерскими и иными учетными документами и их фальсификация;

б) по ч. 2 статьи – неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов;

в) по той же ч. 2 статьи – принятие кредитором неправомерного удовлетворения своих имущественных требований в ущерб другим кредиторам.

Несмотря на то, что законодатель включает данные альтернативные действия в диспозицию статье 195 УК РФ, раскрытие таких действий не происходит, в связи с чем, в практике

привлечения к уголовной ответственности возникают спорные моменты. Поэтому существует необходимость к данному составу предусмотреть примечание, в котором раскрыть все действия, упоминаемые в диспозиции статьи [77].

Наказание за совершение противоправного деяния предусмотрено как в виде штрафа, так и лишения свободы на срок до 1 года [16].

В качестве субъекта преступления может выступать только руководитель организации или ее собственник, а также индивидуальный предприниматель. Так, руководитель должника был привлечен к уголовной ответственности по ч.1 ст.195 УК РФ в связи с тем, что в рамках процедуры банкротства заключил договор купли-продажи недвижимого имущества, в соответствии с который продало имущество за 60 000 рублей, хотя стоимость имущества даже в процессе износа оценивалась в 331 000 руб. и зерносклад стоимость износа которого составляет 280 000 руб. Следовательно, руководитель зная о наличии признаков банкротства продал недвижимое имущество значительно ниже рыночной стоимости, тем самым причинил обществу ущерб в крупном размере [6].

Отдельные исследователи придерживались позиции о том, что данные составы уголовной ответственности являются достаточно сложно доказуемыми на практике, в связи с чем, предлагалось исключение их из норм уголовного законодательства. С таким подходом достаточно сложно согласиться [39]. На наш взгляд, необходимо не исключать данные нормы из уголовного законодательства, а наоборот решать возникшие проблемы и сложности в правоприменении.

С нашей точки зрения такой вывод вытекает из общих посылов науки в контексте уголовно-правовой [11; 36; 46; 61] и уголовной политики в целом [7; 43; 44; 62].

Кроме административной и уголовной ответственности арбитражный управляющий и иные ответственные лица несут гражданско-правовую ответственность. В виду того, что между арбитражным управляющим, кредитором и должником отсутствуют договорные отношения, то гражданско-правовая ответственность носит внедоговорной характер.

С недобросовестным поведением должника и контролирующего должника лица последовательно ведется концептуальная борьба: в законодательстве о банкротстве расширяются возможности кредиторов по возврату выведенных активов должника, совершенствуется законодательное регулирование субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица за неправомерные действия при банкротстве должника. Под концепцией субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего должника лица понимается сформулированная в гражданском законодательстве и законе о банкротстве система экономико-правовой ответственности.

Глава 59 ГК РФ предусматривает особенности оснований и условий гражданско-правовой ответственности. Закон № 127-ФЗ предусматривает, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ответственные лица обязаны возместить причиненные убытки.

Так, статья 20.4 Закона № 127-ФЗ предусматривает, что арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые возникли в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей. В качестве условий для возмещения ответственности стоит признавать следующие факты [10]:

- неисполнение обязанностей в деле о банкротстве;
- факт причинения убытков;
- причинно-следственная связь между правонарушением и причиненными убытками;
- наличие вины арбитражного управляющего.

В связи с чем, законодатель ввел обязательное страхование ответственности на случай причинения убытков. Обязательное страхование выступает в качестве формы обеспечения ответственности управляющего. Привлечение к такой ответственности возможно только в судебном порядке.

Широкое распространение на сегодняшний момент приобретает практика привлечения к субсидиарной ответственности. Субсидиарная ответственность признается в качестве разновидности гражданско-правовой ответственности и становится наиболее эффективным методом привлечения виновных лиц за допущенные нарушения интересов кредиторов. Основаниями для наступления субсидиарной ответственности признаются:

- неподача заявления о банкротстве;
- наступление банкротства в результате

исполнения указаний, контролирующих должника лиц;
- утрата или искажение бухгалтерских документов должника.

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов в деле о банкротстве [63, стр. 73].

При этом как показывает практика, арбитражный суд при рассмотрении дел о привлечении виновных лиц к субсидиарной ответственности может привлекать такое лицо не только по основаниям, которые прямо предусмотрены в законе, но и по иным основаниям. Законодатель устанавливает открытый перечень таких оснований.

Для того чтобы контролирующее лицо было привлечено к субсидиарной ответственности должны быть выполнены следующие условия: контролирующее лицо совершило особые действия (бездействия), должно быть наличие вины ответственного лица, должна существовать причинно-следственная связь между действием (бездействием) контролирующего лица и невозможностью удовлетворения требований кредиторов. Для института субсидиарной ответственности характерна презумпция виновности контролирующего лица. Поэтому зачастую суд либо уменьшает размер субсидиарной ответственности, либо вообще освобождает от таковой. Данное положение подтверждено судебной практикой [4]. В рамках привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности судом было установлено, что руководитель организации доказал свою невиновность.

На основании вышеизложенного необходимо сделать вывод о том, что действующее законодательство предусматривает отдельные виды ответственности за совершение неправомерных действий при банкротстве, которые позволяют повысить эффективность исполнения положений закона № 127-ФЗ уполномоченными на то лицами.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2019.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2019.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 12.11.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
4. Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу А40-18784/2016 от 19.10.2017
5. Решение Арбитражного суда Амурской области по делу А04-2060/2017 от 26.04.2017 // https://sudact.ru/arbitral/doc/ylybzzxkqdWv/
6. Приговор Жердевского районного суда Тамбовской области по делу № 1-2/2016 от 23.03.2016 // https://sudact.ru/regular/doc/TjmEPw8uKs5v/
7. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
8. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: НОРМА, 2001. – 752 с.
9. Алиев Я.Л., Сальников С.П., Султыгов М.М. Недопустимость удвоения ответственности при совершении правонарушения – важнейшая гарантия защиты прав сотрудников полиции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 25-28.
10. Алферов В.Н., Коригова М.М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2018.- Т. 9. – № 3. – С. 460-474.
11. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4-12.
12. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сборник научно-практических трудов. Выпуск 2. – М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. – С. 3-13.
13. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 1. – С. 6-12.
14. Бытко Ю.И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности

юридических лиц) // Вестник Саратовской государственной юридический академии. – 2015. – № 2(103).
15. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник (для юрид. вузов). 11-е изд., стер. – М.: Омега-Л., 2017. – 670 с.: табл. (Высшее юридическое образование).
16. Винницкий А.В. Административная ответственность арбитражных управляющих: динамика и практика применения новых норм КоАП РФ // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 11-25.
17. Винокуров С.И., Чирков Д.К. К вопросу об актуальности введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 90-94.
18. Волошин И.А., Давиденко С.А. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – С. 95–98.
19. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
20. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
21. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
22. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
23. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
24. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 292 с.
25. Голованова Н.А. Тенденции развития уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: ИНФРА-М, 2013. - 302, [1] с.
26. Голованова Н.А. Британский подход к уголовной ответственности юридических лиц // Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: Сб. матер. Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (г. Москва, 24 октября 2016 г.) / Ред. кол. А.И. Ковлер, Ю.В. Трунцевский, О.И. Семыкина, О.И. Терновая. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, РИОР, 2017. – 232 с.
27. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
28. Захарцев С.И. О проблеме установления уголовной ответственности юридических лиц в России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5(16). – С 30-33.
29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Институты права с позиций компрехендной теории познания // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.). Отв. ред. Ф.М Раянов. – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 45-55.
31. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 2/5(207). – С. 183-187.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 19-24.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
36. Захарцев.С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
37. Злобин С. Конституционные аспекты формирования правовой культуры в Республике Молдова в переходный период: Автореф. дис. … докт. права. – Кишинев, 2006.
38. Иванников И.А. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 392 с.

39. Кириллов Д.В. Уголовная ответственность при банкротстве // Перо науки. – 2019. – № 9(9). – С. 19-23.
40. Кистринова О.В., Кузнецов М.А. К вопросу об административно-правовой ответственности арбитражных управляющих // Юрист. – 2016. – № 22. – С. 27-31.
41. Козак М.Ю. Уголовная и административная ответственность при банкротстве физических лиц // Перспективы развития науки в современном мире: Сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. В 2 частях. Том часть 2. – Уфа: Дендра, 2018. – С. 25-28.
42. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
43. Кондрат И.Н. Концепция российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 86-101.
44. Кондрат И.Н. Система уголовной политики современной России и ее элементный состав // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 98-104.
45. Коробеев А., Чанхай Лун. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: от китайского настоящего – к российскому будущему // Уголовное право. – 2009. – № 2. - С. 36-41.
46. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
47. Костин Ю.В. Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли дореволюционной России второй половины XIX – начала XX века: Автореф. дис…. докт. юрид. наук. – М.. 2008. – 46 с.
48. Кравченко О.В. Правовая социализация как важное средство адаптации несовершеннолетних к правовой жизни // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 77-80.
49. Кравченко О.В. Правовая социализация несовершеннолетних: понятие и сущность // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9-10. – С. 115-126.
50. Лафитский В.И., Семыкина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса pro et contra // Журнал российского права. – 2014. – № 2. - С. 5-13.
51. Макарова А.В. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве: некоторые проблемные аспекты // Новый юридический вестник. – 2019. – № 4 (11). – С. 30-33.
52. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб и доп. – М.: Проспект, 2019. – 640 с.
53. Матузов Н.И., Малько А.В. Теории государства и права: Учебник. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 528 с.
54. Минеева Н.В. Юридическая ответственность лиц за неправомерные действия при банкротстве // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: Сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и просвещение, 2018. – С. 92-95. – в сб. 114 с.
55. Михайлов В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г.И. Богуш; науч. ред. У. Зибер, В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 97-102.
56. Мурсалимов К.Р.. Хабибулин А.Г. Теория государства и права: Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2015. – 512 с. – (Высшее образование).
57. Общая теория права / Отв. ред. А.С. Пиголкин. – М.: Городец: 1993. – 254 с.
58. Панина Г.В. Мораль в системе социокультурной регуляции // Облики современной морали. В связи с творчеством академика РАН А.А. Гусейнова: Материалы международной анучной конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, 16-19 марта 2009 г. / Ред.-сост.: А.В. Разин, А.А. Скворцов, А.В. Прокофьев. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 334 с.
59. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 376 с.
60. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. – М.: Проспект, 2019. – 568 с.
61. Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая политика // Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.
62. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
63. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex Russica. 2018. –N 10. – С. 73-75

64. Сидоренко Э.Л.. Князев А.Д. Международно-правовые основы ответственности юридических лиц // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 3. – С. 14-18.
65. Смирнов Г.К. Характеристика проекта закона Следственного комитета РФ об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г.И. Богуш; науч. ред. У. Зибер, В.С. Комиссаров. – С. 110-119.
66. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
67. Тимошенко И.В. Юридическая ответственность // Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В. Теория государства и права: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Март 2003. – 656 с
68. Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции: Монография / Т.Я. Хабриева, А.В. Федоров, М. Беар-Туше и др.; под ред. А.В. Федорова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. – 200 с.
69. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. – 2014. – № 1. – С. 33-35.
70. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Китайской Народной Республике // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 22-28.
71. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
72. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Республики Сербия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 4. – С. 13-21.
73. Федоров А.В. Уголовно-процессуальное производство по делам о преступлениях юридических лиц в Республике Сербия // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 4. – С. 33-41.
74. Хачатуров Р.Л., Ягутян З.Г. Юридическая ответственность. – Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. – 200 с.
75. Цыбулевская О.И. Правовая и нравственная жизнь: проблемы взаимодействия // Правовая жизнь современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2005. – 528 с.
76. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2001. – 429 с.
77. Шафалович Я.И. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 5(13). – С. 422-426.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

КАЙНОВ Владимир Иванович,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: kaynov_v@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ПЕТРОВ Петр Алексеевич,
заместитель генерального директора ООО «Лидер Консалт Право» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: pdsg@list.ru

Специальность 12.00.14. – Административное право; административный процесс

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Рассматриваются административно-правовые особенности правового регулирования оказания электронных государственных услуг в современной России. Приводится классификация услуг по сферам потребностей, по субъекту предоставления и по критериям автоматизации. Отмечается обширность законодательной базы в сфере правового регулирования предоставления электронных государственных услуг, в которой большое значение имеют акты подзаконного уровня и внутриведомственные акты.*

Ключевые слова: *электронная государственная услуга; Российская Федерация; право; административное право; предоставление услуги.*

KAYNOV V.I.
SAL'NIKOV M.V.
PETROV P.A.

LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF ELECTRONIC PUBLIC SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION (ADMINISTRATIVE ASPECT)

The summary. *The article discusses the administrative and legal features of the legal regulation of the provision of electronic public services in modern Russia. The classification of services by needs, subject of provision and automation criteria is given. There is an extensive legal framework in the legal regulation of the provision of electronic public services, in which by-laws and internal acts are of great importance.*

Key words: *electronic public service; Russian Federation; law; administrative law; service provision.*

Для определения категории государственных услуг, необходимо определить особенности правоотношений, в которых осуществляется их предоставление. Данные правоотношения возникают между государственной властью и гражданами, обществом. Через предоставление государственных услуг, органы государственной власти реализуют функциональные направления своей деятельности, которые формируются в зависимости от складывающихся отношений между государством как властным субъектом и обществом.

Государственная власть является разновидностью социальной власти, которая в общем виде представляет собой определенные волевые отношения, возникающие между людьми, их социальными группами, обществом в целом и государством. Итак, понимание государственной власти как определенных общественных отношений, позволяет характеризовать их с позиции их содержания, а именно объекта, субъектов и содержания.

Основным сущностным признаком любой социальной власти, в том числе и государственной власти, является ее властно-волевой характер, что обеспечивает надлежащий уровень влияния и управления соответствующего субъекта относительно объекта. В то же время, каждой социальной власти присущ отдельный набор средств внедрения своей воли и влияния на поведение людей и их социальных групп.

А.М. Витченко [17, стр. 94] предлагает определять право как таковое, что выражается в урегулировании государственных отношений в обществе путем установления или санкционирования в нем определенных общеобязательных правил поведения. Собственно, именно на этих позициях и основывается определение государственной власти как определенного процесса (или своеобразной формы деятельности) принятия и практической реализации норм права [16; 25].

Государственная власть осуществляется через систему государственных органов, выполняющих государственные функции соответственно собственной компетенции.

Как отмечают исследователи, функции государства зависят от тех задач, которые стоят перед обществом на данном этапе развития [29, стр. 72]. Оказание государственных услуг сегодня является неотъемлемой функцией государственных органов [26, стр. 45].

Услуги могут быть разного рода – выплата или получения платежа, предоставление информации, образовательные или транспортные, медицинское обслуживание. Предоставление услуг может иметь рыночный характер, то есть потребитель может получать их за определенную, установленную плату, или может иметь бюджетное финансирование. Таким образом, понятие услуга включает в себя целый ряд соглашений между их поставщиком и клиентом, касается различных благ и сфер.

В отечественной и зарубежной литературе существует значительное количество определений услуги. Приведем некоторые из них. Под услугой следует понимать любое мероприятие или выгоду, которые одна сторона может предложить другой и которые в основном неосязаемы и не приводят к овладению чем-либо. Услугой является процесс, состоящий из ряда более-менее нематериальных видов деятельности, которые обычно, но не всегда имеют

место во взаимодействии между заказчиком и потребителем. Она должна повлечь наступление такого полезного эффекта, который в существующих границах эффективности услуги может быть достигнут в обычных условиях, то есть когда фактически достигнутый полезный эффект услуги доступен предвидению в заранее известном ряде других возможных эффектов.

Достаточно распространено мнение об услуге как результате деятельности. По мнению С. С. Алексеева, услуги это «не сама по себе деятельность, а определенный результат» [20, стр. 528].

В научной литературе, как мы указывали, существуют многочисленные определения категории «государственная услуга». Так, например, А.В. Дорофеев рассматривает государственную услугу как объединение административной и управленческой услуг, определяет: управленческую услугу как содержание функциональной деятельности государственного органа относительно выработки и реализации государственной политики по регулированию определенного сектора экономики или социальной жизни, а административной услугой считает действие исполнительного механизма государственного органа или его аппарата по обеспечению интересов и свобод физических и юридических лиц в контексте законодательно определенных порядков реализации своих полномочий [21].

Наиболее просто определяет государственную услугу и государственные услуги А.Р. Исаков, под которыми автор понимает такие услуги, которые предоставляются гражданам и их объединениям, физическим и юридическим лицам государственными органами [24].

Для уяснения сущности государственных услуг, необходимо определить их соотношения с функциями государственной власти. В функциях государства выражается его сущность, роль, которую государство играет в решении основных вопросов общественного развития и прежде всего в удовлетворении разнообразных интересов населения страны.

Функции конкретных государственных органов формируются на основе функций государства, Отличие государственных услуг от государственных функций можно проводить по нескольким основаниям.

Н.В. Путило, например, считает, что при реализации функций государственного органа преобладает публичный интерес, то при предоставлении этим же органом услуг значительно усиливается частный интерес, но реализуемый в публичных правоотношениях [28]. В отличие от государственной функции, государственная услуга носит индивидуальный, адресный характер, оказывается конкретному гражданину (физическому лицу) или организации (юридическому лицу).

Предоставление государственных услуг является одной из функций исполнительной власти [12]. Данная функция характеризуются неотделимостью результата от деятельности, так как именно результат является одним из критериев качества оказания услуг. Государственная услуга – это деятельность, осуществляемая уполномоченными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами местного самоуправления непосредственно или через подведомственные им государственные учреждения либо иные организации, направленную на реализацию прав и удовлетворение потребностей заявителей в порядке, установленном законодательством.

К основным признакам государственных услуг относятся следующие:

а) полномочия по их предоставлению, закреплены законом и нормативно правовым актом за органом власти. Предоставлению государственной услуги всегда предшествует обращение (заявление) физического или юридического лица в государственный орган;

б) заказчик услуги может свободно получить информацию и консультацию по условиям ее предоставления;

в) согласно закону лицо имеет право требовать от органа рассмотрения своего обращения (заявления);

г) результатом рассмотрения заявления является властное решение государственного органа (административный акт), в котором указан конкретный адресат (потребитель этой услуги).

Многочисленность государственных услуг определяет необходимость их классификации.

Услуги, по мнению ряда авторов, можно разделить по сферам потребностей:

- потребность в безопасности означает для человека защищенность жизни и здоровья, материальной собственности, интеллектуальной собственности и безопасной для

жизнедеятельности окружающей среды, безопасной социальной среды для себя и семьи. Это реализуется через общественную безопасность, защиту от чрезвычайных ситуаций, национальную оборону, охрану граждан и их интересов за рубежом.
- потребность в легитимации (признании) для человека проявляется в необходимости регистрации в государственных службах, получении свидетельства о рождении (или) смерти, паспорта, идентификационного кода и тому подобное. Все это реализуется в регистрации актов гражданского состояния, нотариате, лицензировании и тому подобное;
- потребность в помощи незащищенным слоям населения охватывает социальную защиту детей, пожилых людей, людей с личными потребностями, безработных. Так, социальные услуги являются одним из подвидов государственных услуг, отличаются от управленческих и административных услуг тем, что: направленные на целевую аудиторию, а именно на семью, детей, молодежь, отдельные социальные группы или индивидов, которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах и нуждаются в посторонней помощи; не предусматривают оформление административного акта как результата предоставления государственной услуги; могут оказываться как в индивидуальной, так и в групповой форме; регулируются специальным законом.

Административные услуги органов государственной власти являются весомым инструментом государственного регулирования различных сфер общества в большинстве стран мира, которые дополняют рыночное регулирование в экономической сфере деятельности, эти услуги:
- инициируются, законодательно закрепляются и предоставляются органами государственной власти;
- выполняют регулирующую функцию государства в пределах предметной области деятельности органов государственной власти;
- не предусматривают получения государством прибыли;
- имеют монопольный характер (предоставляются только соответствующими органами государственной власти в предусмотренных законом случаях или делегируются ими соответствующим организациям)
- предоставляются только по обращению физических или юридических лиц;
- отражают стремление государства ориентировать органы государственной власти на высокий уровень качества и законодательно установленные цены, но при отсутствии у него соответствующих сдержек и противовесов по преодолению в этой сфере коррупционной деятельности;
- в результате предоставления обеспечивают получение индивидуального административного акта;
- используются получателем фактически не в момент получения индивидуального административного акта, а в момент реализации его прав или законных интересов.

Ранее рассмотренная нами классификация государственных услуг по сферам их предоставления, является, безусловно, не единственной. В рамках данной работы имеет значение и классификация услуг по форме их предоставления: в формальном, документарном виде, электронной форме, натуральной форме.

Понятие электронной государственной услуги закреплено в статье 2 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [9], где сказано, что электронная услуга – услуга предоставляемая государственной либо муниципальной властью с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая использование единого портала государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг, в том числе осуществление в рамках такого предоставления электронного взаимодействия между государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и заявителями.

Между тем, И.У. Кулдыбаева констатирует, что электронные государственные услуги – деятельность субъекта оказания государственных услуг, по предоставлению государственных услуг, осуществляемая через информационно-телекоммуникационные сети с использованием средств электронной подписи без непосредственного взаимодействия с заявителем государственных услуг [27, стр. 23]. Ее поддерживают и

другие авторы [22; 23].

Считаем, что классификацию электронных услуг можно проводить по разным основаниям: и по сферам их предоставления, по субъекту предоставления и по критериям автоматизации. Последняя классификация включает в себя:

- информационные услуги – предоставление публично-доступной информации через Интернет всем, кто хочет ее получить. Это соответствует сервисам публикации;
- общие (интерактивные) услуги – это услуги, доступные всем желающим; эти услуги предполагают не только простое предоставление информации – это в некоторой степени аналог сервисов интерактивного взаимодействия.

  Примером может быть ситуация, когда государственное учреждение предоставляет публично адрес электронной почты для получения запросов общего характера; электронное письмо, направленное на этот предоставленный адрес, поступает ответственному сотруднику, который готовит ответ и отправляет его либо обычной, либо электронной почтой;
- индивидуализированные (трансакционные) услуги – это услуги, доступные конкретным физическим или юридическим лицам только после того, как они удовлетворяют соответствующим требованиям с точки зрения их идентификации и аутентификации. Этими услугами невозможно воспользоваться без предварительной аутентификации, поскольку предоставление услуг связано с обработкой индивидуальной и уникальной информации.

Таким образом, считаем, что электронные услуги представляют собой и особый вид, и особую форму предоставления государственных услуг.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственная услуга – это деятельность, осуществляемая уполномоченными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами местного самоуправления непосредственно или через подведомственные им государственные учреждения либо иные организации, направленную на реализацию прав и удовлетворение потребностей заявителей в порядке, установленном законодательством.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие виды государственных услуг по: сферам их предоставления; субъекту предоставления; критериям автоматизации. Последняя классификация включает в себя:

- информационные услуги;
- общие (интерактивные) услуги.
- индивидуализированные (трансакционные) услуги.

Особенности электронных государственных услуг заключаются в том, что они предоставляются государственной либо муниципальной властью с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая использование единого портала государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг, в том числе осуществление в рамках такого предоставления электронного взаимодействия между государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и заявителями.

Правовое регулирование оказания электронных государственных услуг представлено большим количеством нормативных актов, что предполагает осуществления их классификации или группировки по определенным признакам.

В первую очередь, в системе правового регулирования исследуемого института, следует выделить акты, регулирующие статус органов государственной власти.

Следующим необходимо рассмотреть основы предоставления государственных услуг в электронной форме, в том числе и пласт законодательства, регулирующий защиту прав граждан в телекоммуникационной среде.

Отдельные вопросы правового регулирования, непосредственно касающиеся исследуемой сферы, регулируются в отраслевом законодательстве, т.е. определяющим порядок предоставления услуг в образовательной, социальной и др. сферах.

Безусловно, какую бы группу актов мы не рассматривали, начинать следует с Конституции Российской Федерации [1], которая определяется основы формирования и развития государства, государственной власти, устанавливает приоритеты прав и свобод человека и гражданина, демократические принципы построения государственной власти.

Конституция Российской Федерации в

качестве основного источника власти определяет народ Российской Федерации. Конституция Российской Федерации определяет функции и приоритетные направления деятельности всех ветвей государственной власти, основы формирования законодательства, ведущую роль федеральных законов, принятых Государственной Думой Российской Федерации и возможности отмены любых нормативных актов, которые не соответствуют принципам и положениям заложенными Конституцией Российской Федерации.

Развитие конституционных положений осуществлено в федеральном законодательстве, ввиду многочисленности которого можно разделить его на:

- устанавливающее особенности государственной власти в связи с демократическими принципами ее организации – это законодательство, определяющее порядок выборов, а также участие народа в деятельности государственной власти;
- устанавливающие особенность государственной власти в Российской Федерации в связи с федеративным устройством (федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5], федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4]). Какими полномочиями обладают федеральные органы и органы субъектов федерации решается на следующих основаниях: определение компетенции федерального ведения, совместная компетенция органов федерации и субъектов федерации, отнесение ведения и полномочий субъектов федерации;
- акты устанавливающие организацию исполнительной власти (федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Правительстве Российской Федерации» [2], структура федеральных органов исполнительной власти определена Указом Президента Российской Федерации от 21.05.2012 № 636 (ред. от 14.09.2018) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [13], следующий уровень в данном блоке составляют Постановления Правительства Российской Федерации и Указы Президента Российской Федерации, которые определяют конкретный статус отдельных министерств и ведомств). Здесь следует отметить, что именно анализ Указа Президента Российской Федерации от 21.05.2012 № 636 (ред. от 14.09.2018) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» дает основание для вывода о том, что оказание государственных услуг является одной из функций органов государственной власти;
- акты, регулирующие статус представительных органов власти;
- органы судебной власти на федеральном уровне законодательного регулируются: федеральный закон «О судах общей юрисдикции», правовой статус отдельных судов регулируются специальными Федеральными законами. Например, федеральный закон «О мировых судьях». Также следует отметить и законодательство регулирующее правовой статус судей.

Основным актом в сфере предоставления государственных услуг является федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». [9] Действуют также подзаконные акты определяющие правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг [15], функционирование государственных информационных систем [14] и др.

Данный закон, осуществляя правовое регулирование предоставления государственных услуг, в том числе и электронных государственных услуг, как нами отмечалось, дает определение последнему, определяет статус субъектов их предоставления, порядок, сроки, порядок досудебного обжалования, устанавливает требования к регламентам предоставления государственных услуг и т.д. Отдельно этот закон регулирует особенности предоставления государственных услуг в многофункциональных центрах. Функционирование многофункциональных центров осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.12.2012 № 1376 (ред. от 28.01.2019) «Об утверждении Правил

организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» [15].

Развитие информационных технологий повлияло на все сферы жизни государства и общества во всем мире. Относительная их новизна не позволяет проследить развитие электронных государственных услуг в историческом аспекте. Однако, отметим, что термин информационное общество появился во второй половине 1960-х годов. Возрастающая роль информационной сферы в жизни общества предопределила принятие Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, в которой одним из приоритетных направлений было выделено обеспечение доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам. Правовые основы формирования информационного общества в России закреплены на сегодняшний день рядом базовых федеральных законов: «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [8], «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [7] , «О персональных данных» [6] , «Об электронной подписи» [10] и других.

Новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-телекоммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов и получила название «электронное правительство» [18, стр. 246; 19, стр. 124].

Целью создания электронного Правительства стали: повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти, улучшение их взаимодействия посредством электронного документооборота, предоставление государственных услуг в электронной форме.

Защита прав граждан в сфере получения государственных услуг осуществляется в судебном и несудебном порядке, как нами отмечалось, в основном законодательном акте, а именно федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», определен порядок досудебного обжалования.

Что касается правового регулирования конкретных сфер предоставления государственных электронных услуг, то здесь можно назвать акты, регулирующие предоставление социальных услуг [3], акт, регулирующий предоставление услуг по регистрации недвижимости [10; 11] и т.д.

Таким образом, можно видеть обширность правовой базы регулирования электронных государственных услуг.

Большое значение в данной сфере имеет не только подзаконные, но и внутриведомственные акты, представленные Регламентами оказания конкретных услуг. Основополагающими, по нашему мнению, являются федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», и также акты, которые регулируют отношения в сферах, где данная услуга предоставляется. К Регламентам, кроме общих требований по их разработке, установлена и обязательность размещения в открытом доступе для граждан, с целью их ознакомления с порядком оказания конкретной государственной услуги.

Основным актом в исследуемой сфере является федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», который определяет не только само понятие государственной услуги, но и порядок их предоставления в общей форме, т.е. требования к административным регламентам органов власти и местного самоуправления. Таким образом, на федеральном уровне определяются некие стандарты оказания государственных и муниципальных услуг.

Кроме этого, данный акт определяет принципы оказания государственных и муниципальных услуг, формулировка которых, по нашему мнению, требует определенного уточнения.

Выделяются в исследуемом акте такие принципы как правомерность (в отношении оказания услуги и взимание пошлин за оказание услуги), заявительный порядок, открытость, доступность, возможность получения услуги в электронной форме при отсутствии законодательного закрепления получения услуги в такой форме по выбору заявителя.

По нашему мнению, основным принципом предоставления государственных услуг должен

быть принцип законности как принцип общего характера, определяющий основы деятельности органов власти и взаимодействия ее с гражданами. Законность в данной сфере должна означать не только правомерность в смысле наличия права предоставления конкретной услуги конкретным органом, но и следование закону при определении материальных и процедурных оснований получения такой услуги, требования к документам, которые должен предоставить гражданин в процессе получения услуги, в отношении сроков предоставления услуги и т.д.

Что касается принципа, определенного в ч. 6 ст. 4 исследуемого акта, то, по нашему мнению, получение услуги в электронной форме должна быть основана не только на отсутствии законодательного запрета самого существования конкретной услуги в электронной форме, но и возможности предоставления услуги в электронной форме. Таким образом, считаем, что п.6 ст. 4 федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» должна быть сформулирована следующим образом: «…возможность получения государственных или муниципальных услуг в электронной форме при возможности предоставления в такой форме и отсутствии законодательного запрета предоставления в электронной форме».

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить обширность законодательной базы в сфере правового регулирования предоставления электронных государственных услуг. Между тем, основным нормативным актом является федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», однако, большое значение имеют акты подзаконного уровня, внутриведомственные акты, в том числе административные регламенты органов публичной администрации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 51. – Ст. 5712
3. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.
4. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40 – Ст. 3822.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.
7. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.
8. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 7. – Ст. 776.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
10. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
11. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О государственной регистрации

недвижимости» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 15. – Ст. 3456.
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 26. – Ст. 3167.
13. Указ Президента Российской Федерации от 21.05.2012 № 636 (ред. от 14.09.2018) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 22. – Ст. 2754.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2011 № 861 (ред. от 25.09.2018) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», Правилами ведения федеральной государственной информационной системы Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций), Положением о федеральной государственной информационной системе Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), Требованиями к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций))» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 44. – Ст. 6274.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2012 № 1376 (ред. от 28.01.2019) «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации.- 2012. – № 53 (Ч. II). – Ст. 7932.
16. Байрамов Ш.Б., Кайнов В.И., Шахбазов Р.А. Злоупотребление правом в Российской правовой семье. – СПб.: Страта, 2015. - 159, [2] с.
17. Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. – Саратов: Саратовский университет, 1982. – 194 с.
18. Глущенко П.П., Жильский Н.Н., Кайнов В.И., Куртяк И.В. Административное право: Краткий курс. – СПб.: Питер, 2011. - 272 с: ил. - (Серия «Краткий курс»).
19. Голобуцкий А.П., Шевчук О.Б. Электронное правительство // http://golob.narod.ru/egovperru.html.
20. Гражданское право: Учебник / Под ред. С.С. Алексеева. – М.: Проспект, 2009. – 528 с.
21. Дорофеев А.В. Государственные услуги как функции органов государственной власти // Человек. Общество. Право: материалы международной научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Вып. 4. – Омск: Омская академия МВД России, 2014.– С. 32–35.
22. Жолобов Я.Б. Проблемные вопросы, возникающие при привлечении к административной ответственности юридических лиц // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – СПб.: Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 2017 – С. 205-212.
23. Жолобов Я.Б., Очередько В.П., Бондарев В.Г., Дорская А.А. Соотношения права и закона в России как историко-правовая проблема // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 24-37.
24. Исаков А.Р. Государственные услуги как институт административного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 2. – С. 70-75.
25. Кайнов В.И., Сальников М.В., Петров П.А. Злоупотребление правом: вопросы теории и практики // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 185-193.
26. Кулдыбаева И.У. К вопросу о сущности государственных услуг // Вестник Уральского юридического государственного ун-та. Серия: Право. – 2013. - Т. 13. – № 2. - С. 103-104.
27. Кулдыбаева И.У. Правовое регулирование предоставления электронных государственных услуг: Дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. - 240 с.
28. Путило Н.В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления // Журнал российского права. – 2007. – № 6. – С. 3–10.
29. Терещенко Л.К. Функции государственных услуг // Административная реформа в России: Научно-практическое пособие / Под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. – М.: Контракт : ИНФРА-М, 2006. - 341 с.: табл.

КАЛКАНОВ Сергей Сергеевич,
аспирант кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва. Россия)
E-mail: skalkanov@bk.ru

Специальность 12.00.13 – Информационное право

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМ ЭЛЕКТРОННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Анализируется ход развития и состояние нормативного регулирования искусственного интеллекта, как в Российской Федерации, так и за рубежом. Рассмотрены различные подходы отечественных и зарубежных ученых к определению искусственного интеллекта. Предложена авторская классификация, содержащая три подхода к определению искусственного интеллекта. Обозначаются проблемы, которые могут возникнуть перед современным обществом, при использовании интеллектуальных технологий (технологий искусственного интеллекта) в уголовном процессе и иных сферах жизни, в том числе этическая проблема, непосредственно затрагивающая права и законные интересы граждан. Поднимается проблема легитимности электронных документов, исходящих от искусственного интеллекта, в случае применения данной технологии в уголовном процессе, и обосновывается использование именно такого формата (электронный документ) в процессе обмена данными между искусственным интеллектом и человеком.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; электронный документ; технология; интеллектуальная система; уголовный процесс.*

KALKANOV S.S.

THE MAIN APPROACHES TO THE DEFINITION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LEGAL REALITY AND THE PROBLEMS OF ITS USE OF ELECTRONIC DOCUMENTATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The summary. *The article analyzes the course of development and the state of normative regulation of artificial intelligence, both in the Russian Federation and abroad. Various approaches of domestic and foreign scientists to the definition of artificial intelligence are considered. An author's classification is proposed containing three approaches to the definition of artificial intelligence. The problems that may arise in modern society when using intelligent technologies (artificial intelligence technologies) in the criminal process and other spheres of life, including an ethical problem that directly affects the rights and legitimate interests of citizens, are indicated. The problem of the legitimacy of electronic documents emanating from artificial intelligence is raised in the case of using this technology in a criminal process, and the use of just such a format (electronic document) in the process of exchanging data between artificial intelligence and a person is justified.*

Key words*: artificial intelligence; electronic document; technology; intelligent system; criminal process.*

Активное развитие интернет-пространства, робототехники, а также возникновение и интенсивное распространение технологий искусственного интеллекта, несомненно, являются факторами, непосредственно влияющими на состояние и развитие современного государства и права. Говоря о прогрессивном развитии технологий, стоит учитывать, что каждое новое открытие или новшество, возникшее в результате их возникновения и развития, потребует надлежащего правового регулирования и так или иначе будет влиять на уже существующие и действующие нормы и отношения.

В настоящее время в России одним из направлений деятельности специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам цифрового и технологического развития [1], является поддержка развития и распространения технологий искусственного интеллекта. Также Президентом Российской Федерации был принят Указ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года. В Национальной стратегии искусственный интеллект определен, как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2].

Такая технология на современном этапе является одной из самых обсуждаемых и требующих серьезного осмысления. На европейском уровне ей посвящены не только многие научные работы и труды, но и документы нормативного содержания. Так, в конце 2018 года, Европейской комиссией по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы была принята Европейская этическая Хартия CEPEJ об использовании искусственного интеллекта (ИИ) в судебных системах и их окружающей среде. В ней излагаются пять основных принципов, применимых к автоматизированной обработке судебных решений и данных, основанных на методах искусственного интеллекта [20]. По мнению сотрудницы юридического отдела Совета Европы Клементины Барбаро, искусственный интеллект позволяет определить опасность конкретного лица, а посредством анализа алгоритма его решений и данных о его поведении, возможно определить насколько велик риск совершения данным человеком новых преступлений [21].

При этом искусственный интеллект может рассматриваться не только как технология, но и как научная дисциплина, возраст которой насчитывает порядка шести десятилетий. Ее можно представить в виде совокупности наук, методов и теорий. Зарождение данной технологии датируется периодом 50-х годов 20 столетия. В некоторых источниках отцами-основателями этой технологии признаются Джон фон Нейман и Алан Тьюринг. Так, Тьюринг впервые поднимает вопрос о наличие интеллекта у машины в своей статье 1950 года «Вычислительная техника и интеллект», в которой основным вопросом считал: «Могут ли машины думать?» [19].

На сегодняшний день существует множество понятий и подходов к определению искусственного интеллекта, при этом к единому мнению о том, что понимать под искусственным интеллектом прийти пока не удалось. Одни ученые трактуют определение искусственного интеллекта в широком смысле, понимая под ним компьютеризованную систему, осуществляющую действия требующие наличия интеллекта. Другими он определяется, как система, имеющая возможность решать сложные задачи и действовать для достижения своих целей в обстоятельствах реальной действительности [18].

Представляется верным, что такая технология все же представляет собой компьютеризированную систему, которая обладает возможностью решать различного рода и уровня сложности задачи, решение которых без разумной составляющей не представляется возможным. Однако, следует отметить, что на сегодняшний день технология искусственного интеллекта находится на стадии развития и, не смотря на существенный прорыв в области робототехники, кибернетики и программирования, наличие концептуальных интеллектуальных систем, представленных и продемонстрированных на различных международных форумах, научных кластерах, технополисах и технопарках, вести речь о полностью автономной системе искусственного интеллекта, которая способна самостоятельно без запрограммированной человеком последовательности действий осуществлять решение конкретных задач и принимать различного рода решения, не приходится.

Получая широкое распространение и развитие в настоящее время, активная дискуссия об искусственном интеллекте берет свое начало во второй половине XX века. Исходя из концепции Патрика Генри Уинстона, под искусственным интеллектом понимается вычислительная машина, воспроизводящая такие вещи, которые у людей считаются разумными [16, стр. 11]. Аналогичного мнения также придерживался английский ученый Алекс Эндрю.

При этом, отечественными учеными Н.Н. Ефимовым и В.С. Фроловым отмечалось, что искусственный интеллект – это не более чем метафора и даже самая совершенная супер ЭВМ интеллектом не обладает [4, стр. 18].

В.Н. Ручкин и В.А. Фулин в своей работе указывают, что искусственный интеллект – это совокупность мета-процедур – представлений, знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировка и т. п., – имитирующих деятельность человека [13, стр. 28].

Исходя из концепции Д.В. Смолина, под искусственным интеллектом понимается: система, которая способна не только изменять параметры функционирования, но и сам способ своего поведения; система, которая может моделировать на компьютере мышление человека; система, позволяющая усилить интеллектуальную деятельность человека, посредством ведения осмысленного диалога с ним [15, стр. 22-23].

Л.С. Болотова под искусственным интеллектом понимает искусственную систему, имеющую возможность имитировать интеллект человека [3, стр. 31].

А.В. Пушкарев подразумевает под ним направление компьютерных исследований, которое связано с усилением интеллектуальных способностей человека, хотя данное усиление достаточно часто сопровождается имитацией умственной деятельности [11, стр. 4]. При этом отмечает, что искусственный интеллект не является абсолютным благом и не способен заменить собой всю реальность, которая по нраву человеку [11, стр. 47]. Известно, что современный Интернет, компьютерные системы не всегда выступают благом для человечества, порой наоборот [5; 6; 7; 14; 17].

Достаточно интересным представляется подход к определению искусственного интеллекта, сделанный И.В. Понкиным и А.И. Редькиной, исходя из которого, искусственный интеллект они определяют, как искусственно сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия [10, стр. 95].

В своей работе Стюарт Рассел и Питер Норвиг отмечают, что специалисты в области искусственного интеллекта пытаются не только понять природу интеллекта, но и создать интеллектуальные сущности. Ими также выделяют четыре основных категории с целью определения искусственного интеллекта:

1. категория, к которой относятся системы, способные думать подобно людям;
2. категория, в рамках которой, системы могут действовать и вести себя, как люди;
3. категория, основой которой является способность систем думать рационально;
4. категория, в основе которой заложена способность систем действовать рационально [12, стр. 34-35].

П.М. Мохат в своем исследовании отмечает, что искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратнопрограммная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделённая/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями [9, стр. 30].

Анализируя различные подходы к определению искусственного интеллекта, нами выработана и предлагается следующая классификация, которая содержит различные подходы к понятию искусственного интеллекта (акцентируя в первую очередь внимание на его функциональные возможности и оценке его действий человеком). Итак, его можно определить следующим образом:

- технологическая система, способная автономно от человека функционировать и принимать решения, независимо от того, являются ли такие решения с человеческой точки зрения рациональными или нет;
- технологическая система, которая способна,

по собственному усмотрению (не заложенному в нее изначально программирующим ее лицом) действовать исходя из окружающей ее обстановки;

- технологическая система, которая, основана на аналогичном человеческому поведении, т.е. ее действия, признаются разумными, а поведение и способности не отличаются от человеческих, и даже возможно их превосходят, в связи с отсутствием эмоциональной составляющей, присущей человеку.

Необходимо отметить, что нами отрицаются подходы, в рамках которых искусственный интеллект рассматривается, как система способная имитировать умственную деятельность человека, способная совершать действия и решать различного рода задачи, требующие с точки зрения людей интеллекта, если данные алгоритмы были изначально каким-либо образом запрограммированы или отражены человеком при создании данной технологии. Если программист заложил определенную последовательность действий и предусмотрел конкретное поведение машины или системы в тех или иных обстоятельствах, а отклонение от данного поведения признал сбоем, то по нашему мнению об искусственном интеллекте и о какой-либо самостоятельности системы говорить не приходится, однако если система действует самостоятельно, исходя из реального положения дел, и это никаким образом не было заложено в нее изначально, тогда здесь имеет место искусственное мышление данной технологии.

Также стоит отметить, даже принимая во внимание позиции многих авторов, о существовании на сегодняшний день технологии искусственного интеллекта в прямом смысле, что использование ее как в уголовном процессе, так и в повседневной жизни людей будет являться фактором спровоцировавшим множество правовых и иных последствий. Ярким примером здесь может выступать беспилотный автомобиль, в ходе движения которого, например, происходит сбой в его интеллектуальной системе и он врезается в толпу людей. Кто в сложившейся ситуации будет нести ответственность за здоровье, а возможно и жизнь людей? Процесс выявления виновного субъекта может занимать годы, а возможно и закончиться безрезультатно. Лицо, программирующее автомобиль, выполнил свою работу верно, а, к примеру, сбой мог произойти в связи с замыканием в электропроводке, которое электрик предвидеть не смог хотя бы потому, что какой-либо провод был некачественно произведен на заводе-изготовителе, работник которого может являться следующим звеном в данной цепочке субъектов, потенциально ответственных за случившееся происшествие. В итоге, создается спорная ситуация, и ответственность за гибель людей может лечь или на программиста, или на электрика, или же на работника завода-изготовителя, или на иных субъектов, так как сам автомобиль субъектом преступления являться не может. В данном случае речь идет о переходе уголовной ответственности на других лиц, которые в смоделированной нами ситуации даже если и были отчасти причастны (например, работник завода некачественно изготовивший кабель и даже не подозревавший, что его будут использовать в беспилотном автомобиле) к произошедшему инциденту, то уж точно не должны единолично нести всю ответственность за вред здоровья или гибель людей.

Аналогичной является ситуация использования такой интеллектуальной системы в уголовном процессе, когда в процессе вынесения приговора участвует машина. В результате человек может быть подвергнут несправедливому или же вовсе незаконному наказанию, в связи со сбоем техники и кто в данном случае будет нести ответственность остается открытым вопросом. Наряду с этим появляется этическая проблема, разрешение которой, исходя из реального положения дел, не представляется возможным. Данное суждение обосновывается тем, что на сегодняшний день большинство российских граждан будут против того, чтобы их судила неодушевленная машина, не понимая, каким-образом она воспринимает ситуацию, выносит решения и как в целом она функционирует. Следовательно, возникает серьезная проблема, связанная с правосубъектностью искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Нельзя не согласиться с мнением С.Ю. Кашкина, который считает, что юниты искусственного интеллекта могут быть успешно использованы в процессе судебной деятельности, в том числе для анализа судебной практики и обоснования судебных решений, однако это может одновременно привести к нарушению права граждан на справедливое судебное разбирательство. Ускорение рассмотрения судебных дел

в таком случае не всегда приводит к гуманизации судебной деятельности и соблюдению принципа справедливости [8, стр. 153].

Необходимо обратить внимание на то, что если данная технология получит широкое распространение в уголовном процессе, то основным средством общения между ней и лицом, обеспечивающим ее функционирование, или же иным лицом, будет выступать электронный документ. При этом неважно будет ли интеллектуальная система роботом, который сможет воспроизводить информацию и общаться посредством звукопередачи или же программой, отражающей информацию на мониторе, не сгенерировав ее в отдельный электронный документ. Исходя из этого, возникает справедливый вопрос, связанный с тем, что робот может общаться посредством звука с человеком и причем здесь электронный документ? Отвечая на него, главным аргументом представляется то обстоятельство, исходя из которого все действия, в том числе и звукопередача данных, осуществляемая роботом, будут автоматически фиксироваться его интеллектуальной составляющей и передаваться в электронной форме, например, в виде отчета на контролирующее данный процесс компьютерное устройство. Следовательно, электронный документ в любом случае будет средством фиксирования и передачи данных от искусственного субъекта к человеку.

Таким образом, производство искусственным интеллектом электронного документа в рамках уголовного процесса автоматически создаст проблему легитимности такого документа. Сегодня российское общество не готово к введению института электронных судей, адвокатов, прокуроров и соответственно к использованию данной технологии в правоотношениях в целом. Для преодоления такого барьера, со стороны государства необходимо придерживаться конкретной политики подготовки граждан к таким существенным изменениям в их жизни, включая в нее научно-просветительскую деятельность в области информатики, кибернетики и роботостроения, разъясняя основы данных областей простыми словами широким слоям населения, показывая полезность и эффективность внедрения интеллектуальных систем в различные сферы.

Справедливым представляется суждение, отраженное в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта», в соответствии с которым отсутствие понимания того, как искусственный интеллект достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям искусственного интеллекта и может стать препятствием для их развития [2].

При этом существует еще одна проблема, которая также является фактором, препятствующим развитию доверительного отношению граждан к данной технологии и ее распространению. В первую очередь, речь идет о том, что широко используемые различными органами и организациями технологии или интеллектуальные системы (включая виртуальных операторов, онлайн-сервисы, электронный приемные), с целью оперативной обработки и передачи данных и эффективного ведения электронного документооборота, не всегда способствуют удобству и положительному отношению граждан к данным технологиям и являются всего лишь имитацией искусственного интеллекта. И до тех пор, пока имитация не будет заменена настоящей технологией искусственного интеллекта, а человеческий фактор не будет исключен из цепочки действий при принятии, оформлении и передачи электронной документации, к существенному прорыву в данной области прийти не удастся. Совместное участие человека и различных технологий, имитирующих искусственный интеллект, в процессе принятия и обработки электронного обращения соответствующим органом во многих случаях неизбежно приведет к лишним действиям и потери времени. Например, при обработке сообщений, направляемых в электронной форме, о преступлениях или документов, необходимых для получения различных выплат и пособий, может потребоваться дополнительная идентификация лица, направившего данное сообщение или документы, что неизбежно приведет его к личному контакту с сотрудником соответствующего органа. Таким образом, возникает справедливый вопрос – зачем человеку тратить время, заполняя различные электронные формы, переводя в электронный формат документы и направляя их в соответствующий орган, использующий в своей деятельности технологии, имитирующие искусственный интеллект, если для его идентификации ему в любом случае придется посетить этот орган лично и в бумажной форме представить соответствующие документы? Данные обстоятельства еще раз подтверждают

факт отсутствия искусственного интеллекта в его прямом смысле и высокий процент человеческой составляющей при использовании различных имитационных технологий, которые многими сегодня именуются, как искусственный интеллект. Когда человеческая деятельность будет полностью исключена из рассматриваемого нами процесса, тогда необходимо будет рассматривать данную технологию как самостоятельный субъект в рамках различного рода отношений.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.07.2018 № 413 «О специальном представителе Президента Российской Федерации по вопросам цифрового и технологического развития» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 29. – Ст. 4423.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
3. Болотова Л.С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2012. – 664 с.
4. Ефимов Н.Н., Фролов В.С. Основы информатики. Введение в искусственный интеллект. – М.: МГУ, 1991. – 115 с.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П., Алексанин А.С. Оперативно-розыскная деятельность и информационная безопасность как часть военной безопасности России // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2018. – Вып. 2(102). – С. 102-106.
8. Кашкин С.Ю. Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и мире // Lex Russica. – 2019. – № 7 (152). – С. 151-159.
9. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – 420 с.
10. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.
11. Пушкарев А.В. Философские основания искусственного интеллекта: Дис. … канд. филос. наук. – Уфа, 2017. – 164 с.
12. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход, 2-е изд.: Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2007. – 1408 с.
13. Ручкин В.Н., Фулин В.А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. – СПб.: БХВ-Петербург, 2009. – 240 с.
14. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
15. Смолин Д.В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. – М.: Физматлит, 2007. – 264 с.
16. Уинстон П.Г. Искусственный интеллект: Пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. Д.А. Поспелова. – М.: Мир, 1980. – 519 с.
17. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
18. Firth-Butterfield K., Chae Y., Allgrove B., Kitsara I. Artificial Intelligence Collides with Patent Law [Искусственный интеллект в столкновении с патентным правом]: White Paper / Center for the Fourth Industrial Revolution. – Geneva (Switzerland): World Economic Forum, 2018. 23 p. – P. 5. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_48540_WP_End_of_Innovation_Protecting_Patent_Law.pdf
19. URL: https://robotos.in/novosti/nerasskazannaya-istoriya-ii-pochemu-alan-tyuring-khotel-chtoby-iskusstvennyj-intellekt-sovershal-oshibki
20. URL: https://rm.coe.int/presentation-note-en-for-publication-4-december-2018/16808f699d
21. URL: https://russian.rt.com/inotv/2019-01-29/Euronews-Sovet-Evropi-prinyal-pervuyu

АНИСИМОВ Валерий Филиппович,
профессор кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры юридического института Югорского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: anisimov.vf@gmail.com

БЕРЁЗКИНА Юлия Викторовна,
магистрант кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры юридического института Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: berezkina_yv@mail.ru

Специальность 12.00.11 - Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБУСТРОЙСТВА ГАЗОНЕФТЯНЫХ И НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ НА РОДОВЫХ УГОДЬЯХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Аннотация. *Приводится информация об особенностях при обустройстве нефтяных месторождений на родовых угодьях коренных малочисленных народов Севера, обозначена роль экспертов в обеспечении безопасности проектных решений с учётом ошибок и особенностей разработки проектов, сформированы предложения по повышению эффективности.*

Ключевые слова: *федеральное законодательство; региональное законодательство; градостроительное законодательство; градостроительная деятельность; обустройство месторождений; эксперт; государственная экспертиза проектирование.*

ANISIMOV V.F.
BEREZKINA Yu.V.

LEGISLATIVE PROVISION OF FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF GAS AND OIL FIELDS ON THE ANCESTRAL LANDS OF THE INDIGENOUS SMALL PEOPLES OF THE NORTH

The summary. *The article provides information about the peculiarities in the development of oil fields on the patrimonial lands of the indigenous peoples of the North, the role of experts in ensuring the safety of design decisions taking into account errors and features of project development is indicated, suggestions are made to improve efficiency.*

Key words: *federal legislation; regional legislation; town-planning legislation; town-planning activity; field development expert; state examination; design.*

Незаменимая роль в развитии строительной отрасли нашей страны принадлежит институту государственной экспертизы проектов строительства (далее – госэкспертиза). В этом направлении, начиная с 2016 года, произошли значительные, можно даже сказать «революционные» изменения, в том числе переход к обязательному электронному взаимодействию, создание государственной информационной системы ценообразования в строительстве, актуализация и совершенствование норм и правил, разработка единого государственного реестра заключений, внедрение технологий информационного моделирования.

Ключевым звеном в обеспечении безопасности проектных решений является работа экспертов, осуществляющих при проведении государственной экспертизы проверку проектной документации на соответствие установленным требованиям, знающих особенности проектирования, строительства, эксплуатации объектов в конкретном регионе с его природно-климатическими и традиционными особенностями.

В Ханты-Мансийском автономном округе Югре за период с 2017 по 2019 годы государственная экспертиза проектной документации федерального и регионального уровней проведена более чем по 1600 проектам обустройства газонефтяных и нефтяных месторождений объектов нефтегазодобывающего комплекса (далее – НГД комплекса), из которых 490 (29%) были расположены на территориях традиционного пользования (далее – ТТП, родовые угодья) коренных малочисленных народов Севера (далее – малый народ, КМНС).

Современный этап развития индустрии и инфраструктуры нефте- и газодобычи в Западно-Сибирском регионе характеризуется рядом уникальных особенностей, которые обусловлены комплексом экономических, природных и технологических факторов. Производится разработка значительного количества крупных, средних и мелких месторождений, как используемых давно, так и вводимых в эксплуатацию вновь. Для большинства средних и крупных месторождений, эксплуатируемых со времён открытия первых месторождений в регионе, наступил период реконструкции и развития, для чего требуется выполнение полного цикла обустройства месторождений, а проекты в зависимости от природных условий значительно отличаются друг от друга и имеют свои особенности, что требует значительного воздействия на природную среду региона, которая, в свою очередь, является ареалом обитания и малой родиной КМНС.

При обустройстве газонефтяных и нефтяных месторождений на ТТП, неукоснительно следует соблюдать все установленные нормы и правила в строительной сфере, а также возникает потребность в созидании особых отношений, требующих при строительстве на территориях малых народов учитывать уникальную культуру, основы

Рис.1. Количество проектов обустройства газонефтяных и нефтяных месторождений

религии, различные аспекты традиционного быта и природопользования, и особое содержание их внутреннего мира, дорожащих проживанием на земле своих предков [6]. Установки современного мира на технологичность и высокий приоритет текущего комфорта способны низвести необходимость соблюдения привычного образа жизни и народных обычаев этих народов, которые в качестве уникальных этнических групп сталкиваются с проблемой дальнейшего существования [7].

Недропользователями разрабатываются, а затем воплощаются мероприятия природоохранного направления и программы экологической защищённости, направленные на недопущение негативного влияния нефтегазового промышленного комплекса на сферу проживания малых народов и природную обстановку.

К основным нормативным правовым актам, регламентирующим вопросы проведения госэкспертизы проектов, можно отнести федеральные законы, Градостроительный кодекс [1], постановления Правительства России, технические регламенты, своды правил, национальные стандарты и др.

Однако было бы неправильным в ходе госэкспертизы ограничиваться только указанными выше документами. Другими нормативными правовыми документами могут устанавливаться положения, в соответствии с которыми безопасность отдельных объектов обустройства газонефтяных и нефтяных месторождений, включая и связанные с ними процессы проектирования, обеспечивается путём соблюдения определенных требований. Рассмотрим некоторые из таких положений.

В части 2 статьи 5 Технического регламента о безопасности зданий и сооружений [3] указано, что безопасность зданий и сооружений, включая связанные с ними процессы проектирования, в том числе и изыскания, строительные работы, монтаж, эксплуатацию, снос осуществляется путём соблюдения положений этого закона, правил и стандартов, включенных в реестр сводов правил и национальных стандартов в целях соблюдения положений данного закона, иных документов в сфере стандартизации.

Часть 5 статьи 49 Градостроительного кодекса [1] к предмету экспертизы отнесла оценку соответствия проектной документации требованиям санитарно-эпидемиологическим, в области охраны окружающей среды (экологическим), технических сводов правил, антитеррористической защищенности объекта, государственной охраны объектов культурного наследия, промышленной безопасности, к безопасному использованию атомной энергии, к обеспечению

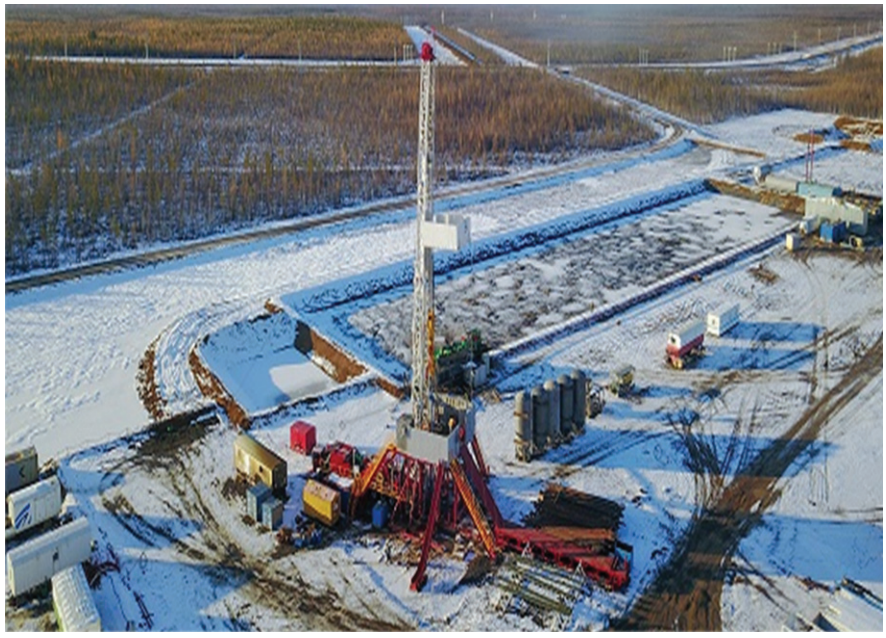


Рис. 2. Вид обустроенного месторождения

надежности и безопасности электроэнергетических систем и объектов электроэнергетики, а также итогам инженерных изысканий, а также проведение оценки соответствия требованиям технических регламентов результатов инженерных изысканий.

В силу пункта 2 статьи 1 Технического регламента о требованиях пожарной безопасности [2] положения данного закона строго обязательны для исполнения, в том числе при проектировании объектов обустройства газонефтяных и нефтяных месторождений. Так, например, согласно пункту 1 статьи 78 регламента, проектной документации на сооружения, здания, инженерное оборудование, строительные конструкции и строительные материалы положено определять пожарно-технические характеристики.

Проектная документация, получившая положительные заключения по результатам госэкспертизы, дорабатывается в процессе её проведения по замечаниям экспертов в 99%. В ходе проведения экспертизы устраняются недостатки и приводятся в соответствие с требованиями технических регламентов решения, которые в случае их реализации могли привести к риску возникновения аварийных ситуаций с тяжелыми последствиями. При проектировании объектов, проектировщиками не учитывались требования федеральных законов, технических регламентов и нормативных технических документов в области проектирования и инженерных изысканий для строительства. При внесении изменений в проектную документацию не вносятся изменения во взаимосвязанные разделы.

Нарушения, выявленные при проведении госэкспертизы проекта на соответствие действующему законодательству, носят системный характер. Проектные организации, при проектировании нарушают требования, предъявляемые техническими регламентами (в том числе стандартами и сводами правил), требования к составу и содержанию проектной документации, что создает предпосылки для принятия неправильных проектных решений в части обеспечения безопасности зданий и сооружений при их возведении по этой документации.

Анализ представляемой на госэкспертизу документации показывает, что во многих случаях в её составе отсутствовали градостроительные планы земельных участков, предоставленных для размещения объектов капитального строительства производственного назначения, а для линейных объектов – проекты планировки территории и проекты межевания территории, утвержденные в установленном порядке.

Для обеспечения безаварийной и высокоэффективной эксплуатации объектов капитального строительства необходима разработка качественной документации, выполненной в соответствии с результатами проведенных инженерных изысканий.

Создание проектов обустройства месторождений в проектных мастерских – это, безусловно, самый серьезный и центральный этап подготовительных работ. Именно от него зависит, насколько качественной будет дальнейшая эксплуатация построенных сооружений и зданий. Проведение экспертиз проектов обустройств месторождений в государственных организациях обладает рядом преимуществ, но основное заключается в выполнении работ высококвалифицированными экспертами с многолетним стажем работы и прошедшими аттестацию в виде тестирования и устного экзамена в Министерстве строительства РФ.

В целях улучшения качества проектирования и строительства объектов, одним из по-настоящему действенных мер, как показывает опыт, является проведение круглых столов, семинаров и очных встреч на территориях проектирования, на базе экспертных органов, совместно с проектными организациями и заказчиками, с представителями органов Росприроднадзора, Ростехнадзора, Роспотребнадзора, что позволяет вырабатывать единый подход и понимание всех участников, начиная от идеи проектирования до эксплуатации законченного строительством объекта.

Экспертиза проектной документации по объектам нефтегазового комплекса, позволяет повысить безопасность таких объектов, в части пожарной, промышленной, экологической и иной безопасности.

В процессе обустройства инфраструктуры разработки месторождений в пределах угодий малых народов, требуется знать особенности традиционного и сохраняемого для их будущих поколений уклада жизни, отечественных национальных политико-правовых традиций [9; 11; 12; 13; 14; 15], уважительно к ним относиться в соответствии с законом и совестью.

Список литературы

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации. – М., 2019.
2. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (в ред. от 27 дек. 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3579.
3. Федеральный закон от 30.12.2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (в ред. от 2 июля 2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 1. – Ст. 5.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2007 г. № 145-п «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» (в ред. от 22.10.2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 11. – Ст. 1336.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 г. № 87-п «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию (в ред. от 06.07.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 8. – Ст. 744.
6. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 04.12.2001 г.. № 85-ОЗ «О видах традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – 2001. – № 11. – Ст. 1356.
7. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28.12.2006 г.. № 145-оз «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (в ред. от 17.10.2018 г.) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – 2006. – № 12. – Ст. 1488.
8. Гарбар Т.В. Проблемы идентификации коренных малочисленных народов России // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2014. – Т.11. – С. 45-49.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
10. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии: Монография. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, 2014 – 407 с.
11. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
12. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
13. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
14. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
15. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
16. Справочное руководство по проектированию разработки и эксплуатации нефтяных месторождений. Добыча нефти / Р.С. Андриасов, И.Т. Мищенко, А.И. Петров и др. – М.: Недра, 1983. – 378 с.
17. Хакназаров С.Х. К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры // Арктика и Север. – 2018. – № 30. – С. 120-133.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного-процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: shtevnin.i@gmail.com

ЛЕВЧЕНКОВА Татьяна Юрьевна,
факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: levchenkovata@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «ДОСТОВЕРНОСТЬ», «ДОКАЗАННОСТЬ» С ИНСТИТУТОМ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕЛЕЙ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. *Рассматриваются особенности соотношения категорий «достоверность», «доказанность» с институтом объективной истины при определении целей доказывания. Анализируются мнения некоторых процессуалистов, которые рассматривают в качестве цели доказывания формальную истину, и приходит к выводу, что в рамках действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ достижение объективной истины при исследовании обстоятельств уголовного дела является целью доказывания.*

Ключевые слова: *достоверность; доказанность; уголовный процесс; законопроект; объективная сторона.*

BEZRYADIN V. I.
LEVCHENKOVA T. Yu.

THE PECULIARITIES OF CORRELATION OF THE CATEGORIES "ACCURACY", "VALIDITY" WITH THE INSTITUTION OF OBJECTIVE TRUTH IN DETERMINING EVIDENTIARY PURPOSES

The summary. *This article discusses the features of the correlation of the categories "reliability" and "proof" with the Institute of objective truth in determining the goals of proof. The author analyzes the opinions of some processualists who consider formal truth as the goal of proof, and comes to the conclusion that within the framework of the current Criminal procedure code of the Russian Federation, achieving objective truth in the investigation of the circumstances of a criminal case is the goal of proof.*

Key words*: reliability; evidence; criminal process; bill; objective side.*

При рассмотрении понятий достоверности, доказанности и объективной истины в уголовном процессе нельзя обойти стороной и вопрос о цели доказывания в уголовном судопроизводстве. Доказывание – «урегулированная законом деятельность по установлению и обоснованию обстоятельств уголовного дела, на основе которых может быть разрешен вопрос об уголовной ответственности» [17, стр. 89]. Так в чем же ее цель?

Здесь важно упомянуть о распространенном мнении среди ученых об объективной истине как цели доказывания в уголовном процессе [11; 12; 13; 14; 15].

Соотнесем его с категориями «достоверность» и «доказанность» и определим, в чем же заключается цель доказывания.

На данный момент в науке уголовно-процессуального права нет единого мнения о цели доказывания.

В действующем уголовно-процессуальном законе отсутствует упоминание об объективной истине как цели доказывания. Такое исключение из УПК логически объясняется тем, что уголовный процесс построен на принципе состязательности. Так, функции обвинения и защиты не совпадают, соответственно нельзя говорить о единственной цели для всех участников и для всего уголовного судопроизводства в целом [24, стр. 56]. Многих юристов озаботил данный факт, т.к. отказаться полностью от понятия объективной истины, по их мнению, невозможно. Судопроизводство лишается смысла, т.к. аргументы стороны защиты и обвинения не будут содержать истины [18, стр. 66].

Немало споров вызвал в настоящее время законопроект, связанный с внесением изменений в УПК РФ в связи с ведением нового института установления объективной истины по уголовному делу [4]. Идея авторов заключается в возвращении к традиционному представлению о цели доказывания в уголовном процессе и возвращению института объективной истины.

Пояснительная записка к законопроекту указывала на то, что уголовный процесс невозможен без выяснения всех обстоятельств дела, имеющих место в действительности, т.е. достижения объективной истины. А.И. Бастрыкин отметил, что суть законопроекта заключается в том, что суд не должен пассивно наблюдать процесс, а должен наделяться функцией расследования и разыскивания при необходимости доказательств. Таким образом, суд бы восполнял пробелы предварительного расследования для вынесения справедливого приговора. Законопроект, однако, не был одобрен, что, по мнению некоторых авторов, объясняется тем, что на суд не может быть возложена функция собирания доказательств. Суд бы наделялся правом квалифицировать подсудимого по более тяжким статьям, что противоречило бы Конституции и принципу состязательности в уголовном процессе и презумпции невиновности. Разработчики также считают, что достижение объективной истины гарантируется достоверностью выводов суда о фактах, что говорит об отождествлении категорий «достоверность» и «субъективная истина».

На наш взгляд, законопроект не отменяет принцип состязательности, однако приписывание суду функции поиска объективной истины является нецелесообразным, ведь он должен оценивать доказательства, представленные сторонами.

К законопроекту критически отнеслись многие процессуалисты. Так, некоторые авторы с несогласием и некоторым беспокойством отнеслись к предложенным положениям. Есть мнение, что объективную истину пытались закрепить лишь для прикрытия законодательных предложений, таких как возрождение активной деятельности суда, в уголовном процессе и воссоздания возможности судов возвращать уголовные дела для дополнительного расследования, в том числе для ухудшения положения подсудимого и уголовно-правовой квалификации его деяний [7, стр. 225]. Так, как известно, ст. 49 Конституции РФ закрепляет презумпцию невиновности, а именно, что бремя доказывания, обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения [1].

Однако пояснительная записка к законопроекту указывает нам о том, что, функция презумпции невиновности может быть применена лишь при невозможности достижения объективной истины и только после принятия мер по ее отысканию [5]. Таким образом, законопроект, по сути, предполагает длительное уголовное преследование в отношении лица, а также возложения на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность.

Высказывая свое мнение в выступлении на круглом столе «Истина в юрисдикционных производствах» 12 сентября 2014 года А.В. Смирнов

указал, что «такая ситуация приведет к уменьшению оправдательных приговоров, удобству работы, но с точки зрения общества – это будет неправильно. Может ли быть достигнута в состязательном процессе истина? Ведь суд, по сути, при разрешении дела становится на сторону обвинения, ведь доказательства в основном обвинительные, иначе, если бы не обвинение, дело не попало бы в суд» [21].

Кроме того, необходимо отметить, что законопроект не соответствует некоторым позициям Конституционного суда. Например, в постановлении от 28 ноября 1996 года № 19-П Конституционный Суд РФ четко регламентирует то, что состязательность должна разграничиваться между функциями суда и функциями обвинения и защиты, функции должны строго быть возложены на определенных участников уголовного процесса [3].

Кроме того, Конституционный суд закрепил возможность суда по собственной инициативе или по ходатайству стороны возвратить дело прокурору в случае допущения существенных нарушений уголовно-процессуального закона. На наш взгляд, позиции Конституционного суда явно не позволяют сращивать деятельность судов и следователей.

Некоторые авторы, однако, не согласны с тем, что судья не должен проявлять активность при сборе доказательств. Так, А.А. Шишков считает, что реализованная в действующем УПК модель чистой состязательности, в соответствии с которой судья лишь наблюдает за процессуальным спором, после чего лишь выносит решение на основании позиции стороны, чьи аргументы оказались обоснованнее и сильнее, является ошибочной [23].

Еще одной опасностью И.М. Комаров выделяет исключение на практике оправдательных приговоров, поскольку оправдательный приговор будет считаться недоработкой именно суда. С этим нельзя не согласиться, если приговор обвинительный, суд достиг объективной истины [16, стр. 110]. Тогда встает вопрос, зачем апелляция и кассация?

На наш взгляд, еще одним недостатком законопроекта является то, что положения закона, по сути, облегчат жизнь следователю, т.к. фактически за ненадлежащее проведение расследования можно будет не беспокоиться, раз «расследовать» может и суд. В данном случае суды будут вынуждены устанавливать объективную истину при перегруженности некачественными расследованиями.

Есть и сторонники вышеуказанного законопроекта. К примеру, И.О. Жук считает, что законопроект направлен на обеспечение справедливости правосудия и повышает роль судьи как «независимого арбитра правосудия» [10, стр. 98].

Что касается стремления достичь объективной истины по уголовному делу, некоторые авторы отмечают, что для этого подходят не любые средства. Так, в уголовно-процессуальном законе отсутствуют точные критерии для достижения объективной истины [19, стр. 44].

Во-первых, судьям и другим субъектам расследования недопустимо быть наблюдателями существования устанавливаемых по уголовному делу фактов в силу правил об отводе. В этом случае нельзя говорить о таком критерии истинности о фактах в уголовном процессе, как наблюдение и восприятие. Но ведь можно искусственно воссоздать события прошлого в экспериментальных условиях. Но в уголовном процессе подобные эксперименты исключены и невозможны, как, например, при установлении истинности в математике, естественных и технических науках. Преступление имеет общественную природу и искусственно воссоздать причины и условия ее совершения невозможно, либо в случае успешного воссоздания эксперимент будет повторным совершением этого преступления.

Во-вторых, в качестве критерия можно выделить внутреннее убеждение суда в действительном существовании установленных и описанных факторов.

К внутреннему убеждению, которое так же будет рассмотрено подробно ниже, суд может и должен прийти при принятии решения. Однако встает вопрос о соответствии выводов суда исследованным событиям прошлого. Ведь внутреннее убеждение всегда субъективно, оно является психической реальностью субъекта познания. А следовательно, гарантий точности такого критерия явно нет.

Отдельные авторы предлагают заменить понятие объективной истины при определении цели доказывания в уголовном процессе. К примеру, А.С. Александров считает, что целью доказывания можно считать «отсутствие разумного сомнения» [6, стр. 14]. По мнению ученого, концепция отсутствия разумного

сомнения неразрывно связана с состязательностью и свободой оценки доказательств по внутреннему убеждению, что составляет неотъемлемую часть любой системы уголовного правосудия.

П.С. Пастухов также указывает на то, что в современном информационном обществе доказывание в уголовном процессе может быть только субъективным, по делу можно установить только вероятную истину. Критерием установления истины является отсутствие сомнений у судьи в правильности и юридической обоснованности при принятии решения о виновности [20].

Некоторые процессуалисты рассматривают в качестве цели доказывания формальную истину. В.В. Дорошков пишет, что формальная истина допустима, например, при рассмотрении уголовных дел в особом порядке, либо в порядке частного обвинения, т.е. когда суд связан пределами заявления потерпевшего [9, стр. 53].

По мнению Р.В. Костенко, достижение объективной истины обеспечивают правовые предписания «путем установления с помощью достаточных доказательств обстоятельств уголовного дела» [17, стр. 34]. Так, ст. 6 УПК РФ указывает на назначение уголовного судопроизводства. Во-первых, указанные положения говорят о том, что уголовное преследование виновного и назначение справедливого наказания так же, как и отказ от уголовного преследования, освобождение невиновных от наказания и реабилитация отвечают назначению уголовного наказания.

Во-вторых, выяснение объективной стороны преступления допустимо при реализации уголовно-процессуальных принципов. Так, в случае исчерпанности всех возможностей устранения сомнений в виновности лица, следует руководствоваться принципом презумпции невиновности. Т.е. недоказанная виновность равна доказанной невиновности, а следовательно, оправдательный приговор выносится не потому, что истина осталась недостигнутой, а потому что законодатель устанавливает обязанность считать доказанность невиновности лица.

В-третьих, формулировки отдельных норм уголовно-процессуального закона указывают на достижение объективной истины. К примеру, ст. 389.16 УПК РФ одним из оснований отмены приговора называет несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Это означает, что обоснованным приговор будет являться при соответствии фактическим обстоятельствам дела, то есть объективная истина должна быть положена в основу приговора.

В-четвертых, нормы УПК РФ, устанавливающие положения о доказывании, требуют от суда, прокурора, следователя устанавливать как наличие, так и отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

Данные положения в целом позволяют сделать вывод о том, что в рамках действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ достижение объективной истины при исследовании обстоятельств уголовного дела является целью доказывания, которое означает соответствие выводов суда, изложенных в приговоре фактическим обстоятельствам совершенного преступления, которое было в действительности.

В юридической литературе также высказывается мнение, что логичнее предположить, что целью доказывания является доказанность. А.В. Смирнов говорит о том, что «доказать – значит установить факты, необходимые для принятия решения по делу» [21, стр. 123]. Во-первых, стоит сказать, что доказанность основана не на случайном опыте, а на доказательствах. Ценность такого суждения, по мнению А.В. Смирнова позволяет выработать критерии доказанности. Такие критерии наиболее изучены в английском процессе – это степень доказанности (доказательства, убедительные на первый взгляд и достаточные для предъявления первоначального обвинения) и доказательства, убедительные «вне разумного сомнения», которые достаточны для предания обвиняемого суду. То есть различие между этими критериями состоит в объеме доказательств.

«Судья находится в тюрьме доказательств, выйти за которые он не вправе, следовательно, вопрос об объективной истине стоит отодвинуть философам, и говорить только о доказанности или недоказанности» [21].

О том, что доказывание не имеет цели установления объективной истины, пишет также и В.Ю. Миронов. Так, он отмечает, что доказывание ориентировано на обеспечение доказанности обстоятельств посредством проверенных и достоверных знаний, что также указывает на доказанность как цель доказывания.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что вопрос о цели доказывания

продолжает оставаться актуальным. Нельзя отказаться от установления объективной истины, хотя установить ее очень сложно. Но ведь суд должен вынести приговор справедливый и именно виновному в совершении данного конкретного преступления лицу. Виновность лица безусловно должна быть установлена. Лицо не может нести юридическую ответственность за то деяние, которое объективно не совершалось.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М.. 2019.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125,219, 227, 229, 236,237,239, 246, 254, 271,378,405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/7/doc_id/22587/
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28111996-n/
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу: проект Федерального закона № 440058-6 (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.03.2015) // http://xn--b1azaj.xn--p1ai/bulletin/documents/zakonoproekt-N440058-6-ot-29.01.2014.html
5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: URL: http://www.sledcom.ru/discussions/7SIEfc355l
6. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / Исполн.: А.С. Александров и др.. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 299, [1] с. : ил., табл.
7. Баев О.Я. Под флером объективной истины (о законопроекте «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 2(13). - С. 394-410.
8. Вениаминов А.Г. К вопросу о соотношении истины и состязательности в уголовном судопроизводстве // Nauka-Rastudenl.ru. – 2015. Т. 1. – № 9. – С. 20-27.
9. Дорошков В.В. Объективная истина и формальная истина как разные формы одного явления // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 94-98.
10. Жук И.О. К вопросу о цели доказывания в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 330-332.
11. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 76-82.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35-43.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
16. Комаров И.М. Нужна ли такая объективная истина российскому УПК? // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: Материалы международной научно-практической конференции. — Иркутск: БГУЭП, 2014. — С. 116–123.
17. Костенко Р.В. Достижение достоверного знания при производстве по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 88-92.
18. Кошелев М.И. Проблемы истины в философии, уголовном и уголовно-процессуальном праве // Уголовная

ответственность и наказание: Учебное пособин для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2017. - 130 с.
19. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «Объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского Государственного университета. Право. – 2013. – № 2(8). – С. 82-94.
20. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: Дис.... докт. юрид. наук. – М., 2015. - 454 с.
21. Смирнов А.В. Объективная истина. Итоги дискуссии. Выступление на круглом столе «Истина в юрисдикционных производствах (Санкт-Петербург, 12 сентября 2014 г.) // URL: https://youtu.be/dVerhGu45-yl
22. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник / Под общ. ред. А.В.Смирнова. Вступит. статья В.Д.Зорькина. 7-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. - 752 с.
23. Шишков А.А. Институт истины в уголовном процессе: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Вестник Московского университета МВД. – 2015. – № 3. - С. 165-168.
24. Яковлева Л.В. Правовые суждения об объективной истине в уголовном судопроизводстве. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 1. - С. 48-50.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

В РАЗВИТИЕ НАУКИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЭКСТРАСЕНСОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *Авторы продолжают развивать сформулированную ими науку оперативно-розыскного экстрасенсоведения. Разъясняется, что практику работы экстрасенсов принято относить к вненаучным знаниям, с чем авторы согласны. Однако сами вненаучные знания, в том числе деятельность экстрасенсов возможно и необходимо изучать научными методами, чем с разных сторон занимаются различные науки (психология, медицина, физика), в том числе и оперативно-розыскное экстрасенсоведение. Обращается внимание на необходимость жесткого разграничения лиц, обладающих уникальными способностями, и мошенников, которых гораздо больше.*

Ключевые слова: *вненаучное знание; лица, обладающие экстраординарными психофизиологическими возможностями; экстрасенсы.*

ZAKHARTSEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.

IN THE DEVELOPMENT OF THE SCIENCE OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE PSYCHICS

The summary. *The authors continue to develop the science of operational and investigative psychics. It is explained that the practice of psychics is usually attributed to extrascientific knowledge, with which the authors agree. However, the extrascientific knowledge themselves, including the activities of psychics, is possible and necessary to study by scientific methods, than from different sides are engaged in various sciences (psychology, medicine, physics), including operational and investigative psychics. Attention is drawn to the need to distinguish hard between persons with unique abilities and scammers, which are much more.*

Key words: *extra-scientific knowledge; persons with extraordinary psychophysiological capabilities; psychics.*

В крайнее двадцатилетие заметно возрос интерес к лицам, обладающим экстраординарными психофизиологическими способностями, в частности к экстрасенсам. Не только обыватели, но и серьезные ученые, а также работники правоохранительных органов, не боясь выглядеть ненормальными и быть неправильно понятыми, вспоминают и пишут о случаях успешного взаимодействия с указанными лицами. Например, серьезную работу по изучению работы экстрасенсов и использованию их способностей в оперативно-розыскной деятельности провел В.А. Середнев [12, стр. 83-93].

Пока неординарные способности экстрасенсов не поддаются научному объяснению, а представления об этих способностях пока не удовлетворяют критериям научного знания. Поэтому их относят, в том числе и мы, к вненаучным знаниям [3; 5, стр. 80; 10, стр. 184-190; 11].

Надеемся, что в дальнейшем открытия в психологии, медицине и других науках приведут нас к постижению феноменальных способностей экстрасенсов. Вспоминается, что академик РАН Н.П. Бехтерева пришла к выводу, что человеческий мозг используется не более чем на 20%, а значительная часть наших интеллектуальных возможностей еще не познана. При этом, как признавалась Н.П. Бехтерева в беседе с авторами настоящей статьи и нашими коллегами, в последние годы жизни ей – выдающемуся исследователю человеческой психики, мозга – часто снился один и тот же сон, когда кто-то сверху над ней смеется [6, стр. 77].

Однако именно научными методами изучать деятельность людей, обладающих экстраординарными психофизиологическими возможностями (экстрасенсов и др.), возможно и необходимо. Этим, помимо физиологов и психологов, занимается оперативно-розыскное экстрасенсоведение [2; 10].

В рамках экстрасенсоведения, в первую очередь, интересуют возможности таких людей по оказанию помощи преступникам. Яркий пример привели опрошенные нами сотрудники правоохранительных органов. Охранник склада неожиданно уснул. Во время его сна со склада были похищены товары. Когда воров нашли они признались, что для усыпления охранника использовался экстрасенс, который «ввел» сторожа в сонное состояние [4, стр. 181].

Во-вторых, в рамках экстрасенсоведения следует попытаться проанализировать и обобщить факты оказания экстрасенсами практической помощи по конкретным делам; если получится – установить пределы возможностей экстрасенсов, выявить случаи, когда их участие может приводить к успеху, а когда будет практически бесполезным; по возможности собрать другие данные, позволяющие максимально эффективно использовать неординарные способности человека; выявить опытным путем лиц, способных нетрадиционными методами оказывать конкретную помощь в медицине, поиске вещей и предметов, раскрытии преступлений, и рассмотреть вопрос об их учете.

Сформулированная нами наука «экстрасенсоведение», к нашему удовлетворению, тоже постепенно стала развиваться в России и за ее пределами. Например, в Англии, где была издана наша предыдущая книга по философии права [15] и где известно о наших работах по оперативно-розыскному экстрасенсоведению, нам сообщили о недавнем опыте английских ученых по изучению оптимальных условий функционирования экстрасенсов. По этой проблеме появились интересные публикации.

При этом мы неоднократно подчеркивали:

1. Лиц, действительно наделенных экстраординарными психофизиологическими возможностями, единицы, а шарлатанов и мошенников тысячи!
2. Экстрасенсы – это люди, и ждать от них чуда не следует! Они могут ошибаться, заблуждаться. Наконец, эффективность их работы может снижаться по разным объективным причинам, в том числе не известным им самим.
3. Надо всегда учитывать, что оказанное экстрасенсом воздействие на человека может быть ему полезно, а может быть и вредно.

О том, что под видом экстрасенсов нередко орудуют преступники, многократно предупреждали и другие специалисты. Например, В.А. Ильичев справедливо утверждал: «Говоря об экстрасенсах, действительно владеющих даром ясновидения, хотелось бы особо отметить, что таких людей единицы, а основная масса гадалок и предсказателей либо мошенники, наживающиеся на чужом горе, либо психопатические личности, искренне заблуждающиеся в наличии у них столь бесценного дара. Впрочем,

мошенников гораздо больше» [7, стр. 48].

В части мошенников, выдающих себя за экстрасенсов и пытающихся заработать на чужом горе, хорошую статью написали Ю.С. Караваева и А.А. Космовская [8, стр. 199-205]. Они тщательно исследовали историческую часть этого вопроса, проанализировали современное состояние.

И все бы хорошо, как вдруг в середине работы читаем: «Налицо высоколатентный характер подобных деяний, чем также объясняется незначительное количество приговоров, вынесенных в связи с преступным оказанием оккультных услуг, что в целом позволяет сделать вывод о минимальной роли действующих механизмов уголовно-правовой охраны прав и законных интересов личности и общества от посягательств оккультного характера. Ситуация, на наш взгляд, осложняется следующими обстоятельствами: во-первых, широкой распространенностью убеждения о возможном наличии «уникальных психофизиологических возможностей», «экстраординарных», «сверхъестественных» способностей у отдельных людей, о существовании «… экстрасенсов, действительно владеющих даром ясновидения» как среди ученых (в том числе правоведов, что для авторов вдвойне удивительно. – Ю.К., А.К.), так и среди обывателей» [8, стр. 201-202]. Цитату сопровождали несколько сносок на работы ученых, рассказывавших о положительном опыте взаимодействия с экстрасенсами, в том числе и на нашу монографию «Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты» В этой книге мы говорили об экстраординарных способностях у отдельных людей и слово «экстраординарных» со ссылкой на нашу книгу попало в цитату [2, стр. 52].

Мы внимательно перечитали статью и поняли, что Ю.С. Караваева и А.А. Космовская просто не верят в существование лиц, наделенных указанными психофизиологическими способностями. Что здесь можно сказать?

Вспомнился спор с одним старым служакой, который утверждал, что человек не может выучить более трех языков. На наши контраргументы он авторитетно заявил, что это вранье: вы, например, пять языков не знаете и они не знают, но просто хорошо изображают, а наивные люди им верят. Существование полиглотов даже не стал обсуждать.

Другой горе-специалист убеждал, что ни один человек, в том числе тренированный легкоатлет, марафонскую дистанцию (42 километра) без допинга пробежать не может.

Третий твердил, что у всех одинаковые музыкальные способности. От наших возражений, что у кого-то музыкальный слух есть, а у кого-то нет, сердито отмахнулся.

Этих спорщиков объединяет суждение, что люди все одинаковы и все наделены абсолютно одинаковыми способностями. Ошибочность такого суждения вроде бы доказана давно. Но все равно встречаются те, кто пытается сказать обратное. И никак ни чем их не переубедить: пока сами не увидят – не поверят.

Надо еще раз обратить внимание Ю.С. Караваевой и А.А. Космовской, что категорически нельзя путать и тем более смешивать мошенников и лиц, действительно наделенных экстраординарными способностями. Один из важных признаков отличия заключается в том, что люди, действительно наделенные экстраординарными психофизиологическими способностями, как правило, не стремятся на своих возможностях заработать. Хороший пример привел В.А. Ильичев. Сержант милиции из провинции был откомандирован в крупный областной город, где его назначили в конвойный полк. Он стал сопровождать задержанных из камер следственного изолятора на допросы к следователям и оперативным сотрудникам. Однажды он привел к начальнику уголовного розыска подозреваемого в краже и начал слушать, как тот дает показания. Внезапно сержант вмешался в допрос, упрекнув задержанного: «Все ты врешь. Ведь на самом деле все было не так: ты стоял на углу у дома. Твой друг Петька сидел в кабине машины, а на склад заходили Колька с Серегой». Услышав такие подробности совершенной кражи, задержанный смешался и тут же рассказал, как в действительности было дело.

Сначала начальник уголовного розыска подумал, что конвоир разговорился с задержанным и тот ему все рассказал. Но через три дня уже по другому делу он опять столкнулся с неожиданностью. Конвоир снова вмешался в допрос и начал не только изобличать виновного, но и называть точные детали совершенного преступления, как будто сам был вместе с преступниками на месте происшествия. Удивленный начальник уголовного розыска

отозвал конвоира в сторону и спросил, откуда тот так хорошо знает обстоятельства совершенного убийства. Конвоир заявил, что сам этого не понимает, но если он встает сзади задержанного и смотрит ему прямо в затылок, то начинает ясно видеть, как все происходило, словно присутствует на месте происшествия. Начальник уголовного розыска был поражен и решил проверить слова конвоира. И очень быстро убедился, что все сказанное – правда и сержант милиции может видеть картину преступления, глядя на затылок задержанного словно на экран телевизора [7, стр. 50-51].

К этому примеру важно добавить следующее. Этот сержант, без сомнения, не мог так читать чужие мысли во все дни, в любом состоянии и у всех людей подряд. Возможности экстрасенсов и пределы таких возможностей вовсе не безграничны и полностью не известны даже им самим. Люди, действительно обладающие указанными способностями, сами не могут четко объяснить принцип получения ими информации о прошлом и настоящем. Не всегда они могут и повторить свои результаты. По их словам, в одной и той же ситуации, при одинаковой обстановке иногда получить истинные знания удается, а иногда – нет. Выявить системные связи между происшествием и способностью лица восстановить произошедшее науке пока не удается. В том числе поэтому, когда кто-то пытается заработать на своих способностях, предлагая свои услуги в любое время, любым людям и по любой проблеме – это, скорее всего, мошенник. Мы надеемся, что этот вывод будут учитывать Ю.С. Караваева и А.А. Космовская в будущих исследованиях.

Кроме того, надо помнить о том, насколько еще не изучен человек. Наверное, каждый не единожды сталкивался с ситуацией, когда только подумаешь о другом человеке – и он сразу позвонит или с ним в этот момент что-то произойдет. Все матери неосознанно, но абсолютно точно чувствуют беду, случившуюся со своими детьми, причем независимо от их отдаленности. В рамках науки мы провели достаточно жестокое, но важное исследование. Мы опросили тысячу матерей, дети которых погибли в «горячих точках», в результате террористических актов, в дорожно-транспортных происшествиях и в других бедах. Поразительно, но все матери всегда чувствуют беду со своим ребенком! Причем независимо от расстояния! И чувствуют беду точно в то время, когда с ребенком что-то происходит!

Как передается и как воспринимается сигнал о беде? Неизвестно. Но ведь сигнал проходит! За рубежом в настоящее время проводятся исследования, посвященные передаче информации с помощью мыслей и, соответственно, возможности влияния на мыслительную деятельность человека.

Мы предполагаем, что все люди в той или иной степени, наделены способностями чувствовать беду, важное событие, а также что-то предчувствовать. Но у всех людей – это надо признавать и понимать! – способности разные. В том числе и психофизиологические способности. Существуют люди, которые в значительно большей степени одарены способностью предчувствовать и описывать события, в которых не принимали участие, видеть истину.

Собственно, существование людей с экстраординарными психофизиологическими возможностями известно очень давно и секретом не было. Как писал известнейший советско-российский философ, академик РАН В.С. Степин такие знания и практики всегда существовали в культуре, их можно и нужно изучать научными методами [14, стр. 376]. Собственно, оперативно-розыскное экстрасенсоведение и занимается изучением экстрасенсов научными методами с прицелом на борьбы с преступностью [10]. Тем же, видимо, занимаются и за рубежом: все больше фактов того, что отдельные иностранные спецслужбы не стесняются использовать помощь экстрасенсов в своей работе.

При этом, как заметил В.С. Степин, надо четко отделять науку и вненаучные знания. В.С. Степин тоже пришел к выводу, что практика экстрасенсов выходит за рамки науки и относится к вненаучным знаниям [14, стр. 376]. Эти вненаучные знания имеют социокультурную ценность. Само по себе вненаучное знание, фиксирующее различные формы человеческого опыта, не является опасностью для науки. Наука может взаимодействовать с этими знаниями, может анализировать их своими средствами [14, стр. 375].

Развитие практики использования экстрасенсов несомненно поставит вопрос о правовом регулировании их деятельности. В части правового регулирования пока вопросов значительно

больше чем ответов. Например, как правовыми способами защитить права людей, обратившихся за подобной помощью? Можно ли регламентировать деятельность экстрасенсов в нормативно-правовом акте и т.д.?

Пока будем ждать от представителей физики, биологии, медицины и других наук открытий. Может быть, помощь окажет и оперативно-розыскное экстрасенсоведение.

Вместе с тем, в свое время Р. Фейнман – известный физик, лауреат Нобелевской премии – сказал в шутку (в которой есть большая доля правды), что не все ненаучное плохо, например любовь.

Потом, можно вспомнить о знаменитом Вольфе Мессинге [1; 9; 13].

Список литературы

1. Володарский Э.Я. Вольф Мессинг. Видевший сквозь время. – СПб.: Амфора, 2010. – 511 с.
2. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты: Монография. – СПб.: Издательский Дом С-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2011. – 264 с.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Вненаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 193-199.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
5. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
6. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
7. Ильичев В. А. Криминальные хроники (записки оперативного работника). – М.: ИД Шумиловой И. И., 2005. – 107 с.
8. Караваева Ю.С., Космовская А.А. Политика противодействия оккультным практикам в России: историко-правовой анализ: XVII-XXI вв. // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25. – № 3. – С. 199-205.
9. Китаев Н.Н. «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг: правда и вымысел // В защиту науки / Отв. ред. Э.П. Кругляков. Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. Бюл. № 4. – М.: Наука, 2008. – С. 102–144. – в кн. 210 с.
10. Сальников В.П., Захарцев С.И. Оперативно-розыскное экстрасенсоведение как новая прикладная наука // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 184-190.
11. Сальников М.В. Третьяков И.Л., Петров П.А Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: использование вненаучных методов и некоторые размышления // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 146-154.
12. Середнев В.А. Использование в оперативно-розыскной деятельности в интересах уголовного процесса знаний лиц, обладающих гиперфизическими способностями (философско-психологический аспект) // Записки ученого. – 2015. – № 3. – С. 83-93.
13. Соколов Б.В. Вольф Мессинг. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 408 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
14. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2008. – 384 с.
15. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mail@tretyakov.su

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

КРИМИНАЛЬНЫЕ ПОДЖОГИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Рассмотрена уголовно-правовая, криминологическая и психологическая природа некорыстных преступлений против собственности – умышленных уничтожения и повреждения имущества (ст. 167 УК РФ), уничтожения или повреждения имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ). Уточнены некоторые вопросы, связанные с квалификацией умышленных поджогов. Особый акцент сделан на анализе личности преступника (виновного в совершении поджога). Раскрыты наиболее распространенные индивидуальные особенности поджигателей, способствующие формированию такой девиантной мотивации, которая приводит к реализации преступных замыслов путем поджогов. Разработка темы исследования носила комплексный характер. Актуальность затронутых вопросов не вызывает сомнений, тем более что полученные выводы могут быть использованы в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *криминальные поджоги; умышленные уничтожение и повреждение имущества; пожар; умысел; мотив; личность преступника; пиромания.*

TRETYAKOV I.L.

CRIMINAL ARSON: CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

The summary. *The article considers the criminal-legal, criminological and psychological nature of non-mercenary crimes against property-intentional destruction and damage to property (article 167 of the Criminal code of the Russian Federation), destruction or damage to property by negligence (article 168 of the Criminal code of the Russian Federation). Some issues related to the qualification of intentional arson have been clarified. Special emphasis is placed on the analysis of the identity of the offender (guilty of committing arson). The most common individual characteristics of arsonists that contribute to the formation of such deviant motivation, which leads to the implementation of criminal intentions by arson, are revealed. The development of the research topic was complex. The relevance of the issues raised by the author is not in doubt, especially since the findings can be used in the practical activities of law enforcement officers.*

Key words: *criminal arson; intentional destruction and damage to property; fire; intent; motive; identity of the offender; pyromania.*

«Жечь было наслаждением. Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются…».
«А главная прелесть огня в том, что он уничтожает ответственность и последствия».

Р. Брэдбери: 451 по Фаренгейту; О скитаньях вечных и о Земле.

Криминальные поджоги относятся к категории наиболее резонансных преступлений, что обусловлено общеопасным способом их совершения, нанесением имущественного ущерба, а также физическими, нравственными страданиями потерпевших, в том числе вызванных стрессорными воздействиями, которые сопровождаются страхом, паникой и т.д. Негативные последствия поджогов многократно усиливаются, приобретая характер трагедии, если речь заходит о гибели людей, причинении вреда их здоровью, об уничтожении произведений искусства, памятников культуры, религиозных объектов. В российском законодательстве поджогом именуется такой состав преступления, который характеризуется умышленным действием, направленным на уничтожение и повреждение имущества. В частности, в Комментарии к УК РФ, изданном под редакцией профессоров С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова, читаем: «Предметом рассматриваемого преступления может быть только чужое имущество, имеющее меновую, товарную стоимость. …

С объективной стороны преступление выражается в уничтожении или повреждении чужого имущества.

Уничтожение предмета, – *продолжают авторы Комментария,* – это полная утрата им своих потребительских свойств и экономической ценности, приведение его в такое состояние, при котором он вообще не может быть использован по назначению, а утраченные им свойства не подлежат восстановлению.

Повреждение – это частичная, неполная утрата предметом своих потребительских свойств и экономической ценности, существенное снижение возможности использования его по назначению» [10, стр. 426-427].

Рассматривая уголовно-правовую характеристику умышленных уничтожения и повреждения имущества (ст. 167 УК РФ), прежде всего отметим, что объект преступления представляет собой отношения собственности. Под предметом следует понимать чужое имущество.

Пленум Верховного Суда РФ, применительно к указанному преступлению, дал абсолютно иное понятие чужого имущества, чем применительно к хищениям. К чужому имуществу отнесено, в частности, имущество, которое находится в общей собственности виновного и иных лиц (принимается во внимание ущерб, причиненный исключительно другим лицам) [2]. В тех случаях, если субъект уничтожает или повреждает общеопасным способом собственное имущество (и в результате с прямым или косвенным умыслом причиняется вред чужому имуществу), содеянное также влечет ответственность по ст. 167 УК РФ. При этом, следует помнить, что если при тех же обстоятельствах вред чужому имуществу причиняется по неосторожности, то содеянное необходимо квалифицировать по ст. 168 УК РФ (в обоих случаях при исчислении ущерба учитывается лишь тот ущерб, который причинен чужому имуществу). Состав умышленного поджога – материальный. Преступление будет считаться оконченным с момента причинения ущерба.

Объективная сторона преступления включает в себя: действия, последствия и причинную связь. Деяния могут выражаться в любых поступках (действии или бездействии), которые повлекли указанные в законе последствия. Закон не конкретизирует содержание деяния, не уточняет формы криминальной активности и т.д. Наступившие последствия предполагают значительный имущественный ущерб, выраженный в уничтожении или повреждении имущества. Уничтожение имущества – это приведение его в полную негодность. Уничтоженное имущество не подлежит восстановлению. Оно не может быть использовано по назначению. Повреждение имущества предполагает возможность его использования в поврежденном виде и (или) возможность его восстановления до прежнего состояния.

Целесообразно акцентировать внимание на том, что значительный ущерб представляет собой оценочный признак, при этом, если гражданину причинен какой-либо ущерб, то в силу пункта 2 примечания к ст. 158 УК РФ он не может составлять менее 5 тысяч рублей [1]. Очевидно, что значительный ущерб организации должен составить не меньшую сумму. Пленум Верховного Суда РФ четко и однозначно указал, что при решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или

иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества [2].

В процессе решения вопроса о квалификации конкретного преступного деяния, связанного с поджогом, учитывается реальный ущерб без упущенной выгоды. При уничтожении имущества ущерб определяется его стоимостью. При повреждении имущества ущерб определяется стоимостью ремонта с учетом возможного снижения цены. При повреждении имущества, если его восстановление невозможно или нецелесообразно, ущерб определяется как разница в цене до и после повреждения. При оценке ущерба в результате уничтожения или повреждения бывшего в употреблении имущества учитывается его амортизация. Возмещению подлежат убытки в полном объеме, в том числе и не учитываемые при квалификации преступления.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла, когда виновный осознает общественную опасность своего деяния, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде ущерба и желает их наступления либо не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично. Покушение на преступление возможно только с прямым умыслом.

Субъект преступления общий, им является вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. По ч. 2 ст. 167 УК РФ ответственность наступает с 14 лет.

Квалифицирующими признаками являются:

1) хулиганские побуждения;
2) поджог, взрыв или иной общеопасный способ;
3) причинение по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий.

Часть 2 с. 167 УК РФ может быть вменена только при наличии всех признаков преступления, предусмотренных ч. 1 этой статьи, включая значительный ущерб. Поэтому уничтожение общеопасным способом или из хулиганских побуждений малоценного имущества, не причинившее значительного ущерба, вообще не влечет уголовной ответственности по рассматриваемое статье. В случае причинения при таких обстоятельства по неосторожности тяжких последствий содеянное должно быть квалифицировано по ст. 168 УК РФ или по нормам о преступлениях против личности (в зависимости от тяжести причиненного вреда). Если имеет место прямой умысел, нацеленный на причинение имущественного ущерба в значительном размере, то возможна квалификация содеянного как покушение на преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 167 УК РФ (при условии, что ущерб в значительном размере не был причинен по независящим от лица обстоятельствам).

Особого внимания, в контексте рассматриваемых нами вопросов, заслуживают хулиганские побуждения, к которым, как правило, относится эгоцентрическое стремление заявить о своем существовании, «противопоставив» себя обществу. Наиболее часто данная мотивация встречается у подростков (несовершеннолетних), а также у незрелых личностей с признаками дисгармоничного инфантилизма, психопатов.

Для квалификации содеянного по ч. 2 с. 167 УК РФ, требуется реальная угроза причинения вреда жизни или здоровью человека либо имуществу других лиц. Умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня в условиях, исключающих его распространение на другие объекты и возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу, необходимо квалифицировать по ч. 1 с. 167 УК РФ (ущерб должен оцениваться как значительный).

Говоря о последствиях в виде смерти человека, важно помнить, что они могут возникнуть только по неосторожности, при этом субъективная сторона состава преступления (ст. 167 УК РФ) выражается в наличии двух форм вины.

Далее, требует внимательного прочтения п.10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем», в котором говорится о том, что к иным тяжким последствиям, причиненным по неосторожности в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ) относятся «причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку либо причинение средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам; отключение потребителей от источников жизнеобеспечения – электроэнергии, газа, тепла, водоснабжения и т.п.».

Обзор некорыстных преступлений против

собственности будет не полным, если мы не проанализируем еще одну статью Уголовного кодекса, связанную с уничтожением или повреждением имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

В целом признаки состава данного преступления повторяют уже рассмотренные нами признаки состава умышленного уничтожения или повреждения имущества. Отличительные признаки связаны с характером конкретного деяния, размером ущерба, а также затрагивают субъективную сторону и квалифицирующие признаки. Деяние должно быть выражено в «обращении с огнем или иными источниками повышенной опасности» [1]. Деяние это может быть связано как с нарушением специальных правил, установленных нормативными правовыми актами, так и с нарушением общих разумных мер предосторожности. Ущерб должен быть крупным, т.е. превышать 250 тыс. рублей. Крупный ущерб определен в твердой денежной сумме, исчисляется на момент совершения преступления и оценочным признаком не является. Субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины (в виде легкомыслия или небрежности). Субъект преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

И, наконец, последняя существенная деталь – в действующей редакции ст. 168 УК РФ отсутствуют квалифицирующие признаки.

Уголовно-правовая характеристика поджогов позволяет предположить, что квалификация некорыстных преступлений против собственности не должна вызывать значительных трудностей у правоохранителей. При этом вопросы, связанные с уточнением личностных особенностей преступников, с профилактикой поджогов – ждут своего решения.

Наиболее распространенными психическими аномалиями среди взрослых преступников, совершивших умышленные поджоги, являются: алкоголизм, психопатия, эпилепсия, органическое поражение головного мозга. Эмпирические исследования свидетельствуют, что алкоголизм и психопатия, как правило, сопровождаются формированием криминально значимых черт личности: повышенной раздражительности, агрессивности, импульсивности, конфликтности, подозрительности и мнительности, ревности, сутяжничества, садизма. Именно у поджигателей (а это достаточно разрозненная и неоднозначная группа) исследователи выделяют истинную (врожденную) пиромманию и симптоматическую, как результат неправильного воспитания, девиантного воздействия внешней среды, один из проявлений психических аномалий [5, стр. 72-80].

Истинная пиромания проявляется в непреодолимом стремлении к поджогам без желания причинить зло, нанести ущерб. Психологическая гипотеза относительно мотивов такого поведения заключается в предположении о нарушении регулятивной функции эмоций у этих лиц, своеобразном их отчуждении от результатов деятельности. Возникающая в результате отчуждения своеобразная автономия эмоций, утрата ими функции подкрепления результата действия ведет к поискам непосредственного раздражителя, вызывающего сдвиги в эмоциональном состоянии субъекта [6, стр. 194-199; 14, стр. 81-93].

Таким раздражителем и становится огонь, выполняющий роль мотива-«суррогата». Основным психологическим механизмом пиромании является то, что у этих лиц заблокировано «производство положительных эмоций реальными действиями». Общение носит для них фрустрирующий характер, в отношениях с окружающими они агрессивны, раздражительны, злобны и обидчивы.

Следует особо подчеркнуть, что в основе истинной пиромании лежит потребность в «психологическом комфорте», в сдвиге эмоционального состояния в сторону положительных эмоций. Этот сдвиг возникает не в рамках обычной человеческой деятельности, а лишь при прямом воздействии специфической стимуляции, в данном случае огня.

Изучение мотивации поведения психопатических личностей и лиц с психопатоподобными расстройствами показало, что их преступные действия часто связаны с реализацией потребностей в объектах биологически неадекватных или запрещаемых существующими социальными нормами. Это, иными словами, объекты-«суррогаты», которые приобретали побудительную и смыслообразующую функцию. По наблюдениям Ю.М. Антоняна и В.В. Гульдана, мотивы-«суррогаты» могут детерминировать поджоги, бродяжничество, кражи, сексуальные преступления [3, стр. 170-171].

В этом контексте уместно привести данные из отечественного учебника по психиатрии

«Извращения влечений («импульсивное помешательство»)». Эта форма описана Крепелином отдельно от психопатий (в группе «врожденных болезненных состояний»), но мы приводим ее здесь ввиду ее большой близости к психопатиям, в частности, к одержимым влечениям. Позволительно даже сомневаться в необходимости отграничения извращений влечений от одержимости влечениями. В картине извращения влечений доминируют, так называемые импульсивны действия, т. е. патологические влечения, которые появляются в сознании неожиданно и с такой силой, что человек не может не претворить их в действие. Сами действия служат как бы разрядом внутреннего напряжения. Если при навязчивых идеях на первом плане стоят расстройства интеллекта и аффекта, то здесь прежде всего нарушены волевые механизмы.

Ярким примером импульсивных действий является влечение к поджогам (пиромания). Самый акт поджога производит впечатление безотчетного действия, «короткого замыкания», хотя план поджога нередко в деталях бывает задуман задолго до этого. Иногда поджог сопровождается сексуальным возбуждением. Близко к этим импульсивным действиям влечение к убийству детей, находящихся на попечении у такого рода больных. Если здесь можно усмотреть отдаленный повод для патологических действий, то этого совершенно нельзя уловить у так называемых отравителей (влечение к отравлениям). Распространенным видом импульсивного действия является влечение к воровству (клептомания). Характерным является то обстоятельство, что предметом кражи служат часто совершенно ненужные вещи, что краденым не пользуются, что иногда краденое возвращают владельцам, В отдельных случаях кражи связаны с сексуальными переживаниями, в частности, с так называемым фетишизмом. К импульсивным поступкам также относится влечение к бродяжничеству (дромомания), наблюдается чаще у мужчин» [7, стр. 398].

Таким образом, не вызывает сомнений, что врожденные и приобретенные психические аномалии могут оказывать заметное влияние (а при заболеваниях, исключающих вменяемость, – решающее влияние) на усвоение человеком социальных программ. Психические аномалии способствуют формированию криминогенной личности, однако сама криминогенность психических отклонений всегда зависит от социальных условий формирования и жизни индивида. Поэтому их влияние на развитие и поведение личности может быть скорректировано под воздействием социальной среды и лечения.

Целенаправленное совершение поджога (поджогов) во многом обусловлено психологическими особенностями самого преступника. Эти особенности нужно рассматривать как внутренние факторы моделируемого поведения. Анализ лиц (предпринятый на основе изучения материалов конкретных уголовных дел с 1994 по 2018 гг.), совершивших в разные годы поджоги на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области показал, что среди преступников доминируют индивиды с: эмоционально-неустойчивыми чертами характера (акцентуациями) – 40%; эпилентоидными – 35%; гипертимными – 12%; истероидными – 8%; шизоидными – 5%.

Преступникам шизоидного и астенического склада свойственна ритуальность действий. Такие люди с трудом переключаются в сложных ситуациях, а если вынуждены пребывать в них, то стараются быстрее выйти из них или полностью «отстраниться» от реальных событий. Склонны к уединению. Одиночество переносят хорошо, т.к. тормозные процессы преобладают над возбудимостью. Они недоверчивы к людям. На обещания реагируют скептически, а если встречаются с обманом, то глубоко переживают и еще больше отдаляются в мир собственных «обид и фантазий». Концентрация внимания достаточно сильная, но есть различия между астениками и шизоидами. Так, воспроизводя увиденное, астеник не исказит информацию (хотя объем переданной информации будет небольшой), в то время как шизоидная личность может придать событию «оттенок параноидальности», т.е. интерпретировать в патопсихологическом русле.

Кроме того, этим людям свойственно «находить» у себя несуществующие болезни, изъяны, несвойственные им качества (что обусловлено мнительностью, тревожностью, «раздвоенностью»).

В качестве примера можно привести поджог храма XVIII века (Успенской церкви), который совершил в августе 2018 г. в г. Кондопоге 15-летний подросток. Несовершеннолетний обладал шизоидным типом личности, кроме того, у него имели место проявления выраженной

игровой зависимости. Следствию удалось выяснить, что несовершеннолетний увлекался сатанизмом, совершал черные мессы, пытался привлечь к ритуалам сверстников. Спустя год суд признал юного поджигателя невменяемым и освободил его от уголовной ответственности (по решению суда, подросток был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу).

К следующий группе «поджигателей» можно отнести лиц с гипертимными чертами характера.

Психологические особенности этих людей следующие. Им свойственно колебание настроения, однако преобладают фазы повышенного настроения. Промежуточные. Депрессивные фазы – кратковременны (в ряде случаев могут восприниматься крайне болезненно). На фоне повышенного настроения преступник может совершить серию поджогов, как бы «на одном дыхании». В целом же указанным лицам свойственна высокая потребность в самопрезентации, в общении и т.д. Кроме того, этих людей характеризует усиление (расторможенность) влечений и ослабление самоконтроля т.е. в этот период они «что хотят, то и делают», границ межу дозволенным и недозволенным для них нет. Довольно злобно воспринимают критику.

Признаки эмоционально-неустойчивых преступников-поджигателей выражаются в невыдержанности и нетерпеливости и, как следствие, в недостаточной управляемости. В связи с чем этим людям свойственны крайние формы проявления как отрицательных, так и положительных эмоций. Основной чертой личности этих преступников чаще всего является импульсивность. Свои антипатии они не скрывают. Компромиссов в конфликтах не признают. Постоянно дают волю раздраженности, при этом их требования по большей части беспочвенны и завышены. Рассматриваемые субъекты предпочитают вести праздный, «паразитический» образ жизни; они не отличаются интеллектуальным разнообразием в поиске развлечений. В основном «набор» их потребностей стандартный и обусловлен текущей ситуацией. Отношение к психоактивным веществам положительное.

Зачастую речь эмоционально-неустойчивых лиц «дезориентирована» (в той или иной мере), нет логической последовательности (складывается впечатление, что эмоции затмевают логику). Мышление ситуационно, в связи с этим преступники не только «хаотичны» в выражении своих мыслей, но и не утруждают себя подбором слов, смысловых конструкций. Этих людей отличает желание противостоять установленным правилам. Контакты их чаще всего поверхностны. Поэтому, несмотря на большую эмоциональную активность, они в большинстве своем одиноки.

Главными чертами «преступника-эпилептоида» являются: напряженность инстинктивной сферы, вязкость, тугоподвижность, тяжеловесность, инертность. Все это откладывает отпечаток на психику – от моторики и эмоциональности до мышления и личностных ценностей. Склонность к дисфории и тесно связанная с этим аффективная взрывчатость. Дисфории могут длиться часами и днями и отличаются злобно-тоскливой окраской настроения. Раздражение постепенно накапливается и может реализовываться в аффективном взрыве при наличии объекта, на котором срывается зло. Однако повод для взрыва может быть случайным, так сказать, последней каплей. Но это кажущаяся картина. При более глубоком анализе такого поведения можно обнаружить «логику преступления», обусловленную определенными чертами характера. Аффект отличается не только большой силой, но и продолжительностью. Предпочитают крепкие спиртные напитки, стимуляторы и т.д. Именно девиантные представители этой группы не просто склонны к поджогам, а нередко обнаруживают выраженную «тягу» к пиромании. Возможна организация и совершение эпилептоидами серии пожаров, которые сопровождаются взрывами, разрушениями, жертвами. Именно «преступники-эпилептоиды» обладают изощренной мстительностью. Мщение отличается коварством и возможностью насладиться наблюдением за мучениями как противника, так и случайных жертв. Нередко интересы эпилептоида формируются в суперидею, которая становится доминантой, определяющей его поведение. Ситуацию эпилептоиды воспринимают довольно точно (конкретно). Однако точность восприятия объектов зависит от времени наблюдения за ними. В силу некоторой медлительности эпилептоиду нужно некоторое время для вживания в ситуацию. Точность воспроизведения, пунктуальность в деятельности нередко приводят эпилетоида к «болезненному педантизму». Педантизм эпилетоида отличается от аналогичной черты

астеника тем, что последний ставит себя в определенные рамки, регламентирует свое поведение, тогда как первый, чаще всего, предпочитает довольно агрессивно побуждать других к соблюдению разработанных им норм поведения. Более того, надуманная регламентация поведения других вовсе не означает, что эпилептоид сам соблюдает разработанные им нормы, алгоритмы.

К главной особенности лиц истероидного типа можно отнести стремление казаться значительнее, чем есть на самом деле. Эти люди повсюду стремятся обратить на себя внимание. Во имя этого они могут даже отличиться, нарушив закон. Однако достижения истероидных личностей поверхностны, привязанности непрочны, а интересы неглубоки. Подготовительные действия к совершению поджога также отличаются стремлением к эффекту. Следует сказать еще об одной черте, характерной истероиду – это необдуманность поступков. Здесь эта черта проявляется в том, что истероид больше полагается на интуицию, либо на свои «исключительные качества», которые, по его мнению, нравятся окружающим. Из материалов комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних поджигателей следует, что в большинстве случаев жажда мести подростков-истероидов вытесняет необходимость в разумном подходе к разрешению конфликта и т.д., поэтому поступки этих людей (независимо от возраста) характеризуются необдуманностью.

Указанные характеристики акцентуированных признаков людей, признанных виновными в совершении поджогов, определяют личность не в целом, а лишь отдельные ее стороны. Это обусловлено тем, что перечисленные признаки могут существовать у каждого человека, причем не изолированно, а в комплексе (кроме того, степень их выраженности может быть различной). Главной же особенностью такого сочетания признаков является доминанта какого-либо одного или двух, но при условии наличия всех остальных. Таким образом, у преступника могут, например, доминировать эпилептоидные признаки на фоне истероидных и астенических.

Возвращаясь к несовершеннолетним, кратко проинформируем читателя о результатах собственного психологического исследования «подростков-поджигателей». Так, нами были изучены особенности расстройств поведения несовершеннолетних (в количестве 20 человек), в отношении которых были возбуждены уголовные дела в связи с совершением ими поджогов в 2016 г. на территории Северо-Западного федерального округа. Для «подростков-поджигателей» в возрасте от 14 до 17,5 лет были характерны следующие виды девиантной мотивации: игровая и агрессивно-гедонистическая. Игровые мотивы обладали незавершенным, «детским» характером. Большинство поджогов совершались несовершеннолетними из озорства, любопытства, желания «развлечься», «проявить» себя, утвердиться в глазах сверстников, получить «лайки» в социальных сетях. В ряде случаев имело место стремление к чему-то необычному, желание приключений и острых ощущений. Помимо указанных обстоятельств на незрелость мотивационной сферы, инфантилизм указывает и тот факт, что большая часть «подростковых поджогов» носит групповой характер и совершается в ситуативно-импульсивной форме, по «недомыслию». Агрессивно-гедонистические побуждения у несовершеннолетних, склонных к поджогам, также характеризуются эмоциональностью и ситуативностью, но с изрядной долей разрушительных побуждений. Кроме того, основным смысловым вектором этой «брутальной» активности следует считать подростковое самоутверждение. В структуре мотивации несовершеннолетних, совершивших поджоги (в отличие от взрослых), помимо мотивов импульсивно-ситуационного характера, ложного самоутверждения, чрезвычайно важное значение имеют мотивы, обусловленные внушением, подражанием, чувством солидарности или психическими нарушениями.

Роль комплекса данных о личности обвиняемого в системе криминолого-криминалистической информации тактического свойства неизмеримо велика. Изучение личности преступника, в том числе и совершившего поджог может начинаться со сбора информации о еще не установленном преступнике. В этом случае будет преобладать ретроспективное изучение свойств последнего по его следам, оставленным на месте происшествия, в памяти очевидцев. Указанные сведения в большей части носят не тактический, а поисково-доказательственный характер и используются для выдвижения версий о субъекте преступления, определения направления его поиска.

Изучение личности подозреваемого предполагает выявление еще более значительной по

объему совокупности сведений, необходимых для прогнозирования поведения индивида в ходе расследования и оказания на него психологического влияния в тактических целях. «Наряду с данными о преступной деятельности обвиняемого на этом этапе потребуется информация о биологических, социально-психологических, эмоционально-волевых и других качествах. Данная информация большей частью носит тактико-ориентирующий характер, важный для решения не только тактических, но и других криминалистических задач. …При изучении личности обвиняемого в тактических целях следователь использует в основном методы, разработанные психологией» [11, стр. 371].

Процесс предупреждения криминальных поджогов должен представлять собой организованную и управляемую деятельность, сочетающую в себе меры общесоциального, специально-криминологического и оперативно-розыскного характера [4; 13; 15, стр. 902-904; 12]. Следует также указать, что с учетом иерархии детерминант преступности в криминологии традиционно выделяют предупредительные меры индивидуального характера, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме. Специфика индивидуальной профилактики заключается в особом значении ранней профилактики, так как позволяет выявлять девиантные тенденции у потенциальных преступников задолго до реализации их «пироманических» замыслов. Говоря об индивидуальной оперативно-розыскной профилактике [9], укажем, что это высокоэффективный комплекс оперативно-розыскных, организационных и иных мер, предусмотренных законодательством; меры направлены на своевременное выявление, постановку на учет (контроль) и оказание позитивного воздействия на лиц, склонных к совершению поджогов (работающих или проживающих в конкретном районе), в связи с их асоциальным образом жизни, пьянством или аномальной мотивацией.

В заключение данной статьи подведем итоги.

Во-первых, девиантное (а в большинстве случаев – преступное) поведение, связанное с совершением поджогов, обусловлено комплексом социальных, личностных и «сугубо» индивидуальных детерминант, базис которых формируют деструктивные (антисоциальные) мировоззренческие установки, нарушения психики (врожденные или приобретенные, например, дисгармоничный инфантилизм, алкоголизм, психопатия, эпилепсия, когнитивный диссонанс и т.д.), социальная ригидность, дезадаптивность. К такому выводу нас приводит и социологический анализ истории девиантного поведения [8].

Во-вторых, для оказания медицинской, психологической и социальной помощи безнадзорным и беспризорным несовершеннолетним, склонным к совершению поджогов, требуется активизация работы медико-педагогических центров профилактики, социальной реабилитации. Упор в этой работе необходимо делать (в том числе) и на разъяснении уголовно-правовых последствий поджогов.

В-третьих, проблемы предупреждения массовых, крупномасштабных поджогов (например, лесных пожаров) сложны и актуальны, они должны решаться на федеральном уровне с использованием результатов исследований тех негативных процессов, которые происходят в том или ином регионе.

В-четвертых, организация и проведение мер индивидуальной профилактики криминальных поджогов должна осуществляться с учетом данных о криминологических особенностях личности потенциальных или реальных преступников.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2019.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37182/
3. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. – М.: Наука, 1991. – 248 с.
4. Артамошкин М. Формирование государственной системы профилактики правонарушений // Профессионал.

– 2008. – № 4. – С. 2-5.
5. Бакин А.А. Некоторые криминалистические особенности личности обвиняемого в совершении умышленного поджога, злоупотребляющего приемом наркотических средств // Актуальные проблемы государственной антинаркотической политики в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 21 апреля 2011. – Хабаровск, 2011. – 180 с.
6. Бакин А.А., Кутина В.П. Личность поджигателя: криминологические и патопсихологические особенности // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2009. – № 31(16). -. С. 194-199.
7. Гуревич М.О., Серейский М.Я. Учебник психиатрии. – М.: Медгиз, 1946. – 439 с.: ил.
8. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
9. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. д.ю.н., профессора С.В. Дьякова, д.ю.н., профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2016. – 1040 с.
11. Криминалистика: Учебник для вузов / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – М.: БЕК, 1996. – 708 с.
12. Пырчев С.В. Подростковая преступность и незаконный оборот оружия. Меры противодействия // Академическая мысль. – 2018. – № 1 (2). – С. 119-121.
13. Семочкина А.А. Основные направления предупреждения насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 234-237.
14. Уилсон К. Мир преступлений. В 2-х тт. Т.2. – Смоленск: Русичь, 1997. – 480 с.
15. Чапурко Т.М. Преступность несовершеннолетних // Криминология: Учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: НОРМА, 2010. - С. 902-904.

ВЛАДИМИРОВ Владимир Юрьевич,
главный научный сотрудник Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН), действительный член Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы (г. Москва, Россия)
E-mail: vladimirov@rc-sme.ru

КОВАЛЕВ Андрей Валентинович,
директор Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, заведующий кафедрой судебной медицины Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Минздрава России, доктор медицинских наук (г. Москва, Россия)
E-mail: mail@rc-sme.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

АКТУАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Аннотация. *Анализируются современные проблемы правового и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности. Рассматриваются вопросы независимости судебного эксперта, доказательственной значимости исследований специалистов, аргументируется необходимость проведения преобразований, направленных на правовое и организационное размежевание расследования преступлений и производства судебных экспертиз.*

Ключевые слова: *судебно-экспертная деятельность; независимость судебного эксперта; доказательственная значимость; экспертное сопровождение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.*

VLADIMIROV V.Yu.
KOVALEV A.V.

ACTUALIZATION OF FORENSIC EXPERT ISSUES

The summary. *The current problems of legal and organizational support of forensic activities are analyzed. The issues of the independence of the forensic expert, the evidentiary importance of the research of specialists are considered, and the need for changes aimed at legal and organizational disengagement of the investigation of crimes and the production of forensic examinations is justified.*

Key words: *forensic fctivities; the independence of the judicial expert; evidence of importance; expert support of criminal-procedural and operational-investigative activities.*

Актуальность затронутой темы в настоящее время объективно определяется, на наш взгляд, двумя факторами. Это, прежде всего, наличие существенных противоречий между базовым законодательством (Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1] (далее – закон «О ГСЭД»), регламентирующим деятельность государственных судебно-экспертных и приравненных к ним учреждений, а так же частнопрактикующих судебных экспертов, и отраслевым процессуальным законодательством, прежде всего Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Данное обстоятельство, с учётом требований частей 1, 2 и 3 статьи 7 «Законность при производстве по уголовному делу», а также части 1 статьи 75 УПК РФ «Недопустимые доказательства», является серьёзным препятствием для применения отдельных положений закона «О ГСЭД» при осуществлении уголовного судопроизводства. Вторым, не менее важным, обстоятельством является тот факт, что базовый закон «О ГСЭД» был принят чуть менее двух десятилетий тому назад и правоприменительная практика уже накопила значительный опыт для его дальнейшего совершенствования [4; 7; 8; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28].

Однако актуализация проблематики правового и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности приобрела значительно более рельефный характер в связи с принятием Федерального закона от 26.07.2019 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» [2] (далее – закон «О внесении изменений…»). Уже на стадии обсуждения проекта этого закона среди научного сообщества и правоприменителей разгорелись горячие дискуссии о легитимности предлагаемых новаций с точки зрения соответствия основным положениям статьи 7 «Независимость эксперта» закона «О ГСЭД» и пункта 2, части 2 статьи 70 «Отвод эксперта» УПК РФ. При этом отдельные представители Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ), обосновывая законность и целесообразность предлагаемых новелл, приводили в качестве аналога пример функционирования в системе МВД России экспертно-криминалистических подразделений, которые в соответствии со статьёй 11 закона «О ГСЭД» при выполнении ими судебных экспертиз «осуществляют функции, исполняют обязанности, имеют права и несут ответственность, которые предусмотрены для государственных судебно-экспертных учреждений». Следует отметить, что, по нашему мнению, такое сравнение не совсем корректно. Головной орган экспертно-криминалистической иерархии в органах МВД России – Экспертно-криминалистический центр давно выведен из состава центрального аппарата, функционирует в статусе Федерального казённого учреждения и курируется заместителем Министра, не имеющим прямого отношения не только к уголовно-процессуальной, но и к оперативно-розыскной деятельности, что в полной мере соотносится с требованием пункта 2, части 2 статьи 70 УПК РФ в части запрета нахождения судебного эксперта в служебной зависимости от лица или органа, назначившего экспертизу. Что касается иных видов зависимостей, не только перечень которых, но и их виды законодатель не конкретизировал, что делает эту категорию достаточно неопределённой, то применительно к данному контексту мы их не рассматриваем.

Однако, это вчера, а сегодня, в связи с принятием закона «О внесении изменений…», мы полагаем необходимым в корне изменить само направление дискуссии, саму постановку задачи, которая, по нашему мнению, должна способствовать оптимальному организационному обеспечению «внедрения» основных положений этого закона в правоприменительную деятельность в сфере уголовного судопроизводства.

Представляется, что, в сформированном в настоящее время правовом поле, необходимо провести организационные, в том числе структурные преобразования, направленные на правовое и организационное размежевание таких видов деятельности, как расследование преступлений и производство судебных экспертиз. Совмещение полномочий «руководителя следственного органа», к которым часть 5 статьи 39 «Руководитель следственного органа» УПК РФ относит Председателя Следственного комитета РФ, руководителей следственных органов СК РФ по субъектамРФ и т.д., и руководство деятельностью судебно-экспертного учреждения при

условии законодательного запрета на наличие «служебной зависимости» судебного эксперта от лица или органа, назначившего экспертизу, то есть от следственного органа, недопустимо. Более того, действующая редакция пункта 1.1., статьи 5 Федерального закона от28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – закон «О СКРФ») «Судебно-экспертное учреждение Следственного комитета действует независимо от следственных органов Следственного комитета» прямо предполагает необходимость внесения соответствующих изменений в часть 5 статьи 39 УПК РФ. Однако, даже с учётом того, что «создание в системе Следственного комитета судебно-экспертного учреждения» определено «не позднее чем до 1 января 2022 года» (часть 5, статьи 2 закона «О внесении изменений…») необходимо строго придерживаться требования о том, что «экспертные подразделения Следственного комитета (главное управление, управления и отделы по федеральным округам, управления и отделы по субъектам Российской Федерации, … действуют на основе подчинения нижестоящих сотрудников и руководителей экспертных подразделений вышестоящим руководителям экспертных подразделений» (там те). Даже при оставшейся неизменной структуре СК РФ это положение, на наш взгляд, не позволяет допускать такие высказывания как «Созданный отдел судебно-медицинских исследований осуществляет методическое и информационное обеспечение деятельности судебно-медицинских экспертов следственных органов» (интервью руководителя ГУК от 18.10.2019 года). Наверное правильнее говорить о деятельности «экспертных подразделений Следственного комитета», а не следственных органов на местах.

В целом создание в структуре Следственного комитета РФ экспертных подразделений следует считать отрадным явлением в части обеспечения неразрывной связи уголовно-процессуальной деятельности не только с достижениями криминалистики в области криминалистической тактики, планирования, организации и методики расследования, организации взаимодействия с оперативными аппаратами и общественностью, но и с достижениями научно-технического прогресса в сфере технико-криминалистического обеспечения уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности. Такое функциональное единство будет способствовать, прежде всего, повышению уровня профессионального мастерства следственного состава и, как следствие, повышению эффективности и, что особенно важно, объективизации расследования.

Следует отметить, что система экспертных учреждений Следственного комитета РФ строится не на пустом месте. Здесь уместно будет говорить о необходимости и целесообразности использования богатейшего опыта деятельности судебно-экспертных учреждений функционирующих в системе органов юстиции, здравоохранения, а также приравненных к ним экспертных структур в некоторых федеральных органах исполнительной власти (МВД. ФСБ, МЧС и т.д.). По мнению некоторых учёных криминалистов, в этой части, наиболее востребованным является опыт экспертно-криминалистических подразделений органов МВД России. Соглашаясь с этим мнением в принципе, лишь отметим, что отсутствие законодательного определения термина «экспертно-криминалистическая деятельность» позволяет проводить сравнение с аналогичным видом деятельности в Следственном комитете РФ исключительно по их функционалу.

В системе МВД России экспертно-криминалистические подразделения обеспечивают технико-криминалистическое и судебно-экспертное сопровождение трёх видов правоохранительной деятельности: уголовно-процессуальной (предварительное следствие и дознание), оперативно-розыскной и административной. При этом участие сотрудников ЭКП в оперативно-розыскной деятельности сводится в основном к привлечению в качестве специалистов к проведению таких ОРМ как «сбор образцов для сравнительного исследования», «отождествление личности», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Более того, по заданиям оперативных подразделений сотрудники ЭКП непосредственно проводят такие ОРМ как оперативное «исследование предметов и документов» и «опрос» [10; 11], что предполагает отнесение их к субъектам оперативно-розыскной деятельности в части соответствующей компетенции. Для скептиков, сомневающихся в такой сути проводимых мероприятий, задам вопрос: «Чем отличается сотрудник ЭКП, проводящий по специально разработанной методике опрос

очевидца в целях составления субъективного композиционного портрета, от сотрудника оперативно-технического подразделения, проводящего по специально разработанной методике опрос представляющего оперативный интерес лица в целях психо-физиологического исследования с использованием полиграфа?» По сути, ничем. Однако, в отличие от последнего, относимость которого к сотрудникам оперативно-розыскных подразделений ни у кого не вызывает сомнений, аналогичная правовая оценка деятельности сотрудника ЭКП до настоящего времени остаётся дискуссионной. Отличительной особенностью экспертного сопровождения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в системе МВД РФ, кроме того, является тот факт, что производству отдельных видов судебных экспертиз на стадии предварительного расследования предшествует многократное выполнение однопрофильных оперативных исследований в процессе оперативной разработки, зачастую задолго до возбуждения уголовного дела. Такое экспертное сопровождение имеет своей целью поэтапное повышение информативности за счёт поиска новых источников исходных данных и соответственно криминалистической значимости этих исследований. Судебная экспертиза, проводимая в отношении тех же объектов на стадии предварительного расследования, в этом случае является лишь завершающим этапом такого экспертного сопровождения, своеобразным экспертным апофеозом, порождающим доказательственную информацию, исходные данные для которой поэтапно добывались в ходе оперативной разработки. В экспертной деятельности, проводимой в системе СК РФ, эта специфика отсутствует, что не позволяет отождествлять эту деятельность с экспертно-криминалистической, проводимой в органах МВД России.

Отдельно хотелось бы остановиться на смысловом содержании такого понятия как независимость судебного эксперта. Статья 7 закона «О ГСЭД» гласит, что «При производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела». Таким образом, эксперт независим лишь при производстве экспертизы. Кроме того, законодатель исключил любые формы зависимости, а не только «процессуальную». Аналогичным образом, но в ином стилистическом варианте, этот вопрос регламентируется в статье 70 УПК РФ: «2. Эксперт не вправе принимать участие в производстве по уголовному делу:» – читай: «производить судебную экспертизу…», «2) если он находился или находится в служебной или иной зависимости…». При этом из общего массива каких-либо зависимостей, которые законодатель не определяет, отдельно выделена исключительно«служебная». При попытке выделить, так называемую, «процессуальную независимость экспертов», мы вновь столкнёмся с правовой коллизией, заключающейся в неоднозначности трактовки такого понятия как процессуальное действие в статье 9 закона «О ГСЭД» и в пункте 32) статьи 5 УПК РФ. В первом законодательно установлено, что «судебная экспертиза – … процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом…». В то те самое время статья 5 УПК РФ подразумевает, что процессуально установлен лишь прядок её производства: «49) судебная экспертиза – экспертиза, производимая в порядке, установленном настоящим Кодексом;», а к процессуальным действиям относит «32) … действие, предусмотренное настоящим Кодексом», Как мы знаем такой нормы в действующем УПК РФ нет.

В криминалистической литературе также отсутствует однозначная трактовка этого понятия. В ряде источников судебная экспертиза относится к числу процессуальных действий [13, стр. 149], в других определяется как следственное действие [12, стр. 266]. Наиболее адекватной и соответствующей современному уголовно-процессуальному законодательству, на наш взгляд, является позиция, сформулированная со ссылкой на И.Ф. Крылова в учебнике «Криминалистика» под редакцией А.И. Бастрыкина [14, стр. 544], согласно которой под тактикой экспертизы предложено понимать «систему выработанных наукой и практикой приёмов и способов, применяемых на основе процессуального закона при подготовке, назначении и производстве экспертизы…». Таким образом, принцип независимости судебного эксперта является комплексной категорией, имеющей своей целью оградить судебного эксперта при выполнении им экспертного исследования либо осуществлении иных полномочий,

предусмотренных уголовно-процессуальным законом, от нежелательного с точки зрения установления истины по делу какого бы то ни было влияния, от кого бы оно ни исходило. Интересно отметить, что законодатель даже применительно к судебному корпусу не ограничился регламентацией процессуальной независимости, а в статье 8-1 «Независимость судей» УПК РФ подробно рассмотрел этот вопрос в комплексном виде, отдельно выделив работу с внепроцессуальными обращениями.

Говоря о доказательственной значимости «исследования специалиста» следует различать его семантическое значение в науке и в уголовном процессе. В научно-практическом понимании – это вид познавательной деятельности человека, направленный на получение новых знаний. В этом смысле мы вправе говорить, что при производстве такого следственного действия как осмотр места происшествия его участниками проводится детальное исследование вещной обстановки места происшествия в целях обнаружения, выявления и фиксации следов преступления и иной криминалистически значимой информации. В процессуальном значении исследование регламентировано статьёй 274 «Порядок исследования доказательств» УПК РФ. Применительно к проблематике использования специальных знаний в интересах расследования уголовного дела термин «исследование» в прямой постановке законодателем не рассматривается. Однако в своём научно-практическом значении этот термин используется законодателем при формулировании многих норм главы 27 «Производство судебной экспертизы» УПК РФ. Самостоятельного процессуального значения в этих нормах он не имеет, поскольку рассматривается как составная часть производства судебной экспертизы. Кроме того, термин «исследование» применён при конструировании содержательной части статьи 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» УПК РФ. В части 1 этой статьи термин «исследование» приводится так же в значении составной части экспертного заключения, предшествующей формулированию выводов, а вот в части 3 этой статьи «3. Заключение специалиста…» этот термин отсутствует, а само заключение трактуется лишь как «суждение», то есть как форма мышления (мыслительный акт). Исследование как стадия, предшествующая формулированию выводов, в этой части отсутствует. Таким образом, говорить о возможности исследования специалистом предоставленных в его распоряжение объектов, например вещной обстановки места происшествия, возможно исключительно в научно-познавательном, а не в процессуальном смысле. Результаты такой деятельности специалиста могут быть реализованы в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Наконец, о принципах организации экспертно-криминалистической деятельности. В полном соответствии с ранее сформулированным определение этой деятельности, как сочетающей в себе судебно-экспертное и технико-криминалистической обеспечение оперативно-служебной деятельности органов МВД России в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, а также административной практике, попробуем сформировать систему соответствующих этой деятельности принципов. В статье 4 закона «О ГСЭД» сформулированы, а в последующих статьях 5, 6, 7 и 8 раскрыты основополагающие принципы судебно-экспертной деятельности: соблюдение законности при осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица при осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности, независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследований. В Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» дополнительно к принципам законности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в статье 3 рассматриваются такие принципы как принцип конспирации и сочетания гласных и негласных методов и средств. Провозглашённый КоАП РФ в статье 1.4. «Принцип равенства перед законом», по нашему мнению охватывается упомянутым ранее принципом законности. Таким образом, законодательно определены следующие принципы экспертно-криминалистической деятельности в органах МВД России: законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Разработка и внедрение каких-либо иных принципов, по нашему мнению, должна проводиться с учётом законодательно установленных и в их

развитие, а, что самое главное, при условии полного исключения противоречия принципам, установленным законом.

В заключение хотелось бы выразить уверенность, что научно-практические дискуссии, проводимые в стенах структурных подразделений Следственного комитета России, будут способствовать повышению уровня профессионального мастерства сотрудников и эффективности их взаимодействия с иными ведомствами правоохранительного сообщества и судебно-экспертными учреждениями России [3; 5; 6; 9; 29].

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
2. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 30. – Ст. 4126.
3. 300 лет следственному аппарату России (1713-2013 гг.): Сборник статей об истории следственных органов / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; науч. ред. Д.О. Серов. – М.: СК РФ, 2014. – 400 с.
4. Астапов С.Н. Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 98-103.
5. Бастрыкин А.И. Разговор напрямую (интервью Председателя СК РФ 2018-2019). – М.: б.и., 2019. – 124 с.
6. Бастрыкин А.И. Следственный комитет Российской Федерации в действии (вопросы теории и практики): Сборник статей. – М.: Институт государства и права РАН, 2018. – 216 с.
7. Владимиров В.Ю. Наука «на службе» следствия. Печальный опыт «чёрной» криминалистики // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 8. – С. 150-159.
8. Гокин А.В., Лихачев А.С. Ведомственность и проблема поиска истинных подходов к регулированию судебно-экспертной деятельности на примере судебно-баллистической экспертизы // Закон. – 2019. – № 10. – С. 73-79.
9. Действуем по закону. Сборник выступлений и статей Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации / Сост. Т.Н. Баева, О.И. Макарова, И.А. Мурашкин. – М.: Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, 2010. – 236 с.
10. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
12. Криминалистика. Т 2. Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений / Под ред. А.Г. Филиппова, А.А. Кузнецова, – Омск: Омская высшая школа милиции МВД России, 1993. - 558 с.
13. Криминалистика. Т. 2. / Под ред. Р.С. Белкина, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина. – М.: Академия МВД СССР, 1988.
14. Криминалистика: Учебник для образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации / [Г.А. Абдумажидов, А.И. Бастрыкин, В. С. Бурданова и др.]; Под ред. И. Ф. Крылова и А. И. Бастрыкина; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. – М.: Дело, 2001. - 800 с. : ил., портр., факс.
15. Кроз М.В., Ратинова Н.А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 3(43). – С. 146-155.
16. Моисеева Т.Ф. Унификация процессуального законодательства в судебной экспертизе // Российское правосудие. – 2016. – № 9. – С. 101-104.
17. Петров М. Судебно-экспертное производство. Возможности и ограничения // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 16.
18. Прановицкий К.Л., Ренц И.Г., Решетникова И.В. Можно ли доверять эксперту? Или несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) // Закон. – 2019. – № 10. – С. 43-54.
19. Рихтерман В.Я., Родионов В.И. Доказательственное значение судебной экспертизы в арбитражном процессе. Правовые аспекты оценки заключения эксперта и возможности его критического восприятия // Закон. – 2019. – № 10. – С. 63-72.

20. Россинская Е.Р. О правовом статусе судебного эксперта // Вестник Университета им О.Е. Кутафина. – 2018. – № 7. – С. 15-24.
21. Россинская Е.Р. Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования // Закон. – 2019. – № 10. – С. 31-42.
22. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: Монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018, 2018. – 576 с.
23. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой. – М.: РФЦ СЭ, 2018. – 135 с. : ил.
24. Сетераж Т.Н., Кузнецов В.О. Исследования информационных материалов – акутальное направление судебно-экспертной деятельности // Закон. – 2019. – № 10. – С. 80-89.
25. Смирнова С.А. Все эксперты должны работать по единым правилам // Закон. – 2019. – № 10. – С. 8-18.
26. Смирнова С.А., Омельянюк Г.Г. Опыт применения судебно-экспертных знаний по делам, связанным с нарушением антидопинговых правил // Спорт в национально-правовом и информационно-правовом измерении: актуальные проблемы: Сб. материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 4 апреля 2018 года) / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – С. 170-174.
27. Смирнова С.А., Усов А.И. Судебная экспертиза как базовый механизм реализации принципа верховенства права в государствах – членах ШОС // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 6-15.
28. Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Чеснокова Е.В. Стандартизация судебно-экспертной деятельности: прогнозы и решения // Закон. – 2019. – № 10. – С. 55-62.
29. Эволюция следствия в России: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 14 декабря 2017 года) / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 160 с.

ОДИНАЕВ Исфандиёр Ахмадович,
адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, сотрудник МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: diyor-13@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОРЯДОК И ПРОЦЕДУРА

Аннотация. *Рассматривается порядок осуществления задержания в досудебном производстве России и Таджикистана. Анализируется порядок составления протокола задержания подозреваемого; отмечается наличие определенного дисбаланса в области разграничения этапов фактического задержания и его документирования. Формулируется необходимость внесения изменений в действующее законодательство с целью определения в нем понятие фактического задержания.*

Ключевые слова: *задержание подозреваемого; процессуальный порядок осуществления задержания; мера принуждения; досудебное производство; протокол задержания.*

ODINAEV I.A.

CRIMINAL PROCEDURE DETENTION IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION: ORDER AND PROCEDURE

The summary. *The procedure for the implementation of detention in pre-trial proceedings of Russia and Tajikistan is being considered. The procedure for drawing up a report on the suspect's detention is being analyzed; there is a certain imbalance in the delineation and documentation of the actual detention stages. It calls for changes to the existing legislation to define the concept of actual detention.*

Key words: *detaining a suspect; procedural procedures for the detention; a measure of coercion; pre-trial proceedings; detention protocol.*

Осуществление задержания подчиняется строгим процессуальным правилам, наличие которых выступает важной гарантией законности в досудебном производстве по уголовному делу. Задержание обладает высокой интенсивностью принуждения [39, стр. 56-64], предшествует значительному количеству следственных и процессуальных действий, а также административно-правовых, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий [30; 31; 32], что позволяет считать его комплексной тактической операцией [57] или особой системой деятельности [53]. При этом оно создает «временной запас», необходимый для собирания и проверки доказательств о причастности лица к совершению преступления [55], а поскольку сопряжено с изоляцией подозреваемого от общества, требует тщательного соблюдения установленной законом процедуры [40; 41; 49; 50; 51].

Исходя из этого, порядок осуществления задержания может быть дифференцирован

на следующие компоненты: процессуальный (включающий исполнение требований законодательства о составлении протокола задержании, обязательном допросе подозреваемого, обеспечении ему права на защиту); оперативно-розыскной (включающий поисковую деятельность, направленную на установление причастности конкретного лица к совершению преступления, его фактическое задержание и доставление в орган дознания или к следователю); административный (включающий водворение задержанного в изолятор временного содержания, контроль за соблюдением им правил внутреннего распорядка). Одновременно необходимо отграничить порядок осуществления задержания подозреваемого и порядок исполнения данной меры уголовно-процессуального принуждения. Поскольку подозреваемый является субъектом уголовно-процессуальных отношений, первый из названных компонентов преобладает, вступая в различные взаимопересечения с другими.

Руководствуясь этим, исследуем процессуальный порядок, т.е. процедуру задержания в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Термин «процессуальный порядок» получил научное осмысление как алгоритм действий и решений, принимаемых лицом, осуществляющим производство по уголовному делу [69, стр. 30-32], последовательность действий, совершаемых лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, при применении отдельных уголовно-процессуальных институтов [62, стр. 15-16], процедура осуществления отдельных следственных или процессуальных действий [70, стр. 28-30]. Кроме того, процессуальный порядок признается внешней формой уголовного процесса [72, стр. 18], практическим выражением правовых предписаний, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность [38, стр. 35]. Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что в правовой доктрине сформировался универсальный подход к определению категории «процессуальный порядок» как к целостному множеству, включающему установленную законом процедуру реализации отдельных положений уголовно-процессуального закона, совокупность уголовно-процессуальных отношений между участниками уголовного судопроизводства, направленных на достижение его назначения, перечень процессуальных решений, принимаемых должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

При этом ученые-процессуалисты обращают внимание на то, что процесс доказывания характеризуется единством на всех стадиях производства по делу [43], и потому результатом следственных и процессуальных действий становится получение доказательственной информации, которая может впоследствии приобрести статус доказательства или же быть признана не отвечающей критериям и свойствам, установленным законом для доказательств. В том числе, это может быть связано с несоблюдением должностными лицами органов предварительного расследования правил оформления (протоколирования) следственных и процессуальных действий, сроков их производства, требований уголовно-процессуального закона, относящихся к привлечению для участия в них субъектов, действующих в интересах лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Таким образом, при реализации положений уголовно-процессуального закона, регулирующих процедуру задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, как меры уголовно-процессуального принуждения возникает несколько блоков правоотношений. Первый отражает совокупность следственных и иных процессуальных действий, в результате которых могут быть получены данные, достаточные для признания причастности конкретного лица к совершению преступления, или же возникновение оснований для задержания, установленных законом. Второй – механизм фактического задержания, т. е. ограничения свободы такого лица и доставления его к следователю или в орган дознания. Третий – механизм исполнения положений закона о водворении подозреваемого в изолятор временного содержания, обеспечении его прав и производстве следственных действий с его участием. Четвертый – определение дальнейшей необходимости изоляции лица от общества. Не все из них носят уголовно-процессуальный характер, но все без исключения могут сочетаться с уголовно-процессуальной деятельностью, предшествуя ей или сопутствуя.

В сферу этих правоотношений вовлекаются не только лица, осуществляющие производство по уголовному делу, и граждане, предположительно причастные к совершению преступления, но также и иные субъекты, в том числе: прокурор

(как лицо, осуществляющее функцию надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, а также за законностью содержания под стражей), защитник (как лицо, без участия которого производство следственных действий с подозреваемым ограничено законом), законный представитель (как лицо, действующее в интересах несовершеннолетнего подозреваемого), иные лица, уведомление которых о задержании подозреваемого предусмотрено уголовно-процессуальным законом в силу родственных, профессиональных или иных отношений с подозреваемым.

Исходя из этого, процессуальный порядок осуществления задержания – это урегулированная законом процессуальная деятельность должностных лиц органов предварительного расследования, направленная на установление причастности конкретного лица к совершению преступления, установление его местонахождения, принудительное ограничение его свободы и изоляцию от общества на срок, в течение которого должен быть решен вопрос о предъявлении ему обвинения, избрании меры пресечения или об освобождении из-под стражи в связи с отсутствием такой необходимости.

Нарушение этого порядка может влечь за собой уголовную ответственность лица, осуществляющего производство по уголовному делу. В судебной практике сложился подход, исходя из которого ст. 301 УК РФ подразумевает осуществление незаконного уголовно-процессуального задержания [26], либо подмену уголовно-процессуального задержания составлением протоколов об административных правонарушениях [27]. Она (судебная практика) базируется на соответствующей теории уголовного права. В Комментарии к УК РФ под редакцией профессора Н.Г. Кадникова прямо подчеркивается связь уголовной ответственности по ст. 301 с нарушением процессуального порядка задержания, например, без составления соответствующего протокола [36, стр. 953].

Представляется разумным отграничить процедуру осуществления и процессуального оформления задержания от исполнения этой меры уголовно-процессуального принуждения, а также от избрания меры пресечения или освобождения подозреваемого из-под стражи. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения получило научное осмысление как организационная и процессуальная деятельность по выполнению в указанных в решении о ее избрании ограничений в отношении конкретного лица [13, стр. 7]. Соглашаясь с этим, отметим, что для более подробной характеристики возникающих при осуществлении задержания уголовно-процессуальных отношений в данной статье будет исследован только процессуальный порядок осуществления и протоколирования задержания.

Рассматривая порядок осуществления задержания в досудебном производстве России и Таджикистана, будем учитывать, что правовое регулирование этой процедуры сходно, но не до степени смешения.

В соответствии с положениями главы 12 УПК РФ установлены основания задержания подозреваемого дознавателем, органом дознания или следователем, которые отдельные авторы именуют «доказательственными ситуациями» [23]. Из этого можно заключить, что предшествующая установлению подозреваемого оперативно-розыскная или уголовно-процессуальная деятельность нормами, регламентирующими процессуальный институт задержания по подозрению в совершении преступления, не регулируется. Российский законодатель характеризует ее термином «доставление», который отражает заключительный этап пресечения преступной деятельности или розыска конкретного лица. Если обратиться к п. 15 ст. 5 УПК РФ, можно обратить внимание на словосочетание «фактическое задержание», т.е. момент ограничения свободы подозреваемого, начиная с которого исчисляется процессуальный срок задержания. При этом попытки четкого разграничения фактического и «юридического» задержания предпринимаются разными авторами уже достаточно давно [22; 33].

Для сравнения, в УПК РТ также используется формулировка «доставление в орган уголовного преследования» (ч. 1 ст. 91), которая подразумевает предшествующее установление подозреваемого и возникновение оснований задержания. Кроме того, ст. 93 УПК РТ закрепляет право любого гражданина, ставшего очевидцем преступления или попытки лица, его совершившего, скрыться, самостоятельно захватить такого субъекта и принудительно доставить его в орган власти. Из этого следует, что фактическое задержание может осуществляться как в результате ранее произведенных неотложных следственных

действий или оперативно-розыскных мероприятий, так и в связи со случайным стечением обстоятельств (обнаружение лица, совершающего противоправные действия, посторонними очевидцами, пресечение таких действий самим потерпевшим, неудачная попытка скрыться с места происшествия).

Следует согласиться с учеными, констатирующими, что фактическое задержание – это первый этап задержания процессуального [63]. Соответственно, фактическое задержание как реализованный акт правопослушного поведения (при осуществлении гражданами) или акт надлежащего исполнения должностных обязанностей (при непосредственном обнаружении признаков преступления сотрудниками полиции) подразумевает уже состоявшееся лишение лица свободы передвижения и последующее доставление к следователю, дознавателю или в орган дознания. Некоторые авторы для характеристики процесса захвата лица и лишения его свободы передвижения используют термины «захват» [15, стр. 20; 16, стр. 67], «физическое задержание» [11] или «уличное задержание» [18], отграничивая его от фактического задержания. Однако это представляется не вполне верным, поскольку последнее предшествует юридическому оформлению задержания и включает в себя как поставление подозреваемого в условия ограниченной свободы, так и его доставление в орган дознания, к следователю или дознавателю.

Обращаясь к Федеральному закону «О полиции» [3], можно отметить среди обязанностей полиции осуществление розыска подозреваемых и обвиняемых (п. 12 ст. 12), а также лиц, совершивших побег из мест лишения свободы или уклоняющихся от отбывания наказания (п. 13 ст. 12). Кроме того, полиция уполномочена доставлять граждан (т. е. осуществлять принудительное препровождение) в территориальный орган или подразделение полиции в целях решения вопроса о задержании или установления личности (п. 13 ст. 13). Поскольку Федеральный закон «О полиции» не регламентирует уголовно-процессуальные отношения, можно заключить, что фактическое задержание имеет административно-правовую природу, но тесно коррелируется с уголовно-процессуальными отношениями, возникающими с момента доставления лица в орган дознания, к следователю или дознавателю. При этом в УПК РФ закреплен перечень лиц, в отношении которых фактическое задержание не осуществляется (ст. 449 УПК РФ), из чего некоторые авторы делают вывод о том, что оно является факультативным элементом уголовно-процессуального задержания [45].

К аналогичному выводу можно прийти, анализируя и ст. 10 «Задержание» Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [5]. Авторы Комментария к соответствующему закону обращают внимание на то, что ст. 10 регулирует процедуру задержания, осуществляемого военнослужащими национальной гвардии. «Задержание, – *пишут В.П. Сальников, О.С. Борисов и Е.Н. Кондрат,* – мера уголовно-процессуального или административно-процессуального принуждения, близко примыкающая по характеру ограничений, которым подвергается личность, к мере пресечения в виде заключения под стражу. По существу, это кратковременное лишение подозреваемого свободы. В силу неотложности задержания закон не требует для его применения санкции прокурора или решения суда. В то же время закон устанавливает ряд гарантий законности и обоснованности осуществления этой меры принуждения, четко регламентируя условия, основания, мотивы и сроки ее применения» [59, стр. 152].

Кроме того, авторы Комментария прямо отсылают читателя к ст.ст. 122 и 123 УПК РФ и к Закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [2] и считают, что решение о задержании принимается в интересах проверки причастности или непричастности лица к совершению преступления, и соответственно, решения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу [60].

Аналогично ст. 11 Закона Республики Таджикистан «О милиции» [9] наделяет сотрудников милиции правами задерживать и содержать под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступлений (п. 8), в том числе, военнослужащих (п. 7) и несовершеннолетних (п. 6). При этом в отношении несовершеннолетних данный закон использует формулировку «задерживать и доставлять в приемники-распределители», т.е. в этом случае имеется расхождение с ч. 1 ст. 91 УПК РТ, предписывающей осуществлять доставление в орган уголовного преследования. Для сравнения, в отношении лиц,

подвергающихся административному задержанию, Закон Республики Таджикистан «О милиции» использует формулировку «осуществлять привод», также отражающую принудительный характер данного действия, но подразумевающую меньшую интенсивность и меньшую степень и длительность правоограничений.

Уголовно-процессуальные отношения возникают при оформлении протокола задержания (если уголовное дело уже возбуждено) или при проверке рапорта об обнаружении признаков преступления и вынесении постановления о возбуждении уголовного дела (например, если сотрудниками полиции лицо застигнуто в момент совершения преступления). При этом представляется неверным суждение, в соответствии с которым «фактический захват лица, подозреваемого в совершении преступления, и составление рапорта об обнаружении признаков преступления не расходятся во времени» [14]. Два названных действия по времени не совпадают, поскольку составление рапорта происходит после доставления задержанного в территориальный орган полиции, орган дознания, к следователю или дознавателю.

В момент фактического задержания лицо еще не обладает уголовно-процессуальным статусом подозреваемого. Более того, если имеет место задержание гражданина сотрудниками полиции или иными лицами на месте совершения преступления, уголовно-процессуальные отношения отсутствуют как таковые, поскольку распорядительный акт, определяющий начало уголовного судопроизводства, – постановление о возбуждении уголовного дела – еще не вынесен.

В отношении процедуры доставления сформулирована правовая позиция Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой она является мерой административного, а не уголовно-процессуального принуждения [6]. Исходя из этого, доставление лица в орган дознания, к следователю или дознавателю выступает предпосылкой уголовно-процессуального задержания, а не компонентом его процессуального порядка. Более того, лицо, совершившее преступление, может явиться добровольно (например, при явке с повинной даже до возбуждения уголовного дела, п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), и тогда вопрос о доставлении вообще не возникает.

Рассматривая фактическое задержание как «начальный этап комплекса мероприятий, в совокупности составляющих уголовно-процессуальный институт задержания лица по подозрению в совершении преступления» [20], некоторые авторы полагают, что оно производится в уголовно-процессуальном порядке. Однако это представляется не вполне верным: та его часть, которая охватывает лишение лица свободы передвижения (т. е. физическое задержание), нормами уголовно-процессуального права не регулируется, равно как и процедура доставления. Уголовно-процессуальный порядок задержания является «привязанным» к задержанию фактическому, но только в той части, которая касается исчисления срока задержания. Кроме того, в данном случае имеется родственное целеполагание: и фактическое, и уголовно-процессуальное задержание осуществляются в целях установления причастности конкретного лица к совершению преступления. Хотя п. 15 ст. 5 УПК РФ устанавливает, что момент фактического задержания тождественен моменту фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, это представляется не вполне верным.

Так, фактическое лишение свободы передвижения имеет место до принудительного препровождения подозреваемого в орган дознания, к следователю или дознавателю. То есть, будучи фактически лишенным свободы передвижения, лицо доставляется – против собственной воли и желания – в целях последующей проверки причастности к совершению преступления. Кроме того, отсылка п. 15 ст. 5 УПК РФ к ст. 92 УПК РФ (в отношении порядка задержания) в действительности не имеет к этому порядку отношения. В ст. 92 УПК РФ регламентируются уголовно-процессуальные отношения, время возникновения которых наступает позднее, нежели производится фактическое задержание. В этой связи в советской уголовно-процессуальной доктрине некоторые авторы выводили фактическое задержание (и лишение свободы передвижения, и доставление) за рамки процессуальных отношений [21]. В современный период данная дискуссия не завершилась, а приобрела новое содержание.

В частности, ученые опираются на правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых использовано расширительное толкование понятия «задержанный» и рекомендовано использовать не формальный, а фактический статус

лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [7]. Против расширительного толкования уголовно-процессуальной терминологии выступали как советские, так и современные процессуалисты [44; 64, стр. 239]. Анализ высказанных суждений позволяет сделать вывод о том, что независимо от того, когда оформляется протокол задержания подозреваемого, два вышеуказанных основополагающих конституционных права должны быть обеспечены ему с момента доставления в орган дознания или к следователю, а остальные права, установленные в ст. 46 УПК РФ, разъяснены до составления протокола задержания. Именно реализация этих прав создает препятствия для произвольного, не мотивированного необходимостью задержания, а также для возможного применения к лицам, фактически лишенным свободы передвижения, различных незаконных методов воздействия.

Следует отметить, что в Конституции Республики Таджикистан право пользоваться помощью адвоката установлено с момента задержания (ч. 2 ст. 19), а в ст. 92 УПК РТ фактическое задержание в большей степени соотнесено с уголовно-процессуальным (при этом в силу ч. 2 ст. 49 УПК РТ защитник допускается к участию в деле с момента фактического задержания по подозрению в совершении преступления). Аналогично п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ устанавливает допуск защитника с момента фактического задержания. Согласно высказанному мнению большинства опрошенных правоприменителей обеих целевых групп, обеспечивать подозреваемому право на защиту необходимо до начал его допроса или незамедлительно после поступления от него соответствующего заявления (эти ответы выбрало свыше 62 % опрошенных таджикских и российских правоприменителей). Соответственно, фактическое задержание не тождественно уголовно-процессуальному, вопреки доводам некоторых авторов [12], и не включается в процессуальный порядок осуществления последнего. Из этого же исходит и судебная практика, складывающаяся при применении положений ст. 301 УК РФ, ст. 358 УК РТ: квалифицируя содеянное как незаконное задержание, суд учитывает именно уголовно-процессуальный аспект; при этом нарушения, которые могут быть допущены при фактическом задержании, охватываются уголовно-правовыми нормами, устанавливающими ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ, ст. 316 УК РТ) [65].

Таким образом, порядок уголовно-процессуального задержания в соответствии с законодательством России и Таджикистана может быть дифференцирован следующим образом:

- во взаимосвязи с наличием или отсутствием уже начатого досудебного производства по уголовному делу: задержание лица при непосредственном обнаружении его преступных действий; задержание лица при проведении оперативно-розыскных мероприятий на основании поручения следователя (дознавателя), осуществляющих процессуальную проверку заявления, сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ, ст. 145 УПК РТ); задержания лица в результате производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления, по возбужденному уголовному делу;
- во взаимосвязи с интенсивностью принуждения: задержание лица, доставленного в орган дознания, к следователю или дознавателю по основаниям, указанным в ч. 1 и ч. 2 ст. 91 УПК РФ (ч. 1 ст. 91 УПК РТ); задержание лица, добровольно явившегося с повинной, если в суд направлено ходатайство об избрании такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 91 УПК РФ, ч. 3 ст. 92 УПК РТ); задержание лиц, в отношении которых вынесено постановление об отмене отсрочки исполнения наказания, условного неприменения наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 2 ст. 91 УПК РТ).

Необходимо отметить, что ч. 2 ст. 92 УПК РТ допускает задержание до возбуждения уголовного дела. Иными словами, хотя законодатель не регламентировал подробно процессуальный порядок фактического задержания, институт «непосредственного подозрения» в совершении преступления в целом ориентирован на соответствующую уголовно-процессуальную деятельность. Вследствие этого некоторые авторы придерживаются точки зрения о наличии в уголовном процессе Таджикистана инквизиционных начал [17]. Более того, в ч. 2 ст. 92 УПК

РТ срок возбуждения уголовного дела соотнесен с процессуальным оформлением протокола задержания лица по подозрению в совершении преступления. В ч. 2 ст. 19 Конституции Республики Таджикистан закреплен запрет задержания без законных к тому оснований, а ч. 3 ст. 234 УПК РТ гарантирует незаконно задержанным реабилитацию. На страницах российской юридической печати высказано мнение о том, что УПК РФ не запрещает осуществления задержания до возбуждения уголовного дела [61], а также о том, что лицо, застигнутое при совершении преступления и захваченное непосредственно после его совершения, в любом случае является подозреваемым [37, стр. 165-166]. С этим можно согласиться в отношении фактического задержания (захвата лица, лишения его свободы передвижения, доставления), но не процессуального: составление протокола задержания в порядке, предусмотренном ст. 92 УПК РФ, в отсутствие возбужденного уголовного дела невозможно: в данном случае отсутствует юридическое основание подозревать лицо в причастности к совершению преступления, поскольку правовое закрепление вывода следователя (дознавателя) о наличии события преступления, формализующееся в рамках постановления о возбуждении уголовного дела, еще не произошло. В равной степени статус подозреваемого у лица, застигнутого при совершении преступления, не возникает. Следует отметить, что в юридической науке такая позиция сформировалась достаточно давно [24, стр. 65] и представляется совершенно правильной, так как соответствует закону.

При анкетировании практических работников нами был предложен вопрос о том, насколько целесообразной они полагают возможность задержания до возбуждения уголовного дела. На данный вопрос были получены следующие ответы:

- полностью целесообразно, поскольку упрощает процедуру раскрытия преступления «по горячим следам» – 24 % таджикских правоприменителей и 9 % российских правоприменителей;
- полностью целесообразно, поскольку «обогащает» уголовно-процессуальную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела – 20 % и 11 % соответственно;
- относительно целесообразно, поскольку позволяет обеспечить задержанному право на защиту, – 32 % и 24 % соответственно;
- нецелесообразно, поскольку создает условия для произвольного применения норм закона, в соответствии с которыми непричастное к совершению преступления лицо может быть изолировано от общества, – 24 % и 56 % соответственно.

Различие мнений правоприменителей обусловлено, в первую очередь, особенностями уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и России.

С учетом мнения практических работников, уголовно-процессуальное задержание до возбуждения уголовного дела имеет перспективу сохранения в досудебном производстве в Республике Таджикистан. Для сравнения, ст. 144 УПК РФ не уполномочивает производить задержание в стадии возбуждения уголовного дела, однако закрепляет широкий круг прав следователя (дознавателя), направленных на выявление признаков преступления. Однако с учетом существующего порядка возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (ч. 4 ст. 147 УПК РФ) легализация его возможного задержания по подозрению в совершении преступления представляется вполне логичной. Более того, она исключила бы случаи незаконных действий, допускаемых должностными лицами органов следствия и дознания в целях изоляции таких лиц (на практике, как известно, достаточно распространенным является незаконное оформление протоколов административного задержания, или даже содержание лица в условиях изоляции без оформления какого бы то ни было процессуального акта [58]). Кроме того, получила бы решение диагностируемая учеными в течение многих лет проблема соотношения таких процессуальных актов, как возбуждение уголовного дела и задержание [54, стр. 179-180].

По изученным уголовным делам не менее 17% осужденных (фактически каждый шестой) заявляли о том, что к ним применялись подобные незаконные меры. И только в единичных случаях соответствующие жалобы влекли за собой применение ответственности к должностным лицам органов предварительного расследования или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (например, приговором суда по ч. 1 ст. 286 УК РФ за превышение должностных полномочий был осужден оперуполномоченный, который осуществил фактическое

задержание гражданки, незаконно хранившей при себе наркотическое средство; не оформляя протокол задержания, водворил ее в служебный кабинет, а далее, выяснив, что изъятое у нее вещество содержит только следы наркотического средства, т. е. в данной ситуации состав преступления отсутствует, предпринял действия, направленные на инсценировку криминального события, подменив изъятое у задержанной вещество [66]).

Центральным элементом порядка уголовно-процессуального задержания является составление протокола. Протокол задержания подозреваемого должен быть составлен в течение трех часов с момента его доставления к следователю или в орган дознания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). Не менее важным является фиксация в протоколе факта разъяснения подозреваемому его прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Именно с этого момента он приобретает соответствующую правоспособность и может рассматриваться как участник уголовного судопроизводства [68, стр. 155-156].

С конца 2015 г. в ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ предусмотрено составление протокола задержания с участием защитника, если он уже осуществляет соответствующую процессуальную деятельность [4]. Во взаимосвязи с ч. 4 ст. 92 УПК РФ это подразумевает возможное предоставление двух свиданий подозреваемого с защитником в условиях конфиденциальности: первое необходимо до момента составления протокола задержания, второе – перед началом допроса подозреваемого.

Указанная новелла процессуального законодательства может быть оценена положительно: в тех случаях, когда к лицу применялись незаконные методы при фактическом задержании, или им высказывается версия о совершении в отношении него иных неправомерных действий, защитник сможет (при условии, что он уже допущен к участию в деле) достаточно оперативно предпринять шаги, направленные на проверку слов задержанного (составить жалобу, ходатайствовать о производстве освидетельствования, записать координаты возможных очевидцев и впоследствии просить должностное лицо, ведущее производство по делу, вызвать их на допрос в качестве свидетелей, и др.).

В соответствии с ч. 2 ст. 92 УПК РФ в протоколе задержания требуется указать ряд сопутствующих ему обстоятельств, в том числе, основания и мотивы, время и место, результаты личного обыска подозреваемого. Кроме того, требуется указание времени и места составления протокола, из чего можно заключить, что позиция «время и место задержания» подразумевает указание момента фактического задержания. Однако возникает вопрос: идет ли в данном случае речь о моменте лишения задержанного свободы передвижения, или же о моменте его доставления в орган дознания, к следователю или дознавателю? Поскольку ч. 2 ст. 92 УПК РФ ответа на этот вопрос не дает, обратимся к формально-логическим доводам.

Пункт 15 ст. 5 УПК РФ устанавливает тождество между фактическим задержанием и фактическим лишением свободы передвижения. Однако затруднительно представить, чтобы во всех случаях фактического задержания присутствовала возможность точно зафиксировать время и место (место может быть описано приблизительно: в жилом квартале, лесополосе, или конкретно, если, например, это жилой дом, ресторан, иной объект инфраструктуры). Кроме того, если задержание осуществляется не сотрудниками правоохранительных органов, осведомленными о правилах оформления рапортов или иных служебных документов, а гражданами (действующими в правовом режиме необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) или задержания лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), либо случайными очевидцами, что, по данным некоторых исследователей, нечасто, но имеет место [46, стр. 14]), то крайне маловероятно, что в подобной стрессовой ситуации они способны надлежащим образом зафиксировать эти параметры. Поэтому логично предположить, что в протоколе задержания подозреваемого необходимо указывать время доставления его в орган дознания, к следователю или дознавателю и место фактического лишения свободы передвижения (время – по возможности).

Это может быть обосновано и тем, что ч. 1 ст. 92 УПК РФ предписывает составить протокол задержания по истечении трех часов с момента доставления лица. Соответственно, именно от момента доставления (как этапа фактического задержания) должен исчисляться общий срок задержания (48 часов). При условии внедрения в деятельность органов дознания и следствия современных технологий (дистанционного видеонаблюдения и пр.) момент доставления может

получить четкую фиксацию, а поскольку случаи произвольного удержания задержанных вне расположения правоохранительных органов достаточно редки, это могло бы способствовать повышению служебной дисциплины в части обращения с задержанными. В ряде субъектов Российской Федерации (в том числе, в г. Санкт-Петербурге) в настоящее время проводится эксперимент, связанный с внедрением в практику работы сотрудников ДПС и ППСП персональных видеокамер, фиксирующих взаимодействие сотрудника с гражданами при исполнении служебных обязанностей [29]. Это позволит в большей степени минимизировать совершение незаконных действий. Кроме того, при указании в протоколе места фактического задержания не составляет труда вычислить примерный отрезок времени, требующийся для доставления в орган дознания, к следователю или дознавателю. Некоторые авторы вносят предложения о процессуальной регламентации фактического задержания в УПК РФ [35], но, как представляется, оно находится вне сферы уголовно-процессуальных отношений.

Таким образом, в протоколе задержания требуется четко указать место фактического лишения свободы передвижения, время доставления и время составления протокола. Следует отметить, что, ознакомившись с протоколом, подозреваемый может отразить в нем имеющиеся заявления, в том числе, относящиеся к обстоятельствам фактического задержания.

Для сравнения, ст.ст. 95–97 УПК РТ предусматривают особенные виды задержания: для предъявления обвинения, в отношении лица, нарушившего ранее избранную меру пресечения; в отношении осужденного, не соблюдающего условия исполнения (отсрочки исполнения) наказания. Прямо в этих нормах не предусматривается составление протокола задержания, однако указывается, что оно осуществляется на основании постановления (определения) о задержании. Как представляется, для водворения субъекта в изолятор временного содержания необходимо производство соответствующего процессуального действия. Постановление (определение) о задержании – это документ, на основании которого предпринимаются меры к розыску субъекта и его фактической изоляции. Этим документом руководствуются органы уголовного преследования. Но заключение под стражу на основании такого документа не представляется возможным, поскольку он направляется для исполнения в конкретный орган уголовного преследования, а места содержания задержанных находятся вне его подведомственности. Кроме того, институт мер уголовно-процессуального принуждения не распространяется, например, на стадию исполнения приговора [48], а задержание осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, осуществляется по решению суда (ч. 4 ст. 47 Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан [8]). Думается, в остальных случаях в отношении задержанного должен составляться протокол в соответствии с положениями Закона Республики Таджикистан «О милиции» (ст.ст. 10–11), а сам он в максимально короткий срок должен препровождаться в распоряжение инициатора розыска.

Следует отметить, что в российском законодательстве применение мер уголовно-процессуального принуждения охватывает только досудебное производство и основные судебные стадии (судебное разбирательство, апелляционное производство). В стадии исполнения приговора вопрос о розыске и задержании осужденного, скрывшегося от контроля или уклоняющегося от наказания, решается в порядке, предусмотренном ст. 18.1 УИК РФ [1]. При этом ученые обращают внимание на существенные различия в оформлении задержания таких лиц [10]. Таким образом, чтобы разграничить уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с принудительным ограничением личной свободы граждан, необходимо сосредоточить соответствующие нормы строго в отраслевом законодательстве.

Процессуальный порядок задержания включает определение конкретного основания, предусмотренного законом, наличие которого допускает применение этой меры уголовно-процессуального принуждения. Кроме этого, ч. 2 ст. 92 УПК РФ требует указания мотивов задержания (тогда как соответствующее положение ч. 1 ст. 94 УПК РТ ограничивается указанием только на основание).

В этой связи отметим, что ч. 1 ст. 91 УПК РФ содержит обязательную правовую предпосылку (наличие подозрения в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы) и перечень

оснований (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, потерпевшие или очевидцы прямо указали на него как на лицо, совершившее преступление, на данном лице, при нем, на его одежде или в жилище обнаружены следы преступления). В основание задержания могут быть положены и иные данные, но в ч. 2 ст. 91 УПК РФ установлен исчерпывающий перечень обстоятельств, когда оно может быть осуществлено (лицо пыталось скрыться, не имеет постоянного места жительства, его личность не установлена, в суд направлено ходатайство об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу). Могут ли данные обстоятельства признаваться мотивами задержания, представляется достаточно спорным: мотив как внутреннее побуждение, побудительная причина или повод к какому-то действию [42, стр. 345] предполагает принятие субъектом решения для достижения определенной цели. При наличии регламентированных законом оснований задержания его цель тождественна целям избрания мер пресечения; кроме того, она заключается в проверке причастности конкретного лица к совершению преступления, если без его краткосрочной изоляции от общества это не представляется возможным.

Для сравнения, в ст. 91 УПК РТ круг лиц, которые могут быть задержаны по подозрению в совершении преступления, шире: сюда включаются и субъекты, заподозренные в совершении преступления, наказуемого содержанием в воинской части, лица, нарушившие ранее избранную меру пресечения или не соблюдавшие порядок исполнения ранее вынесенного приговора по другому уголовному делу (условно осужденные, условно-досрочно освобожденные, получившие отсрочку отбывания наказания). В ст. 92 УПК РТ задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления возможно в аналогичных случаях (кроме направления в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу), а также при захвате лица очевидцами преступления, при обнаружении следов преступления на его рабочем месте или в транспортном средстве, при проживании лица в другой местности.

Из приведенного перечня можно видеть, что необходимость применения процессуального принуждения связывается законодателем с наличием конкретной информации, свидетельствующей о причастности лица к совершению преступления. Кроме того, в ряде случаев задержание осуществляется превентивно (в отношении субъектов, чья личность не установлена, в отношении проживающих в другой местности). Установленная возможность превентивного задержания компенсируется, как представляется, с помощью предоставления подозреваемому дополнительных процессуальных гарантий (права на защиту, права на реабилитацию), а также краткосрочностью изоляции от общества.

Необходимо отметить, что ст. 210 УПК РФ, в которой устанавливается порядок осуществления розыска, допускает оформление протокола задержания в отношении скрывшегося от следствия обвиняемого. В целом это представляется логичным, поскольку постановление о привлечении в качестве обвиняемого может быть вынесено до приостановления предварительного следствия, а розыск может осуществляться в период приостановления. Из этого же исходит судебная практика: опровергая доводы защиты о том, что обвиняемый находился в розыске по заочно предъявленному обвинению, суд справедливо указал, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого было объявлено лицу после его задержания сотрудниками органа дознания [67].

Процессуальный порядок задержания включает в себя исчисление специального срока, в течение которого подозреваемый может находиться в условиях изоляции от общества. В соответствии с ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации этот срок не может превышать 48 часов; при этом в силу п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ срок задержания может быть продлен судом на период до 72 часов с момента вынесения судебного решения, если задержание было признано законным. Тем самым фактически в условиях изоляции от общества без предъявления обвинения подозреваемый может находиться пять суток (120 часов), а при избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу – в общей сложности десять суток (а по делам о некоторых преступлениях против общественной безопасности и против государственной власти – 45 суток). При этом ученые обращают внимание на то, что срок, исчисляемый часами, требует учета и минут, а сутками – окончания в 24 часа последних по счету суток [34]. Справедливым является и суммарное определение общего срока задержания в размере

120 часов [19; 71, стр. 244], а также предложение об ограничении возможностей его продления [47] (однако в литературе имеется и другой подход, в соответствии с которым продление срока задержания полагается разумным и даже нуждающимся в увеличении вплоть до 10 суток [73, стр. 7]). Анализ высказанных суждений позволяет сделать вывод о том, что положения действующего законодательства не имеют единого одобрения среди ученых, и на наш взгляд, срок задержания, исчисляемый в соответствии с УПК РФ, представляется чрезмерным с учетом правовой природы данного процессуального института, отражающей его неотложный характер. Для сравнения, в силу положений УПК РТ срок уголовно-процессуального задержания не может длиться более 72 часов с момента фактического задержания (ч. 3 ст. 92 УПК РТ).

Процессуальный порядок задержания включает реализацию права подозреваемого и корреспондирующей ему обязанности следователя (дознавателя) обеспечить возможность уведомления близких родственников, родственников или близких лиц (а при задержании иностранного гражданина – посольство или консульство государства его гражданства). Для этого установлен предельный срок – 3 часа с момента доставления в орган дознания или к следователю (ч. 1 ст. 96 УПК РФ), представляющийся исследователям достаточным [74]. В настоящее время ч. 1 ст. 96 УПК РФ допускает личное уведомление, совершенное посредством телефонного звонка непосредственно подозреваемым, либо (при невозможности) дознавателем или следователем. Часть 4 ст. 96 УПК РФ разрешает не производить такого уведомления, если это вызвано необходимостью сохранить факт задержания в тайне. Данное положение не относится к несовершеннолетним, уведомление о задержании которых делается в любом случае. Как указывают ученые, это обусловлено не только возрастными особенностями несовершеннолетних, но и наличием ряда специальных положений, образующих особое производство, предусмотренное гл. 50 УПК РФ [56]. Однако сам факт возможного сокрытия от близких родственников, родственников или близких лиц подозреваемого сведений о его задержании может быть оценен критически.

Так, при последующем его заключении под стражу лицо изолируется от семьи на относительно длительный срок (10 или 45 суток, а если ему будет предъявлено обвинение – минимум на два месяца). Не говоря о том, что для членов его семьи – это крайне травмирующее обстоятельство – близкий человек, по сути, оказывается пропавшим без вести, – в период изоляции могут быть существенно нарушены права подозреваемого: не обеспечено участие адвоката по соглашению, не предоставлено свидание с родственниками. Кроме того, реализация этих прав может стать своеобразным способом давления на подозреваемого и стать доступна ему в обмен на дачу признательных показаний (такие прецеденты уже отмечены некоторыми авторами [25; 28]). Имеется и противоположная точка зрения, основанная на преждевременности как предоставления подозреваемым права на телефонный звонок, так и возможности его реализации до составления протокола задержания [52]. Она представляется не отвечающей назначению уголовного судопроизводства, поскольку, по сути, оправдывает безвестное исчезновение и фактически тайное заключение под стражу. Статус подозреваемого, даже по делам о преступлениях террористической направленности, такую необходимость не обосновывает (укажем здесь и то, что в современных условиях при широком распространении технологий скрытой видеозаписи и бесконтрольного информационного обмена в виртуальном пространстве осуществить полностью «секретное», тайное задержание достаточно проблематично).

В связи с изложенным положения ч. 1 ст. 100 УПК РТ, устанавливающие императивную обязанность следователя (дознавателя) в течение 12 часов уведомить о задержании кого-либо из совершеннолетних членов семьи или близких родственников, либо предоставить подозреваемому возможность сделать это самому, выглядят более значимыми процессуальными гарантиями. Законодатель не ставит никаких условий для исполнения этой обязанности. В то же время, можно отметить, что уведомление может быть сделано не только в адрес родственников, но также и в адрес иных лиц, с которыми проживает подозреваемый (например, сожительницы или сожителя, с которыми поддерживаются фактические брачные отношения).

Далее, в силу ч. 2, ч. 2.1, ч. 2.2 ст. 96 УПК РФ следователь (дознаватель) обязан уведомить отдельные категории лиц, являющихся вышестоящими начальниками задержанных (командование

воинской части, начальника территориального органа внутренних дел) или управленческие органы или лиц, выполняющих организационные функции в той сфере деятельности, в которой он занят (секретарь Общественной палаты, адвокатская палата субъекта Российской Федерации, общественная наблюдательная комиссия), а также прокурора (ч. 3 ст. 92 УПК РФ). Срок уведомления установлен в виде 12 часов и представляется достаточным. При этом только в отношении уведомления прокурора предусмотрена письменная форма сообщения. Для сравнения, ч. 6 ст. 94 УПК РТ устанавливает для уведомления прокурора суточный срок.

Опрошенные респонденты предположили, что наиболее правильным является осуществление уведомления о задержании непосредственно следователем (48% и 43% в каждой целевой группе), либо личное уведомление, осуществляемое самим задержанным в присутствии следователя (37% и 32% соответственно). Из этого можно заключить, что следователи и дознаватели органов внутренних дел Таджикистана и России правильно понимают положения уголовно-процессуального закона и осознают важность извещения о задержании.

Процессуальный порядок задержания не включает, как представляется, отношения, связанные с содержанием подозреваемого под стражей, с обжалованием действий и решений лица, ведущего производство по уголовному делу, а также с освобождением лица из-под стражи. Однако данные параметры охватываются категорией «механизм реализации задержания» как меры уголовно-процессуального принуждения и требуют самостоятельного анализа.

Подводя итог, можно заключить, что процессуальный порядок задержания по УПК РТ и УПК РФ имеет ряд общих черт, а выявленные отличия обусловлены особенностями развития уголовно-процессуального законодательства. При этом нормы, регламентирующие порядок осуществления и процессуальной фиксации задержания, частично не согласуются между собой, а также излишне ограничивают права и законные интересы подозреваемых.

Изложенное в статье позволяет сделать следующие выводы:

1. Процессуальный порядок осуществления задержания – это урегулированная законом процессуальная деятельность должностных лиц органов предварительного расследования, направленная на установление причастности конкретного лица к совершению преступления, установление его местонахождения, принудительное ограничение его свободы и изоляцию от общества на срок, в течение которого должен быть решен вопрос о предъявлении ему обвинения, избрании меры пресечения или об освобождении из-под стражи в связи с отсутствием такой необходимости.

2. В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации образовался дисбаланс в области разграничения этапов фактического задержания и его документирования. Поскольку положения ст. 92 и ч. 15 ст. 5 УПК РФ частично противоречат друг другу, имеется необходимость их унификации. В том числе, необходимо:

– в ст. 6 УПК РТ и в ст. 5 УПК РФ включить п. 15.1, определив в нем понятие фактического задержания: «15.1. фактическое задержание – ограничение свободы передвижения лица, застигнутого при подготовке или при совершении преступления либо непосредственно после его совершения, производимое с целью его доставления в орган дознания или к следователю».

3. В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан имеются недостатки, сужающие объем и содержание гарантий прав подозреваемого. В этой связи оно нуждается в совершенствовании с активным использованием международных стандартов. В частности, требуется:

- исключить возможность задержания до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 92 УПК РТ);
- предусмотреть процедуру обжалования законности задержания в судебном порядке, внеся соответствующее дополнение в ст. 46 УПК РТ, регламентирующую правовой статус подозреваемого.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (по сост. на 01.06.2018). – М., 2019.
2. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (по сост. на 01.06.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
4. Федеральный закон от 30.12.2015 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – 31 декабря.
5. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2017 № 8-П по делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В. И. Сергиенко // Российская газета. – 2017. – 31 марта.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 №-П по делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова // Российская газета. – 2000. – 4 июля.
8. Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 06.08.2001 № 32 (по сост. на 01.06.2018) // Ахбори Маджлиси Оли РТ. – 2001. – № 7. – Ст. 505.
9. Закон Республики Таджикистан от 17.05.2004 № 41 «О милиции» (по сост. на 02.01.2018) // Ахбори Маджлиси Оли РТ. – 2004. – № 5. – Ст. 352.
10. Александрова О. П. Проблемы правового регулирования задержания лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Закон и право. – 2013. – № 12. – С. 91–93.
11. Арестова Е. Н. Проблемы задержания подозреваемого по УПК РФ и Федеральному закону «О полиции» // Российский следователь. – 2013. – № 1. – С. 18–19.
12. Бажанов С. В. Тактико-правовые основы уголовно-процессуального задержания и допроса лица в качестве подозреваемого // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 6. – С. 88–92.
13. Баландюк О. В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Омск, 2014. – 250 с.
14. Баранов А. М., Супрун С. В. Момент фактического задержания подозреваемого // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 31–34.
15. Березина Е. С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства: Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2009. – 234 с.
16. Веретенников И. А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2001. – 202 с.
17. Верещагина А. А. Инквизиционные аспекты действующего УПК Республики Таджикистан: некоторые вопросы // Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: Материалы междунар. научн.-практ. конф. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 73–77. – в кн. 283 с.
18. Вершинина С. И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 755–765.
19. Гольцов А. Т. Сроки задержания в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8. – С. 166–172;
20. Грибунов С. П., Степанова В. Г. К вопросу о производстве фактического задержания органами полиции лиц по подозрению в совершении преступления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – Вып. 1. – С. 226–234.
21. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. – Ташкент: Ташкентская высшая школа МВД СССР, 1969. – 120 с.
22. Гриненко А.В. Разграничение фактического и уголовно-процессуального задержания // Законность. – 2003. – № 3. – С. 14–16.
23. Давлетов А. А., Вечтомов С. В. О совершенствовании процессуального порядка задержания подозреваемого // Советская юстиция. – 1991. – № 5. – С. 12–13.
24. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. – Л.: ЛГУ, 1982. – 112 с.
25. Даровских О. И. К вопросу о злоупотреблении правами лицами, имеющими властные полномочия // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 4. – С. 22–25.

26. Дело № 44-о06-118 // Архив Верховного Суда РФ.
27. Дело № 65-о02-10 // Архив Верховного Суда РФ.
28. Желева О. В. К вопросу о соотношении злоупотребления субъективным правом в уголовном судопроизводстве и правонарушения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 1. – С. 83–91.
29. За гаишниками присмотрит «Дозор» // URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/12/08_a_10412891.shtml#page1
30. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
31. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
32. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
33. Исаева Р. М. Формальные и правовые основания задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 170–173.
34. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 2. – С. 139–145.
35. Канокова Л. Ю. Фактическое и процессуальное задержание в уголовном судопроизводстве: соотношение понятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8. – С. 58–61.
36. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
37. Коротков А. П., Тимофеев А. В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ. – М.: Экзамен, 2005. – 607 с.
38. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головко. – М.: Статут, 2017. - 1278, [1] с.
39. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: Дис. … докт. юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2004. – 413 с.
40. Лаков А.В., Травников А.В., Кутуев Э.К., Латыпов В.С. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения и его соотношение с заключением под стражу // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7-8. – С. 174-183.
41. Логунов О.В., Кутуев Э.К. Процессуальное принуждение: понятие, цели и виды мер. Задержание подозреваемого и обвиняемого // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 182-195.
42. Лопатин В. Е., Лопатина Л. В. Русский толковый словарь. – М.: Эксмо, 2007. – 909, 17 с., 24 л. ил.
43. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном производстве России // Государство и право. – 2014. – № 11. – С. 109–112.
44. Ляхов Ю.А., Чупилкин Ю.Б. Обоснованно ли Конституционный Суд расширил понятие подозреваемого // Российская юстиция. – 2008. – № 12. – С. 14-16.
45. Маркелов А.Г., Кошкин В.Н. О необходимости совершенствования уголовно-процессуального задержания подозреваемого в совершении преступлений // Oeconomia et Jus. – 2018. – № 1. – С. 61–66.
46. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: Монография. – СПб.: Юридический центр пресс, 2015. – 560 с.
47. Насонова И.А., Владимирова Ю.К. О разумном сроке содержания лица под стражей в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 116–122.
48. Николюк В. В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 15. – 4. – С. 43–52.
49. Одинаев И.А. Институт уголовно-процессуального задержания в досудебном производстве Республики Таджикистан и Российской Федерации: история становления и развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 48-66.
50. Одинаев И.А. Проблемные аспекты правоприменительной практики уголовно-процессуального задержания в досудебном производстве: опыт России и Таджикистана // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9-10. – С. 158-162.
51. Одинаев И.А. Проблемы применения уголовно-процессуального задержания до возбуждения уголовного дела по законодательству Республики Таджикистан // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7-8. – С. 168-173.
52. Орлова А. А. О реализации принципа «язык уголовного судопроизводства в российском уголовном процессе» // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 2. – С. 17–19.
53. Пидусов Е. А. Задержание лица, заподозренного в совершении преступления, как система // Вестник

Воронежского института МВД России. – 2010. – № 4. – С. 35–38.
54. Попов А. Л. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве: Монография. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 373 с.
55. Ретюнских И. А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18–21.
56. Роганов С. А. Совершенствование правового статуса специалиста в уголовном судопроизводстве // XXI Царскосельские чтения: Материалы междунар. научн.-практ. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 112–115.
57. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого как тактическая операция // Известия Тульского государственного университета. – 2016. – Ч. II. – Вып. 3. – С. 118–123.
58. Руднев В. И. Статус задержанного как нового участника уголовного судопроизводства // Журнал российского права. – 2017. – № 4. – С. 130–137.
59. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
60. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Специальные полномочия войск национальной гвардии: задержание, вскрытие транспортного средства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 148-155.
61. Семенцов В. А. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 100–103.
62. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учебник. – М.: Проспект, 2017. – 752 с.
63. Стельмах В. Ю. Правовая сущность физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1. – С. 207–212.
64. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1.– М.: Наука, 1968. – 470 с.
65. Уголовное дело № 1-201/2015 // Архив Душанбинского городского суда РТ.
66. Уголовное дело № 1-436/2012 // Архив Бутырского районного суда г. Москвы.
67. Уголовное дело № 22-2795/2013 // Архив Томского областного суда.
68. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
69. Уголовный процесс / Под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 445, [1] с. – (Высшее образование).
70. Уголовный процесс: Учебник для академического бакалавриата / В. П. Божьев [и др.]; под редакцией В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 479 с. – (Бакалавр. Академический курс).
71. Уголовный процесс: Учебник / А.В.Смирнов, К.Б.Калиновский; под общ. ред. А.В.Смирнова. Вступит. статья В.Д.Зорькина. 6-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 736 с.
72. Францифоров Ю. В., Манова Н. С. Уголовный процесс: Учебник. – М.: Юрайт, 2017. – 303 с. – (Бакалавр. Прикладной курс)
73. Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: Дис. … докт юрид. наук: 12.00.09. – М., 2007. – 417 с.
74. Шепелева О. Р., Киевский В. В. Проблемы реализации прав подозреваемого при задержании // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2. – С. 190–196.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

КАМДИН Алексей Николаевич,
преподаватель факультета довузовской подготовки Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г. Саранск, Россия)

ИОНОВА Валерия Владимировна,
факультет довузовской подготовки Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия)

Специальность 38.02.01 – Экономика и бухгалтерский учет

ОСОБЕННОСТИ УЧЁТА ЗАТРАТ И КАЛЬКУЛИРОВАНИЯ СЕБЕСТОИМОСТИ В СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ

Аннотация. *Анализируются такие термины, как себестоимость и калькулирование себестоимости, представлены основные методы учёта затрат и калькулирования себестоимости в отечественной практике. Рассмотрена организация учета затрат на производство и калькулирования себестоимости на примере строительной компании в лице ООО «Монолит Плюс».*

Ключевые слова: *учёт затрат; себестоимость строительных работ; калькулирование; строительная отрасль; статья калькуляции; элемент затрат.*

KAMDIN A.N.
IONOVA V.V.

FEATURES OF COST ACCOUNTING AND COST CALCULATION IN A CONSTRUCTION COMPANY

The summary. *The article provides such terms as cost and cost calculation, presents the main methods of cost accounting and cost calculation in domestic practice. In addition, the organization of production cost accounting and cost calculation is considered on the example of a construction company represented by LLC "Monolit Plus".*

Key words: *cost accounting; cost of construction work; calculation; construction industry; calculation item; cost element.*

Строительная отрасль занимает особое место в системе народного хозяйства как бывшего СССР, так и в условиях реалий рыночной экономики современной России. Важность данного направления деятельности трудно переоценить, поскольку в ходе осуществления

строительно-монтажных работ население обеспечивается необходимыми местами для комфортного проживания, а коммерческие и некоммерческие структуры, государство важными объектами инфраструктуры для осуществления своей основной уставной деятельности (офисы, складские помещения, производственные помещения, мосты, дороги, сооружения различной сложности и т. д.).

В целях поддержания высоких темпов развития строительно-монтажных работ (СМР) в условиях всех негативных тенденций современной России (снижение темпов экономического развития, общая эпидемиологическая обстановка) строительной отрасли требуется повышение эффективности и достоверности учетной системы на предприятиях, в особенности учета затрат СМР и обоснованного расчета их себестоимости.

Совокупная величина затрат на осуществление СМР, формирующая использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов в условиях технологического процесса, образует их себестоимость.

В рамках отечественной и зарубежной научной системы бухгалтерского учета применяются разные определения себестоимости продукции, работ и услуг.

В таблице 1 приведем трактовки различных ученых относительно формулировок термина «себестоимость».

Под калькулированием себестоимости СМР понимается определенный порядок группировки затрат в зависимости от конкретных условий технологического процесса, обеспечивающий определение ее фактической себестоимости и необходимую информацию для контроля за процессом формирования себестоимости.

Калькуляция один из основных показателей отчета по себестоимости, выражающей затраты технологического процесса и на реализацию единицы конкретного вида продукции, работ или услуг в денежной форме.

Калькуляция составляется на все виды изделий, работ и услуг выпускаемых, выполняемых и оказываемых предприятием, и определяет экономическую выгодность производства, вскрывает резервы экономии материальных, трудовых и денежных ресурсов.

Под методом учета затрат на производство понимают систему приемов отражения производственных затрат для определения фактической себестоимости продукции, выполненных работ или оказанных услуг.

Строительные организации сами выбирают, каким методом им лучше вести учет, опираясь на особенности основной деятельности в виде осуществления СМР и характер возводимых объектов: типовые или нетиповые проекты, сроки возведения и ряд других факторов.

Основные методы учета затрат на производство и калькулирования себестоимости представим с использованием рисунка 1.

Обязанность по ведению бухгалтерского учёта в ООО «Монолит Плюс» возложена на главного бухгалтера (ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О бухгалтерском учёте» [1]). Бухгалтерский учёт и, в частности, калькулирование себестоимости СМР ведётся с использованием автоматизированного программного продукта «1С: Бухгалтерия 8.3».

Относительно практических аспектов ведения учета затрат и калькулирования себестоимости СМР в ООО «Монолит Плюс» следует отметить, что при применении классических элементов затрат (материальных расходы, расходы на

Таблица 1. Вариативность термина «себестоимость» среди ученых

Бабаев Ю. А. [2]	Себестоимость продукции, работ, услуг – это стоимостное измерение затрат по основной деятельности в краткосрочном периоде в целях изготовления и продажи изделий (работ, услуг).
Коршунов В.В. [3]	Себестоимость представляет собой денежное соизмерение израсходованных в ходе технологического процесса факторов производства: исходных и человеческих ресурсов, основных средств и прочих расходов на выпуск и продажу продукции, работ и услуг.
Сергеев И. В., Веретенникова И. И. [3]	Калькулирование себестоимости – приоритетный процесс, определяющий степень потребления ресурсов, имеющихся в наличии у организации.

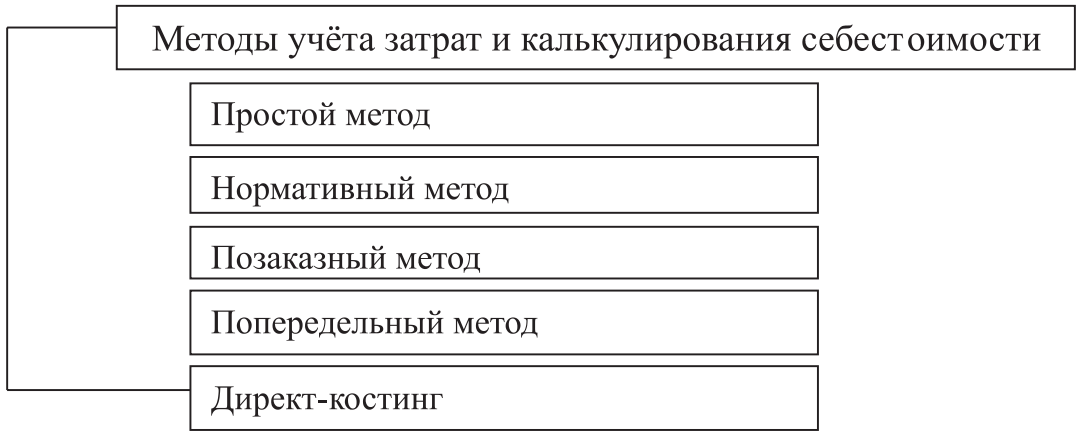


Рисунок 1 Методы учёта затрат и калькулирования себестоимости продукции, работ и услуг

оплату труда, отчислении на социальные нужды, амортизация основных фондов, прочие расходы), имеются особенности калькулирования, связанные с видом экономической деятельности. В частности, применяется специфическая группировка статей калькуляции, характерная для организаций строительного направления. Среди специфических статей и подстатей калькуляции в ООО «Монолит Плюс» выделяют следующие:

- содержание рабочих машин и механизмов;
- амортизация оборудования и строительной техники;
- аренда рабочих машин, оборудования и строительной техники;
- затраты на страхование законченного или незаконченного строительного объекта.

ООО «Монолит Плюс» использует метод учёта затрат в виде сокращенной себестоимости или метод «директ-костинг». В основе его применения лежит распределение затрат в зависимости от изменения в связи с изменением/не изменением объемов основной деятельности – на постоянные и переменные. Данный метод предполагает, что напрямую в себестоимость СМР относят только переменные затраты (материалы, оплата труда сдельщиков – каменщики, маляры, штукатуры, крановщики и другие). При этом, постоянные расходы (амортизация, оплата труда повременщиков и окладников, прочий расход материалов, другие прочие расходы) не относят при калькулировании на себестоимость СМР, а сразу списываются на счет 90 «Продажи».

В ООО «Монолит Плюс» для учёта затрат и калькулирования себестоимости СМР в разрезе экономических элементов и калькуляционных статей применяется счёт 20 «Основное производство» (активный, калькуляционный).

Дебетовый остаток по счету 20 «Основное производство» показывает остаток незавершенных СМР (начатых, но не законченных в отчетном периоде). Дебетовый оборот по данному счету отражает совокупность затрат на осуществление СМР ООО «Монолит Плюс» в отчетном месяце, а по кредиту счета – сданные объемы СМР, списанные на счет 90 «Продажи», субсчет «Себестоимость продаж».

Для определения стоимости сданных объемов СМР необходимо использовать следующее правило: объем законченных и сданных СМР = = незавершенный объем СМР на начало периода + сумма осуществленных затрат за период – незавершенный объем СМР на конец периода.

В процессе осуществления строительной деятельности имеют место управленческие расходы, которые в ООО «Монолит Плюс» учитывают на счёте 26 «Общехозяйственные расходы» (активный, собирательно-распределительный). Данные расходы косвенные, условно-постоянные и предназначены для отражения и контроля расходов по обслуживанию строительной деятельности и управления ею. Основной критерий их возникновения в ООО «Монолит Плюс» – попадание в смету расходов и точный контроль за ее выполнением.

Возникающие расходы по осуществлению СМР отражаются в учете ООО «Монолит Плюс» с использованием следующих корреспонденций счетов:

- Дебет: 20 «Основное производство», 26 «Общехозяйственные расходы»

- Кредит: 02 «Амортизация основных средств», 10 «Материалы», 68 «Расчеты по налогам и сборам», 69 «Расчеты по социальному страхованию и обеспечению», 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда» и других.

В итоговом варианте, себестоимость СМР формируется в ООО «Монолит Плюс» на счете 20 «Основное производство» в разрезе элементов затрат и статей калькуляции. Поскольку организация применяет метод «директ-костинг», то часть косвенных расходов со счета 26 «Общехозяйственные расходы» сразу переходит на счет 90 «Продажи», тем самым образуется усеченная себестоимость.

Таким образом, строительные организации, в частности, ООО «Монолит Плюс» имеют ряд особенностей в организации учета затрат и калькулирования себестоимости, в частности:

- специфичные статьи калькуляции, характерные именно для строительной отрасли;
- для учета данного направления используются два основных счета: 20 «Основное производство» и 26 «Общехозяйственные расходы».

В заключении отметим, что учёт затрат на производство СМР – это сложный процесс, требующий постоянного контроля и непосредственно влияющий на финансовый результат деятельности предприятия.

Список литературы

1. Федеральный закон «О бухгалтерском учёте» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 50. - Ст. 7344.
2. Бабаев Ю.А. Теория бухгалтерского учета: Учебник. – М.: Проспект, 2016. – 255 с.
3. Иневатова О.А., Шилова В.Р. Затраты на производство: сущность понятия и его отличительные особенности // Молодой ученый. – 2016. – № 30. – С. 205-208.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

ОХРИМЕНКО Ярослав Вячеславович,
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: yaroslavo01@yandex.ru

БОДУНОВА Ольга Георгиевна,
доцент кафедры теории права и гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.Д. СПАСОВИЧА

Аннотация. *Анализируется жизненный, творческий и профессиональный путь выдающегося российского адвоката и теоретика права Владимира Даниловича Спасовича. Отмечается, что своими прогрессивными взглядами В.Д. Спасович оказал существенное влияние на развитие правовой мысли в России и мире.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *В.Д. Спасович; адвокатская деятельность; Российская империя; судебный оратор; уголовное право.*

OHKRIMENKO Ya.V.
BODUNOVA O.G.

THE LEGAL LEGACY OF V.D. SPASOVICH

The summary. *The life, creative and professional path of the outstanding Russian lawyer and law theorist Vladimir Danilovich Spasovich is analyzed. It is noted that his progressive views V.D. Spasovich had a significant influence on the development of legal thought in Russia and the world.*

It is published in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *V.D. Spasovic; advocacy; russian empire; judicial speaker; criminal law.*

Время неизбежно течет вперед, все меняется, поэтому человечеству постоянно приходится совершенствоваться во всем. И юриспруденция не исключение, ведь право является неотъемлемой частью нашего повседневного уклада, вся наша жизнь, все взаимоотношения так или иначе регулируются правом, такая тесная связь юриспруденции с нашей повседневностью заставляет постоянно развивать и совершенствовать наши правовые институты, а занимаются этим выдающиеся умы своей эпохи, ведь не каждому под силу совершенствовать юридическую мысль.

Одним из таких выдающихся умов был Владимир Данилович Спасович. Уроженец Минской губернии, 1829 года рождения. В 1951 защитил магистерскую диссертацию по кафедре международного права, правда, работать он пошел чиновником в палате уголовного права. А после увольнения из этой палаты, по рекомендации К.Д. Кавелина, с которым был хорошо знаком, занял кафедру уголовного права в Петербургском университете.

Однако не профессорской должностью знаменит Владимир Данилович, известен он тем, что был гениальным теоретиком права и процесса. Это утверждение справедливо хотя бы потому что отдельные положения диссертации Спасовича «О правах нейтрального флага и нейтрального груза» использовались в Парижской декларации 1856 о праве морской войны. Но это тоже не главное, а одним из главных его достижений является создание в 1863 году учебника по уголовному праву, который в дальнейшем назвали лучшим в своем времени [28, стр. 5], а автора – первым представителем русского уголовного права как науки в собственном смысле этого понятия. Этот учебник стал первым учебником уголовного права, оказавшим заметное влияние как на доктрину, так и на законодательство второй половины XIX, а также XX и XXI веков.

А.Ф. Кони отмечал: «Учебник, своею новизною и смелым выражением убеждений автора взволновал представителей рутинных взглядов на уголовное право и вызвал в печати нападки, далеко не всегда стоявшие на исключительно научной почве» [13, стр. 112].

В своем учебнике В.Д. Спасович впервые сделал попытку определить два важнейших взаимосвязанных процесса: индивидуализацию наказания и дифференциацию уголовной ответственности. Так, он отмечал что «…в определении наказания участвуют обыкновенно две власти: законодатель и судья...» и далее, в отделении 1 «… участие законодателя при определении наказания», ученый устанавливает особенности дифференциации уголовной ответственности, а в отделении 2 «…участие судьи при определении наказания» устанавливает особенности индивидуализации наказания.

Владимир Данилович четко подметил сущность именно процесса дифференциации уголовной ответственности, он указывает: «… Законодатель полагает наказание, имея в виду одно только дело преступное, он должен заключить его в такие пределы, чтобы оно соответствовало преступлению и при весьма малом и при весьма великом содержании злой воли», Владимир Данилович установил, что «масштаб, которым законодатель измеряет преступления, чисто отвлеченный. Он не имеет в виду лица преступника; он соображает наказание единственно только со свойством и важностью нарушенного права» [33].

Иными словами, В.Д. Спасович первым сделал попытку определить два важнейших взаимосвязанных процесса: индивидуализацию наказания и дифференциацию уголовной ответственности.

Однако смелость мысли этого учебника, как уже было сказано, реакционной профессурой была воспринята в штыки, и в 1864 году по распоряжению самого императора Александра II учебник был запрещен, а В.Д. Спасович не допущен к профессорской должности Казанского университета. Однако, как говорится, все, что ни делается, все к лучшему, так и эта опала подтолкнула Спасовича к адвокатской деятельности, с 1866 года Владимир Данилович стал членом адвокатской коллегии [33].

Став адвокатом, Спасович открылся потомкам с новой стороны, человеком в котором совместились прекрасный оратор и глубокий знаток истории и литературы, этот симбиоз делал из Спасовича прекрасного адвоката. Ко всему прочему он был очень трудолюбив, требователен к себе и всегда готовился к делу крайне основательно.

Стоит сказать, что словом В.Д. Спасович владел мастерски, и хотя его речь не отличалась внешней отделкой, ее сила заключалась в содержании. Спасович очень умело планировал свою речь, тщательно анализировал собранные доказательства и грамотно выстраивал свое

повествование в строгом логическом порядке, расставляя каждое доказательство на свое место, создавая тем самым поразительной убедительности речи.

Современники его называли «королем адвокатуры» и «величайшим русским адвокатом» [5, стр. 336; 3, стр. 615; 6, стр. 2; 14, стр. 7]. Его личность и профессиональная деятельность заставила обратить на себя внимание такого знаменитого русского не только писателя, но и выдающегося философа права [8; 9; 10; 12; 18; 19; 20], как Ф.М. Достоевский. Именно ему принадлежат слова, характеризующие В.Д. Спасовича: «Талант из ряда вон, сила» [7, стр. 57]. Такую оценку дал человек, не выносивший адвокатов.

Большой знаток корпорации присяжных поверенных второй половины XIX – начала XX века в России, созданной весной 1866 г. в интересах дальнейшего развития Судебных реформ 1864 года, посвятивший десятки биографических очерков представителям данной корпорации, доктор исторических наук, профессор Николай Алексеевич Троицкий в своем исследовании «Корифеи русской адвокатуры» дает самую высокую характеристику представителю российской адвокатуры В.Д. Спасовичу.

Ссылаясь на оценку Ф.И. Родичева, который считал В.Д. Спасовича ученым «с неограниченным кругозором» [16], Н.А. Троицкий пишет: «Криминалист и литературовед, историк и философ, доктор права, автор первого в России учебника по уголовному праву, профессор Петербургского университета, Спасович, вступил в адвокатуру, занял в ней первое, «королевское» место и до конца своих дней не уступил его никому» [30, стр. 52].

Показательна и глава другого корифея российской адвокатуры Сергея Аркадьевича Андриевского [31], с которыми он обратился к В.Д. Спасовичу на юбилее адвоката 31 мая 1891 года в связи с 25-летием его адвокатской деятельности: «Как Иисус Навин остановил солнце, так Вы остановили номер первый» [4, стр. 312].

Немногочисленные исследователи жизненного, творческого и профессионального пути Владимира Даниловича единодушно отмечают, что он был человеком огромной эрудиции и огромной глубины знания [1; 2; 11; 15; 17; 21; 22; 23; 32]. Его энциклопедические знания, например, помогли ему полемизировать с медицинскими экспертами, когда он вел дело об убийстве Нины Андреевской [29, стр. 2].

Речь В.Д. Спасовича по делу об убийстве Нины Андреевской или же по Тифлисскому делу, представляет огромный интерес для студента юридического факультета, так как она является наиболее ярким примером того, как должно готовиться адвокату к судебному заседанию. В этом разбирательстве Спасович выступал в роли защитника апелляционной инстанции [24]. Спустя восемь лет адвокат вспомнил по поводу приговора по этому делу: «По Тифлисскому делу не могу доныне отрешиться от глубочайшего убеждения, что оно кончилось печальною ошибкой, что пострадали невинные люди, указанные заблуждающейся народною молвой» [27, стр. 1].

Владимир Данилович начал свою речь с введения, в котором хочется отметить следующие слова: «Если апелляция не мертвый обряд, если апелляционное производство не трата времени, томительная как все, что бесполезно, если слова закона… настоящая, живая правда, то, значат они следующее:…» [27, стр. 589].

Такой изящной формулировкой Спасович обращается к судьям, тем самым как бы прося задуматься над делом, а не ставить приговор заочно, отнесясь к судебному процессу как к простой формальности.

Далее Владимир Данилович обращается к присяжным: «В суде присяжных, судящим более по впечатлению…, человека, только еще обвиняемого…, законом не установлено никакого метода проверки обвинения…, а для избежания увлечений…, служат два средства… По закону, а именно по п. 2 ст.ст. 797 и 892 Устава Уголовного судопроизводства, суд должен мотивировать решение, объяснив его и сопоставив не с иными какими-нибудь данными, а только с представленными к делу доказательствами и уликами». Судьи коронные в таких предварениях и присягах не нуждаются, указывал он [27, стр. 590].

В.Д. Спасович предусмотрел даже необходимость рассказать присяжным, как вообще должно выносить вердикт, и говорит им это так, как будто просто взывает к их совести, иными словами делает это так, что не создается ощущения того, что он тыкает пальцем в их безграмотность.

А вот основную часть В.Д. Спасович открывает, как он сам это называет, тезисом: «Поставив эту дилемму, я разрешаю ее прямо и ставлю как

тезис, который я должен и который я надеюсь доказать…, а именно, что Н. Андреевская, купаясь, утонула, и что в смерти ее никто не виноват.

Чтобы доказать этот тезис, пойдем за трупом Н. Андреевской с того момента, когда он отыскан в Караязе…» [27, стр. 593]. Спасович как будто начинает обрисовывать картину и предлагает всем ее рассмотреть. Поставив таким образом точку отсчета, Спасович воздействует на присяжных, как бы обрисовывая за них картину дела и помогая принять правильное решение. Этот ход подчеркивает Спасовича как отличного адвоката, и еще как психолога, Владимир Данилович не просто приводит доводы в защиту подопечного, свой грамотной подачей он заставляет присяжных поверить в его слова.

Читая речь Спасовича по Тифлисскому делу, с самого начала становится понятно с какой кропотливостью и ответственностью он подходит к своим делам [28, стр. 22-35].

Исследователи творчества и адвокатской деятельности обращают внимание и на другие показательные выступления В.Д. Спасовича. Например, составители сборника «Судебные речи известных русских юристов» Е.М. Ворожейкин предлагает еще речи защитника по делу Дементьева [25] и по делу Овсянникова [26]. А.Г. Звягинцев обращает внимание на речи адвоката: по делу издателя П.В. Щапова; по делу Дмитриевой и Коструго-Карибского, обвиняемых в краже процентных денег и в употреблении средств для изгнания плода; по громкому делу Е. Емельянова, обвиняемого в убийстве (утоплении) своей жены Лукерьи; в деле об убийстве коллежского асессора Чихачева, совершенном штабс-капитаном Непениным; по делу банкира С.Л. Кронеберга, обвиняемого в истязании своей семилетней дочери Марии [11, стр. 102-106].

Проанализировав позиции авторитетного адвоката, А.Г. Звягинцев заключает: «Среди своих коллег Владимир Данилович пользовался неизменным авторитетом. По мнению современников, в конце XIX века Спасович был самой влиятельной фигурой в судебном мире» [11, стр. 107].

Интересно и то, что «громким» делом Кронеберга и речью присяжного поверенного В.Д. Спасовича заинтересовался русский писатель Ф.М. Достоевский. Писатель-философ, представитель философии права (по мнению С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова, а также Р.Ф. Исмагилова) Ф.М. Достоевский написал специальный очерк и поместил его в собственном «Дневнике писателя» в феврале 1876 года, где назвал В.Д. Спасовича «талантливым и честным человеком», Писатель тщательно проанализировал выступление адвоката и пришел к выводу, который сформулировал следующим образом: «Уже с первых слов речи вы чувствуете, что именно дело с талантом из ряда вон, с силой. Г-н Спасович сразу раскрывается весь, и сам же первый указывает присяжным слабую сторону предпринятой им защиты, обнаруживает свое самое слабое место, то, чего он больше всего боится… очень ловко. Искренность необыкновенная… Таким приемом г-н Спасович сразу разбивает лед недоверчивости и хоть одной капелькой, а уж профильтровывает ваше сердце» [7, стр. 57]. Он обратил внимание на глубокое исследование вещественных доказательств адвокатов и умелое использование их в интересах защиты своего подопечного, виртуозное «уничтожение» главного свидетеля обвинения Аграфену Титову, которая, по мнению Ф.М. Достовеского, выступала «наиболее сомнительным лицом» в рассматриваемом деле.

Интересно обращение писателя к заключительной части речи присяжного поверенного, где он отметил «В заключение я позволю себе сказать, что, по моему мнению, все обвинение Кронеберга поставлено совершенно неправильно, т.е. так, что вопросов, которые вам будут предложены, совсем решать нельзя».

Ф.М. Достоевский на указанное заключение прореагировал так: «Вот это Умно; в этом вся суть дела, и от этого вся фальшь дела… но я все-таки восклицаю невольно: да, блестящее установление адвокатура, но почему-то и грустное».

Так великий писатель-философ Ф.М. Достоевский оценивал творчество и профессионализм В.Д. Спасовича.

О личности, творчестве, профессионализме В.Д. Спасовича рассуждали многие хорошо известные современному читателю мыслители и творческие люди нашего Отечества: писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, профессор уголовного и уголовно-процессуального права М.П. Чубинский, великий русский художник И.Е. Репин, признанный историк российского государства В.О. Ключевский, знаменитый

судебно-прокурорский деятель А.Ф. Кони и многие другие.

Подводя итог, можно сказать, что Владимир Данилович Спасович – это самородок своего времени, талантливый юрист, превосходный оратор, своими прогрессивными взглядами повлиявший на развитие правовой мысли в России и мире.

Список литературы

1. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
2. Ананских И.А., Сэруа В.С., Тюленева М.А. Взгляд на сущность акционерных обществ в исторической ретроспективе (на примере трудов В.Д. Спасовича) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 150-156.
3. Андриевский С.А. Драмы жизни. – Пг., 1916. - 650 с.
4. Андриевский С.А. Речь по случаю 25-летия адвокатской деятельности В.Д. Спасовича // С.А. Андриевский. Избранные труды и речи / Сост. И. Потапчук. - Тула : Автограф, 2000. - 422, [1] с. : ил., портр.
5. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Часть 1. – СПб.: Н.К. Мартынов., 1893. - 621 с.
6. Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. – Пг.: Якорь, 1917. - [6], 300 с.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т 22. Дневник писателя за 1876 г. Май-октябрь. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. - 407 с.; 1 л. портр.
8. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
9. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
10. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 17-24.
11. Звягинцев А.Г. Владимир Данилович Спасович (1829-1907) «Король русской адвокатуры» // А.Г. Звягинцев. Роковая Фемида. Драматические судьбы знаменитых российских юристов. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – С. 98-108. – в кн. 448 с.
12. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
13. Кони А.Ф. Владимир Дмитриевич Спасович (1829-1907) // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит., 1968. – С. 110-122. – в кн. 536 с.
14. Крузенберг О.О. О петроградской адвокатской громаде. – Пг.: Юрид. кн. склад «Право», 1916. - 31 с.
15. Малыгина Т.В., Тарасов А.С. Роль В.Д. Спасовича в развитии российской адвокатуры // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 83-88.
16. Родичев Ф.И. В.Д. Спасович // Право. – 1901. – № 23. – С. 11-27.
17. Романовская В.Б., Биюшкина Н.И., Тюленева М.А. Вопросы судоустройства в пореформенной России в сочинениях В.Д. Спасовича // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 31-34.
18. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья // Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»). – С. 10-17.
19. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72-79. – в сб. 256 с.
20. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Ф.М. Достоевский: онтологические и этические основания философии права (рецензия на работу Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: цикл лекций») // Юридическая наука: история и современность.

– 2017. – № 7. – С. 190-197.
21. Скрипилев Е.А. В.Д. Спасович – король русской адвокатуры. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. – 101 с. : портр.
22. Скрипилев Е.А. В.Д. Спасович – «король русской адвокатуры» // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 144-152.
23. Смолярчук В.И. В.Д. Спасович – ученый-юрист, литератор // Сов. государство и право. – 1982. – № 10. – С. 93-99.
24. Спасович В.Д. Дело Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлисское дело) // Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост.: Ворожейкин Е.М.; отв. ред.: Выдря М.М.; предисл. Е. Ворожейкин, М. Выдря. – 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 586-652. – в кн. 871 с.
25. Спасович В.Д. Дело Дементьева // Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост.: Ворожейкин Е.М.; отв. ред.: Выдря М.М.; предисл. Е. Ворожейкин, М. Выдря. – 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 653-662. – в кн. 871 с.
26. Спасович В.Д. Дело Овсянникова // Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост.: Ворожейкин Е.М.; отв. ред.: Выдря М.М.; предисл. Е. Ворожейкин, М. Выдря. – 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 663-694. – в кн. 871 с.
27. Спасович В.Д. Соч. Т. VI. – СПб., 1894.
28. Спасович В.Д. Судебные речи / Вступ. статья Г.М. Резника. – М.: Юрайт, 2019. – (Антология мысли).
29. Судебные речи известных русских юристов: Сборник / М.Н. Бычков. – М.: Госюриздат, 1957.
30. Троицкий Н.А. Владимир Данилович Спасович (1829-1906) // Н.А. Троицкий. Корифеи российской адвокатуры / Под общ. ред. В.А. Благово, С.А. Сапожникова. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 52-80. – в кн. 415 с.
31. Троицкий Н.А. Сергей Аркадьевич Андриевский (1847-1918) // Н.А. Троицкий. Корифеи российской адвокатуры / Под общ. ред. В.А. Благово, С.А. Сапожникова. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 196-218. – в кн. 415 с.
32. Чубинский М.П. Памяти В.Д. Спасовича // Вестник Европы. – 1909. – № 1-2.
33. Шкредова Э.Г. Влияние взглядов В.Д. Спасовича на современное учение и законодательство о множественности преступлений // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Право. – 2006. – № 13. - С 188-190.

СОЛТАНОВ Ризван Расулович,
магистрант кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
E-mail: 21alik@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. *Обращается внимание на то, что органам прокуратуры отведена особая роль в процессе защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Защита прав предпринимателей признается одним из приоритетных направлений прокурорского надзора. Законодатель предоставляет прокурорам широкие полномочия для выявления и пресечения нарушений в сфере защита прав предпринимателей.*

Ключевые слова: *органы прокуратуры; предпринимательская деятельность; прокурорский надзор; защита прав предпринимателей; полномочия прокуроров; соблюдение законов.*

SOLTANOV R.R.

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LAWS IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS

The summary. *The Prosecutor's Office has a special role in the process of protecting the rights and legitimate interests of business entities. Protection of the rights of entrepreneurs is recognized as one of the priorities of prosecutorial supervision. The legislator grants prosecutors broad powers to detect and suppress violations in the sphere of protection of the rights of entrepreneurs.*

Key words: *prosecutor's office; business activity; prosecutor's supervision; protection of the rights of entrepreneurs; powers of prosecutors; compliance with laws.*

Предпринимательскую деятельность стоит признавать в качестве ключа к развитию экономики нашей страны. В связи с чем, наличие благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности является важнейшей задачей в стране. Достижение таких условий возможно только в случае надлежащей законодательной базы и неукоснительного соблюдения норм в сфере предпринимательской деятельности. Поэтому защита прав и законных интересов предпринимателей признавалась во все времена актуальным направлением в деятельности государственных органов и публичной власти [10; 17; 25; 26; 27; 28; 29].

Существенная роль в вопросе защиты прав предпринимателей отведена деятельности органов прокуратуры. Прокуратура Российской Федерации в рамках надзора за осуществлением предпринимательской деятельности наделена широким кругом полномочий в сравнении с уголовно-правовой сферой [6; 13; 14; 15; 16; 24]. К сожалению, в современной России отсутствует качественная юридическая среда по защите предпринимательства. Угроз для предпринимательства невероятное множество – это и рейдерские захваты, и государственное вмешательство в

бизнес, в том числе путем издания нормативно-правовых актов, ущемляющих права представителей бизнеса. Отсюда идет и рост коррупции, и дискредитация сотрудников судов и правоохранительных органов, и искажение гражданского самосознания, и спад производства. В современной Россия обозначенная проблема недостаточно изучена, хотя в последнее время интерес к ней, как и в целом к бизнесу, возрос с точки зрения прокурорско-надзорного права1.

В ежегодных посланиях Президента РФ Совету Федерации особое внимание уделялось как раз вопросам ограничения контроля со стороны государственных органов за предпринимательской деятельностью. Ввиду этого в структуре прокуратуры создано специальное управление, занимающееся надзором за соблюдение прав предпринимателей.

Прокурорской надзор в предпринимательской сфере носит универсальный характер, то есть фактически, с одной стороны, это надзор за соблюдением законодательства, а с другой стороны, это надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [8; 9; 11; 22; 23; 30; 32]. Общий порядок прокурорского надзора существует в сфере надзора за законностью обеспечения предпринимательской деятельности [12]. Инициативный надзор со стороны прокуратуры действует в целях обеспечения законного правового положения предпринимателей.

Закон «О прокуратуре Российской Федерации» [2] надзор в сфере предпринимательской деятельности относит к надзору за публичным регулированием и охраной предпринимательской деятельности. Правовое регулирование прокурорского надзора в сфере предпринимательской деятельности осуществляется Приказом Генерального прокурора «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» [5].

В качестве основных направлений прокурорского надзора в сфере защиты прав предпринимателей стоит признать следующие [20].

Российская прокуратура осуществляет надзор за государственными органами в целях ликвидации административных барьеров предпринимательской деятельности. Заметим, что прокурорский надзор в данной сфере за последнее время достаточно эффективен. Так, например, на законодательном уровне введен трехлетний мораторий на осуществление плановых проверок в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства. С данной целью был создан единый учет субъектов малого предпринимательства в рамках «Единого реестра проверок». Безусловно, принятие таких мер стоит рассматривать одним шагом к повышению защищенности прав и законных интересов предпринимателей.

Кроме того, особый вклад органами прокуратуры в защищенность сферы предпринимательства был внесен в связи с подготовкой дополнений в административное законодательство. В частности, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены дополнения – включение новой нормы – ст. 4.1.1 [1]. Особое внимание уделялось вопросам дифференциации административных штрафов.

В рамках прокурорского надзора особое внимание уделяется вопросам соблюдения законодательства о предпринимательской деятельности. Например, в соответствии с Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и законных предпринимателей при осуществлении государственного (контроля) и муниципального контроля» [4] органы прокуратуры осуществляют формирование сводного плана проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В процессе формирования контрольных мероприятий, прокуратура добивается совмещения всех контрольных мероприятий в отношении одного и того же субъекта хозяйственной деятельности. Практика свидетельствует, что проведение внеплановой проверки в отношении субъекта предпринимательской деятельности также стало достаточно сложно. Законодатель устанавливает обязанность для контролирующих лиц согласовывать необходимость проведения внеплановых проверок (за исключением проверок выполнения ранее выданных предписаний) с органами прокуратуры. При этом в процессе анализа представленных материалов органы прокуратуры отказывают в согласовании проведения такой проверки, в виду отсутствия обоснованности и целесообразности ее проведения. Благодаря деятельности прокуратуры давление на бизнес действительно снижено, количество проводимых проверок в отношении субъектов хозяйственной деятельности значительно снизилось. Прокурорский надзор в сфере защиты прав предпринимателей оказывает предпочтение исполнению Федерального закона «О

развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [3].

Особое внимание при осуществлении прокурорского надзора в сфере защиты прав предпринимателей уделяется законности нормативных актов органов государственной власти, органов местного самоуправления, региональных органов власти. Прокуроры сосредоточены на выявлении и пресечении издания законодательных актов, которые каким – либо образом затрудняют предпринимательскую деятельность, возлагают дополнительные обязанности на субъектов предпринимательской деятельности. Поэтому участие органов прокуратуры в правотворческом процессе органов власти исключает возможность принятия правовых актов, нарушающих права и законные интересы предпринимателей.

Прокурорский надзор осуществляется еще и в сфере предоставления публичных услуг субъектам предпринимательской деятельности. Особенно это касается предоставления лицензионных, разрешительных, регистрационных услуг органами государственной власти и муниципальными образованиями. Такое взаимодействие происходит почти в рамках всех сфер деятельности, начиная с момента государственной регистрации в качестве предпринимателя, а также заканчивая ликвидаций предпринимателя. Особый интерес прокуроры уделяют фактам истребования у предпринимателей дополнительных документов, возложения обязанностей по получению дополнительных согласований. На затягивание сроков административных процедур прокуроры также обращают внимание. Обусловлено это исключением волокиты со стороны государственных органов и органов местного самоуправления, повышения качества работы чиновников и доступности оказываемых последними услуг. Отдельного внимания в большинстве регионов заслужила сфера земельных отношений. В рамках проводимых проверочных мероприятий органами прокуратуры выявлено достаточное количество нарушений прав и интересов предпринимателей. Например, чиновники неправомерно отказывали в предоставлении земельных участков, разрабатывали нормативные акты, которые заведомо ущемляли права предпринимателей. В рамках земельного контроля чиновники зачастую проводят проверочные мероприятия без согласования с органами прокуратуры.

Как показывает практика, благодаря прокурорскому надзору в отдельных регионах начинали реализовываться программы развития малого и среднего предпринимательства. Практика свидетельствует о том, что зачастую предприниматели получают отказ в предоставлении бюджетных средств для реализации тех или иных бюджетных программ в сфере поддержки предпринимательства в нашей стране. В большинстве регионов нашей страны для развития сферы предпринимательства выделяются денежные средства для реализации целевых программ, но бюджетные средства уходят не на указанные цели, а в отдельных случаях, средствах могут фактически похищаться. В выявленных случаях прокуроры возбуждают дела об административных правонарушениях, а также могут направлять данные в следственные органы для возбуждения уголовного дела10.

В целях защиты прав предпринимателей органы прокуратуры могут обращаться в арбитражные суды, но данная процедура имеет ряд сложностей [31]. Основным нерешенным вопросом в данной сфере стоит признавать отсутствие законодательной регламентации относительно положения прокурора в процессе, особенно по отдельным категориям дел (п.1 ст. 52 АПК РФ). Форма участия в арбитражном процессе также не уточняется, в случае если судебный процесс начат по инициативе других лиц.

Серьезную общественную опасность имеют рейдерские захваты, поэтому органы прокуратуры и самостоятельно, и за счет координации усилий других правоохранительных структур принимают меры для недопущения этих фактов и привлечения к ответственности виновных в таких преступлениях лиц.

В целом стоит отметить, что расширение полномочий прокуроров в сфере предпринимательской деятельности в сфере согласования проведения плановых и внеплановых проверок способствовало формированию эффективной системы охраны прав субъектов предпринимательской деятельности. Целесообразно продолжать совершенствовать прокурорский надзор за осуществлением предпринимательской деятельности, но при этом не забывать, что прокурорский надзор не должен подменять полномочия органов государственной власти или органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2019.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 22.12.2014) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
3. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
4. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6249.
5. Приказ Генпрокуратуры России от 31.03.2008 № 53 (ред. от 05.12.2017) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» // http://www.alppp.ru/law/prokuratura--organy-yusticii--advokatura--notariat/2/prikaz-genprokuratury-rf-ot-31-03-2008--53.html
6. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Михальчук Ю.П. Прокурорский надзор: Учебно-методическое пособие (в схемах и определениях) / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 196 с.
7. Асвойнов Д.А. Прокурорский надзор как гарант юридической защиты в сфере предпринимательской деятельности // Universum: Экономика и юриспруденция: электронный научный журнал. – 2018. – № 1.
8. Бастрыкин А. Защита прав граждан в работе СК РФ // Защита и безопасность. – 2019. – № 2. – С. 26-29.
9. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. - 592 с.
10. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Андрейцо С.Ю. Эффективность правозащитной функции органов муниципальной власти: пути обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 79-90.
11. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
12. Бут Н.Д. Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав предпринимателей // Вестник Академии. – 2017. – № 2. – С. 127-131.
13. Гельдибаев М.Х. Прокурорский надзор: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2018. – 209 с.
14. Голубовский В.Ю., Рохлин В.И., Уткин Н.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. – 156 с.
15. Данилова Н.А., Кондрат И.Н., Гурбанов А.Г. Прокурорский надзор, банковская деятельность, права граждан // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 80-85.
16. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Основы организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 137-148.
17. Исмагилов Р.Ф. Состояние и самочувствие малого и среднего бизнеса – вопрос национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 97-102.
18. Каинов А.С. Место и роль прокуратуры в функционировании институтов гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2018. – № 1. – С. 82-83.
19. Калинин В.Н., Стрельникова Н.Н. Прокурорский надзор в системе защиты прав и законных интересов предпринимателей // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2018. – № 2(7). – С. 48-58.
20. Кобзарев Ф.М. Защита прав предпринимателей средствами прокурорского надзора: состояние и направления совершенствования // Вестник Академии. – 2018. – № 1. – С. 80-85.
21. Мариничева А.Ю. Прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. - С. 122-125.
22. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
23. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
24. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е.В. Быкова и др.; под общ. ред. А.Н. Савенкова. – 3-е изд. – М.: Дашков и К°, 2012. – 453 с. (Высшее образование).
25. Роженцев С.В., Числов А.И. Малое и среднее предпринимательство: проблемы правовой охраны: Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2014. – 228 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
26. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса:

проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
27. Роженцев С.В., Числов А.И. Проблемы правовой охраны малого и среднего бизнеса: некоторые итоги размышления // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 98-108.
28. Роженцев С.В., Числов А.И. Субъекты малого и среднего бизнеса, их интересы и правовая охрана // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 81-94.
29. Русских А.Ю. Предпринимательский климат в России: современные проблемы малого и среднего бизнеса // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 92-98.
30. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
31. Чупина А.М. Проблемные вопросы судебной защиты прав предпринимателей // Юридический факт. – 2018. – № 31. – С. 3-5.
32. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

МОИСЕЕВА Екатерина Сергеевна,
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: moiseevaes@mail.ru

ЛАТЫШЕВА Наталья Аркадьевна,
доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: szf_rap@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВ ЕВГЕНИЯ НИКИТИЧА ТАРНОВСКОГО НА РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. *Рассматривается жизнь и деятельность выдающегося специалиста в области отечественной судебной статистики XIX века Евгения Никитича Тарновского. Отмечается, что значение его трудов не может быть ограничено временем пореформенного судопроизводства; он, по сути, создал систему достоверных фактов о состоянии российского общества рубежа XIX – XX веков посредством анализа правоприменительной деятельности новых судов.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *Е.Н. Тарновский; судебная статистика; уголовная статистика; правоприменительная деятельность; Судебная реформа XIX века; пореформенные суды.*

MOISEEVA E.S.
LATYSHEVA N.A.

INFLUENCE OF EVGENY NIKITICH TARNOVSKY'S WORKS ON THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC JUDICIAL STATISTICS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

The summary. *The life and work of Evgeny Nikitich Tarnovsky, an outstanding expert in the field of domestic forensic statistics of the 19th century, is considered. It is noted that the value of his work cannot be limited by the time of the reformed proceedings; in fact, it created a system of reliable facts about the state of Russian society at the turn of the 19th and 20th centuries by analysing the enforcement activities of the new courts.*

It is published in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *E.N. Tarnovsky; Forensic statistics; Criminal statistics; Law enforcement; 19th-century judicial reform; reformed courts.*

Именитые учёные, прославившие отечественную юриспруденцию, по-разному оценивали свершившиеся Высшей волей 20 ноября 1864 года события. С множественными восторженными оценками произошедших коренных преобразований соседствовали выводы о весьма сомнительных достижениях судебной реформы. Иосиф Владимирович Гессен был убеждён, что новый суд «вошёл в государственный механизм инородным телом» [5, стр. 142]. Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев в первые годы XX века зафиксировал момент окончания «судебной реформы, в которой была поставлена точка» [14, стр. 397]. Отдавший всю свою жизнь развитию пореформенного правосудия Анатолий Фёдорович Кони, критикуя министра юстиции Николая Валериановича Муравьева за «подкапывание под устои нового суда», пришёл к заключению об определяющем значении изменений первоначальных текстов судебных уставов 1864 года для превращения судов в элемент «политического влияния» [12, стр. 380, 390; 13, стр. 269].

Интересные подходы к оценке Судебной реформы 1864 г. в России наблюдаются и в современном Отечестве [1; 2; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 16; 18; 19; 20; 34].

Своё понимание развития отечественного судоустройства имелось и у Евгения Никитича Тарновского (1859-1936). Он был первым и единственным юристом России, который всесторонне проанализировал применение Учреждений судебных установлений и Уставов 1864 года в числах, пропорциях, процентах и отношениях, в том числе в условиях изменения законодательства периода, получившего название «контрреформирования» [17, стр. 105]. Свои выводы учёный основывал на реализации математических законов и общих методов статистики в ходе исследования пореформенного правоприменения, чем обеспечил беспрецедентный качественный скачок в развитии судебной статистики второй половины XIX – начала XX века. Имя Тарновского, вероятно, намеренно долгое время целенаправленно вычёркивалось из истории отечественного государства и права. Однако само содержание его аналитических выводов исключило и малейшую вероятность забвения его трудов.

Обнаруженных в архивах биографических сведений о Тарновском на сегодняшний день не так много. К сожалению, мы не можем воспроизвести даже его фотографический образ. Но интереснейший материал, представленный в специализированных юридических журналах империи конца XIX – начала XX века, образует бесценное содержание разностороннего историко-правового материала, оставленного нам Тарновским.

Год рождения учёного – 1859. Год смерти, предположительно – 1936. Его политические взгляды коррелировали духу времени перемен, активным участником которого он стал. Тарновский разработал собственную концепцию свободы, состоящую из четырёх основных составляющих: личную свободу, свободу собраний и союзов, свободу совести и свободу печати [33]. Пик активности Евгения Никитича в сфере исследования нового правосудия в его количественном выражении пришёлся на тот период, когда он исполнял обязанности по должности начальника Статистического отдела Министерства юстиции Российской империи и являлся профессором специальной статистики Статистических курсов. Профессиональный долг в полной мере совпал с его жизненным кредо. Всю свою научную деятельность он посвятил изучению уголовной статистики и выработке новых методов сбора статистических данных и их анализа, выходя за рамки своего профессионального функционала, беззаветно отдавая всего себя широкому разнообразию количественно-качественных единиц в правоприменении.

В 1897 году была опубликована работа Евгения Никитича на тему «Уменьшение преступности в Англии за 1876–1895 годы» [32, стр. 64], что само по себе явилось ярчайшим событием в истории отечественной судебной статистики, заключающимся в появлении полноценного историко-правового статистического обобщения, эмпирическим материалом для которого стало первичное наблюдение, осуществлённое в иностранных государствах. Исследуя содержание данной проблематики, ему удалось установить, что преступность в Англии падала из года в год, несмотря на повышение преступности в странах-соседях: Франции и Германии. В ходе своих рассуждений, он выявил ряд причин, которые могли бы объяснить подобное явление в Англии. Среди них:

1) «Повышение уровня жизни». Он отмечает, что по общему правилу, уровень преступности выше в городах, нежели сельских поселениях,

т.к. первые являются местом проживания безземельных, нищих людей. Однако в Англии, вследствие активной урбанизации и технико-промышленного прогресса, большая часть населения проживает в городах, что входит в противоречие с названным правилом и не объясняет снижение уровня преступности. Евгений Никитич выдвинул предположение, что высокий уровень продовольствия и оплаты труда, а также развитие промышленности и увеличение рабочего класса изменяют структуру общества на более стабильную систему. То есть повышение уровня жизни населения становится движущим фактором для уменьшения группы лиц, опасных для общественной безопасности.

2) «Содействие общества в борьбе с преступностью», при условии выделения прямых и косвенных способов предотвращения преступности. К первым относятся «... борьба с алкоголизмом, общества патроната, в особенности же система принудительного воспитания порочных, преступных или просто заброшенных детей...», ко вторым «...меры филантропии, попечительства о бедных, а равно различные виды взаимопомощи, чрезвычайно распространенные в Англии...» [32, стр. 76-77].

Наиболее впечатляющими он называет данные об уменьшении преступности среди несовершеннолетних – за 60 лет оно сократилось в 4 раза. Анализ данных судебной статистики зарубежных стран, при использовании сравнительно-правовых методов познания, доказывал общность многих динамических рядов в российских трендах. В 1899 году Тарновский представил на обсуждение юридического сообщества исследование о преступности малолетних и несовершеннолетних в России [26, стр. 6-23]. Чтобы оценить масштаб проделанной автором работы, возможно выделить лишь несколько зафиксированных Тарновским выводов:

1) Существует диссонанс в соотношении уровня преступности несовершеннолетних к уровню преступности по аналогичным преступлениям у взрослого населения. Тарновский связывал это с тем, что дети и подростки более остро ощущают и переносят социальное неблагополучие. Как он объяснил данное заключение на основании статистических показателей, в период с 1891 по 1893 гг. за кражу среди несовершеннолетних было осуждено 83%, тогда как среди взрослого населения всего 70%.
2) Необходимо изменить методику расчета числа несовершеннолетних осужденных к общему числу осужденных на расчет, основанный на соотношении несовершеннолетних осужденных к общему числу несовершеннолетних той территории, в рамках которой проходит исчисление.
3) Незначительность использования наказания в виде направления несовершеннолетних преступников в исправительные приюты согласно Уложению о наказаниях 1864 г., что, безусловно, может приводить только к отрицательным оценкам действительности и необходимости совершенствования данной сферы правоприменения.

Наиболее ярко территориальные особенности в исследовании данных специальной статистики на огромной территории Российской империи зафиксированы в его работе «Движение главнейших видов преступности в двенадцати естественных районах европейской России» [24]. Он предложил собственную систему деления европейской территории России для организации судебно-статистического анализа: Царство Польское, Приволжская область, Юго-Западный край, Волжско-Камский район, Петербургский район, Черноземный район, Московский промышленный район, Северо-Западный край, Малороссия, Новороссия. Период исследования определил 1884 и 1900 годы. Новаторство данной системы заключалось в том, что помимо географических факторов, Е.Н. Тарновский использовал и социально-экономические. На основе данной идеи базировался широкий спектр заключений в иных его работах. К примеру, в условиях аграрного характера экономики в империи, им был сделан вывод о прямой связи между сельскохозяйственными кризисами и количеством имущественных преступлений – главным образом, краж [21]. Анализируя показатели судимости в Европейской России за 1889 – 1893 гг. он пришёл к заключению о том, что 80% осуждённых имели доход от хлебопашества [25, стр. 186].

Некоторые, активно применяемые и в современном ведомственном статистическом наблюдении показатели, были внедрены в практику судебной деятельности именно Е.Н. Тарновским. Наиболее ярко данные новации зафиксированы в «Итогах русской уголовной статистики за 20

лет (1874 – 1894 гг.)», изданной в 1899 году [25], представляющий собой колоссальный труд монографического характера. Среди новейших статистических группировок Тарновским были использованы следующие наименования:«разрешено с участием присяжных заседателей» – «разрешено без участия присяжных заседателей»; «процент приговоров окружных судов, обжалованных сторонами»,«сведения об оправданных и освобождённых от суда по приговорам судебных мест», «отношение количества оправданных и осуждённых» и другие. «Итоги русской уголовной статистики» заключали в себе статистические данные всех судебных инстанций: от судебных следователей до Кассационного департамента Правительствующего Сената. Тарновский, в частности, установил постепенное «возрастание обременённости членов окружных судов», основываясь на следующих итоговых суммах: «на одного члена окружного суда в уголовном отделении приходилось в 1874 – 1878 гг.– 269 дел; в 1879 – 1883 гг. – 291 дело; 1884 – 1888 гг. – 332 дела; 1889 – 1893 гг. – 369 дел» [25, стр. 44]. Исследуя сроки рассмотрения судебных дел, Тарновский констатировал: «С наибольшей скоростью оканчиваются дела по Петербургскому и Московскому округах, в наименьшей – по Саратовскому и Харьковскому» [25, стр. 45]. Он также, посредством впервые осуществлённой сводки и группировки данных, доказал: «Судебными палатами в апелляционном порядке изменяется только третья часть из числа обжалованных приговоров окружных судов, а две трети этого числа утверждаются» [25, стр. 47].

Сам Евгений Никитич не считал судебную статистику наукой. Во второй половине XIX века она представляла, по его мнению, лишь специальный правовой метод исследования [27, стр. 4-5]. Однако, безусловно принимая во внимание мнение учёного, именно благодаря его беззаветной деятельности по обработке первичного статистического наблюдения и разработке системы научных понятий, методов обработки широчайшего эмпирического материала, позволили состояться ей как науке. Тарновский не питал иллюзий о качестве анализируемого первичного статистического материала и недостаточности его полноты для осуществления объективных оценок. Такой вывод, в частности, был сделан учёным на основе отсутствия данных о судопроизводстве у земских начальников, которые не предоставляли сведения в Министерство юстиции. Примером такого несоответствия являлась, по его мнению, статистическая группировка «солдатских детей», которая фиксируется в отчётах исправительных учреждений, в то время как в статистическом своде по уголовным делам отсутствует. Свою позицию Тарновский доказал посредством формирования таблицы «Сословный состав осуждённых и воспитанников приютов за 1893-1896 гг.», открыто поднимая вопрос о необходимости единообразия всей системы статистического анализа [15, стр. 35]. Тарновский обращал внимание на проблемы несоответствия данных в отчётах различных ведомств. Как он считал, отсутствие единой формы и порядка приводила к дроблению социальных групп по усмотрению каждого органа, предоставляющего статистические отчёты. Как представляется, такие выводы стали предпосылкой для их дальнейшего развития в трудах М.Н. Гернета, А.А. Герцензона [4] и постановки проблемы единого учёта преступлений. При этом Е.Н. Тарновский, следуя сформулированным им «Четырём свободам», всегда был сторонником принципа гласности количественных показателей отправляемого правосудия.

После событий 1917 – 1918 годов Евгений Никитич Тарновский не отказался от продолжения своей работы, будучи глубоко уверенным, что должен быть полезен своему отечеству как специалист. Его дальнейшие деятельность в Народном комиссариате юстиции РСФСР также характеризовалась полной самоотдачей и постоянным поиском истины. В этот период, в частности, учёным был сделан вывод о том, что о недостатках судебной системы нельзя судить по отдельным, вырванным из общей массы ошибочным или несправедливым приговорам. Он настаивал, что делать выводы необходимо на основе статистических показателей тех категорий, которые подаются количественному, массовому наблюдению [28].

Значение трудов Тарновского не может быть ограничено временем пореформенного судопроизводства. Он, по сути, создал систему достоверных фактов о состоянии российского общества рубежа XIX – XX веков посредством анализа правоприменительной деятельности новых судов. Появляющиеся в настоящее время оценки личности Евгения Никитича Тарновского по праву характеризуют его как выдающегося

представителя данного научного направления» [3, стр. 1363]. Действительно, труды Тарновского впечатляют своими масштабами, учитывая ручную обработку первичных данных и невысокий уровень технического сопровождения данной работы. Многогранность его исследований завораживает даже обобщающими выводами в своих названиях: «Влияние войн на движение преступности» (1915 г.), «Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России» (1898 г.), «Статистические сведения об осуждённых за государственные преступления в 1905-1912 гг.» (1915 г.), «Статистика преступности лиц дворянского сословия» (1900 г.), «Движение некоторых видов преступлений за 1895-1900 гг. в связи с введением винной монополии» (1902 г.) [21; 22; 23; 29; 30; 31] и так далее. Евгений Никитич Тарновский вошёл в плеяду тех деятелей в сфере юриспруденции и государственного управления, которые сами стали частью эпохи судебно-правовых реформ второй половины XIX – начала XX века, а также достоянием нашей истории и гордостью юридической науки.

Список литературы

1. Ананских И.А., Сальников С.П., Туков С.В. Д.В. Стасов и судебная реформа // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 155-162.
2. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
3. Бахарев Д.В. Закономерности формирования территориальных различий преступности в трудах Е.Н. Тарновского (к 155-летию со дня рождения крупнейшего представителя отечественной уголовной статистики) // Политика и Общество. – 2014. – № 11. – С. 1353-1365.
4. Герцензон А.А. О едином учёте преступлений и наказаний. Сокращённая стенограмма доклада в институте уголовной политики // Социалистическая законность. – 1936. – № 6.
5. Гессен И. Судебная реформа. – СПб.: Типолитогр. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. – 276 с.
6. Горячева Е.А. Роль судебной реформы 1864 года в становлении заключения прокурора в гражданских делах // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 78-80.
7. Емелин С.М. Судебная реформа 1864 года и ее влияние на деятельность полиции в Российской империи в конце XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 32-36.
8. Иванова Н.М., Караваев Г.А. А.Ф. Кони как родоначальник российской судебной риторики во времена проведения реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 19-23.
9. К 150-летию судебной реформы в России: законодательная политика по совершенствованию судебной системы – история и современность: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2014 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 264 с.
10. Ковалев В.А., Тетерина А.А. К.П. Победоносцев и его отношение к Судебной реформе 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 43-48.
11. Кондрат И.Н. Судебная реформа 1864 года и уголовная политика России // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 88-92.
12. Кони А.Ф. Присяжные заседатели // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит, 1966. – С. 331-391.
13. Кони А.Ф. Триумвиры // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Том 2 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит, 1966. – С. 253-328.
14. Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня, 1898-1903: Статьи, рефераты, доклады и речи. – СПб.: Общественная польза, 1904. – [2], IV, [1], 429 с.
15. Латышева Н.А. История отечественной судебной статистики: Учебное пособие. – СПб.: РГУП. 2019. – 268 с.
16. Макаренко М.А. Государственный обвинитель в свете Судебной реформы 1864 года: история и современность // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 159-167.
17. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 1999. – 254 с.
18. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к

150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
19. Романовская В.Б., Биюшкина Н.И., Тюленева М.А. Вопросы судоустройства в пореформенной России в сочинениях В.Д. Спасовича // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 31-34.
20. Тарасов А.С., Яблокова М.А. Стояновский Николай Иванович и его вклад в Судебную реформу второй половины XIX – начала XX века: законодательная и правоприменительная деятельность // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 78-82.
21. Тарновский Е.Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журнал Министерства юстиции. – 1898. – № 8. – С. 73-106.
22. Тарновский Е.Н. Война и движение преступности в 1911 – 1916 г.г.: Январь – апрель // Сборник статей по пролетарской революции и праву: Январь – апрель. – Петроград: Изд-во Наркомюста, 1918. – № 1-4. – С. 100-122.
23. Тарновский Е.Н. Движение некоторых видов преступности за 1895-1900 г.г. в связи с введением винной монополии: (Докл. Комис. по вопр. об алкоголизме 7 нояб. 1901 г.). – СПб.: тип. П.П. Сойкина, ценз. 1902. – 16 с.
24. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874 – 94 гг. // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 3. – С. 115–143.
25. Тарновский Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894 гг.). – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1899. – [2], IV, VI, 407 с., 6 л. диагр., карт.
26. Тарновский Е.Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 9. – С. 1-42.
27. Тарновский Е.Н. Применение статистического метода в области статистической методологии // Журнал Министерства юстиции. – 1916. – № 8. – С. 1-23.
28. Тарновский Е.Н. Статистика наказаний, наложенных народными судами в 1918 году // Вестник статистики. – 1919. – № 8/12.
29. Тарновский Е.Н. Статистика наказаний, наложенных по судебным приговорам (Данные судебной статистики Германии, Австрии, Франции, Бельгии, Англии и России) // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 6 (Июнь). – С. 1-56.
30. Тарновский Е.Н. Статистика преступности лиц дворянского сословия // Вестник Права. – 1900. – № 9 (Ноябрь). – С. 14-41.
31. Тарновский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905 – 1912 г.г. // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 10 (Декабрь). – С. 37-69.
32. Тарновский Е.Н. Уменьшение преступности в Англии за 1876–1895 годы // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – Т. 8. - С. 63-78.
33. Тарновский Е.Н. Четыре свободы. – СПб.: Ф.А. Брокгауз – Е.А. Ефрон, 1906. – 77 с.
34. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

МАДИЕВ Кайрат Сайлауевич,
докторант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова (г. Караганда, Республика Казахстан)
E-mail: Kmadiev@yandex.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. *Рассматривается сущность теорий оперативно-розыскных мероприятий, показана актуальность исследования и отличительные характеристики разделения на общие и специальные ОРМ. Анализируются отличия между общими и специальными оперативно-розыскными мероприятиями, отмечается исключительность специальных оперативно-розыскных мероприятий, занимающих особое место в системе процессуальных доказательств.*

Ключевые слова: *теория оперативно-розыскных мероприятий; специальные ОРМ; принципы ОРМ; уголовно-процессуальное законодательство; Республика Казахстан.*

MADIEV K.S.
ZAKHARTSEV S.I.

THEORETICAL ASPECTS OF THE REGULATION OF SPECIAL OPERATIONAL-SEARCH MEASURES

The summary*. The essence of theories of operational and investigative activities is considered, the relevance of the study and the distinctive characteristics of the division into general and special OPM are shown. Differences between general and special investigative activities are analyzed, and special operational and investigative activities,*

Key words: *theory of operational and investigative activities; special OPM; OPM principles criminal procedure legislation; Republic of Kazakhstan.*

На сегодняшний день исследователи так и не пришли к пониманию сущности теории оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), но никто не будет отрицать, что теория ОРМ в системе науки оперативно-розыскной деятельности (ОРД) занимает особое место. Актуальность работы связана и с необходимостью дальнейшего развития науки оперативно-розыскной деятельности Казахстана, и исходя из того, что количество научных работ по оперативно-розыскным мероприятиям крайне мало, а наука ОРД нуждается в развитии и дальнейшем совершенствований правового регулирования ее деятельности.

Справедливости ради необходимо отметить, что в России и, например, в Таджикистане, дело обстоит несколько иначе. Здесь мы видим значительные труды, посвященные ОРМ [20; 23; 54; 55; 60; 67; 72], при этом нет ни одного мероприятия, предусмотренного в Федеральном законе об ОРД [1], которому не были бы посвящены монографии или диссертации [10; 11; 18; 25; 27; 28; 36; 39; 41; 45; 47; 61], не говоря уже о научных статьях [3; 4; 8; 13; 15; 16; 17; 19; 21; 26; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 38; 40; 42; 44; 48; 51; 52; 56; 57; 59; 68; 69].

В то же время в Республике Казахстан значимость проработки вопросов использования оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе и требования к допустимости полученных результатов дали толчок для углубленного изучения учеными особенностей проведения и правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий. В результате было внесено предложение о введении в уголовное судопроизводство института негласных следственных действий [49, стр. 49].

Для нашего исследования возникает необходимость уяснить специфику негласной оперативно-розыскной деятельности. Поэтому вначале определим, что такое оперативно-розыскная деятельность, из чего она состоит, чем регламентирована и для чего предназначена.

В п. 15 статьи 1 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» приводится следующее определение оперативно-розыскной деятельности:

Оперативно розыскная деятельность (далее ОРД) – это научно обоснованная система гласных и негласных оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий, осуществляемых в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, настоящим Законом, и иными нормативно-правовыми актами Республики Казахстан органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [2].

В определении подчеркивается правовая и научная обоснованность системы гласных и негласных оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий, ограничивается круг субъектов ОРД, указываются цели.

В соответствии с данной нормой оперативно-розыскная деятельность -это прежде всего система мероприятий, осуществляемых специально уполномоченными государственными органами, перечисленными в законе и уполномоченными на их проведение [62, стр. 8].

Отсюда следует, что законодатель указал, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется уполномоченными органами в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными правовыми актами Республики Казахстан. Вместе с тем можно рассматривать оперативно-розыскные мероприятия как основную часть оперативно-розыскной деятельности, посредством которой они и осуществляются. Если следовать этой формулировке, то слово «посредством» в русском языке означает «при помощи чего-нибудь», «каким-нибудь способом» [64, стр. 855].

Так, в частности, в суде используются конкретные результаты оперативно-розыскных мероприятий, а не совокупность всех задач и целей науки оперативно-розыскной деятельности. По нашему мнению, такое понимание оперативно-розыскной деятельности не соответствует ее истинному, фактическому состоянию, поскольку оперативно-розыскная деятельность предполагает более широкое понимание [24, стр. 8-10].

В целом мы разделяем данную позицию и считаем, что Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» включает в оперативно-розыскную деятельность не только проведение оперативно-розыскных мероприятий, но и другие действия: привлечение к конфиденциальному содействию

лиц, создание предприятий, ведения специфической финансовой деятельности и т.д., то есть названные действия являются частями оперативно-розыскной деятельности.

Поскольку оперативно-розыскные мероприятия входят в структуру оперативно-розыскной деятельности, они в соответствии с целями и задачами данной деятельности регламентируются оперативно-розыскным законодательством. В связи с этим на оперативно-розыскные мероприятия полностью распространяются принципы, задачи, правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время развитие оперативно-розыскной науки обуславливается развитием каждого из разделов данной науки. Эти теории являются частными по отношению к общей теории оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем, фундаментальные основы необходимо закладывать в каждой из его частей, вне зависимости от изменения либо дополнения действующего законодательства.

По мнению философской науки, отрыв понятий и других форм, например, юридической науки от философии, чреват опасностью воспроизведения искаженного познавательного процесса, к отрыву мысли от идей и отвлечения от новых актуальных проблем, решения которых постоянно выдвигает общество [6, стр. 138].

Поскольку теория представляет собой систему обобщенных знаний, объяснения тех или иных сторон действительности, образующих науку, то систематизация знаний дает полное отображение и воспроизведение реальной действительности [66, стр. 408], в том числе правовой реальности [7].

Теория оперативно-розыскных мероприятий является частной по отношению к общей (единой) теории оперативно-розыскной деятельности, образующей соответствующую науку. При этом многие ученные полагают, что пока не сформирована единая теория оперативно-розыскных мероприятий, однако имеется большой опыт научной и практической деятельности для познания и эмпирического оформления данной теории, поэтому происходит последовательный процесс изменения одного состояния в другое, более совершенное [64, стр. 1183].

В связи с этим для полной характеристики необходимо исходить из концептуальных положений. Так, в Республики Казахстан в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») в статье 11 оперативно-розыскные мероприятие разделяются на общие и специальные, в отличие от законодательства зарубежных стран (Российской Федерации, Республики Беларусь и Литовской Республики), где такого разделения ОРМ не производится.

Такой подход позволяет ясно подчеркнуть исключительный характер отдельных мероприятий, хотя данное разделение носит скорее условный характер. В ряде случаев специальный особый статус ОРМ следует понимать как наиболее действенный метод достижения цели, например, в раскрытии преступлений.

Для наделения специальным статусом ОРМ законодатель в соответствии с международным стандартом дал четкое понимание ситуации, так как не все ОРМ ограничивают конституционные права граждан. К специальным оперативно-розыскным мероприятием (далее – СОРМ) относятся мероприятия, проведение которых на законных основаниях в той или иной мере может ущемлять определенные права граждан, провозглашенные в Конституции Республики Казахстан. Это такие права, как право на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В пункте 4 статьи 12 Конституции Республики Казахстан говорится, что иностранцы и лица без гражданства пользуются в Казахстане правами и свободами, установленными для граждан.

В связи с этим, прежде чем рассматривать структуру и сущность ОРМ, необходимо дать краткую характеристику отличительных особенностей разделения на общие и специальные ОРМ, для чего будем использовать несколько методов классификации.

Общие оперативно-розыскные мероприятия, в соответствии со ст. 1 п. 11 Закона об ОРД, являются совокупностью связанных единым тактическим, стратегическим замыслом действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленных на решение задач данной деятельности [2]. Это общие задачи, стоящие перед субъектами ОРД.

Общие оперативно-розыскные мероприятия по своей юридической сущности, согласно классификации В.Г. Боброва, можно разделить на две группы. В первую группу включим условия санкционирование и продолжительность проведения

оперативно-розыскного мероприятия, во вторую группу отнесем формы гласности ОРМ.

1. Условия санкционирование ОРМ могут быть:

- не требующими какого-либо санкционирования (опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка и др.);
- требующими ведомственного санкционирования (проверочная закупка и контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен; оперативное внедрение; оперативный эксперимент и др.).

Также в зависимости от продолжительности времени проведение ОРМ могут быть разовыми, такие как опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования и т.д.

2. В зависимости от формы проведения ОРМ могут быть гласными и негласными, осуществляться с зашифровкой их истинной цели и без нее. При гласном проведении таких ОРМ, как правило, не скрывается сам факт их осуществления.

Уточним: для общих оперативно-розыскных мероприятий предполагается как гласное, так и негласное осуществление ОРМ, таких как опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, проверочная закупка, отождествление личности.

Негласное проведение ОРМ предполагает их осуществление втайне от других лиц, в первую очередь проверяемых, разрабатываемых, обвиняемых, их связей и т.д. Негласность таких ОРМ условна. Она может быть относительной. При относительной негласности ОРМ об их проведении не знают только граждане, в отношении которых они осуществляются, а их результаты, полученные втайне от заинтересованных лиц, в дальнейшем могут быть преданы гласности [9, стр. 23-24].

Так, результаты негласно проведенной предварительной оперативной проверки информации с участием граждан и применением видеосъемки, специальных оперативно-технических, а также иных средств, могут быть использованы в уголовном процессе в качестве доказательств по уголовному делу.

Имеются и другие классификаций для общих ОРМ, к примеру:

- по способу проникновения; самыми поверхностными будут считаться сбор образцов для сравнительного исследования и отождествление личности;
- по направленности и характеру могут быть выделены оперативно-поисковые, розыскные, вспомогательные, обеспечивающие и другие ОРМ,
- по субъекту проведения общих ОРМ – допустимы ли любыми сотрудниками оперативных подразделений.

По сочетанию ОРМ между собой их можно разделить на относительно автономные и комплексные. К комплексным можно отнести оперативное внедрение, контролируемую поставку, оперативный эксперимент [63, стр. 234-235]

Также дополнительно в общих ОРМ можно выделить характеризующие элементы. По мнению В.И. Григорьева и В.С. Плетнева оперативно-розыскные мероприятия, это:

1) действия субъектов ОРД в пределах своей компетенции, направленные на решение стоящих перед ними задач;
2) система приемов получения и реализации оперативно значимой информации, а также приемов организационно-тактического характера;
3) действия субъектов ОРД, их структурных подразделений, основанные на использовании оперативно-розыскных сил, средств, методов и приемов, проводимые специально уполномоченным на это должностными лицами.

При этом в качестве признаков ОРМ указанные авторы выделяют:

- наличие тактической цели;
- относительную малочисленность одновременно применяемых сил и средств;
- незначительный масштаб оперативно-розыскных действий, ограниченный конкретным участком ОРД;
- относительную непродолжительность во времени;
- достижение результата, имеющего, как правило, локальное значение [14, стр. 73].

К специальным оперативно-розыскным мероприятием, в соответствии со ст. 1 п. 3 Закона «Об ОРД», относится оперативно-розыскное мероприятие, непосредственно затрагивающее

охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища [2].

Отсюда следует, что специальные оперативно-розыскные мероприятия, если следовать мнению В.Г. Боброва, следует классифицировать прежде всего по двум основным группам. В первую группу необходимо отнести условия санкционирование СОРМ и степень ограничения конституционных прав человека и гражданина. Во вторую включим форму гласности и степени использование технических средств при проведении СОРМ [9, стр. 23-24].

1) Правовые условия санкционирования необходимо рассматривать в двух режимах регламентированных в Законе «Об ОРД» и УПК, требующими санкций прокурора либо следственного судьи. Это такие СОРМ, как: негласный контроль почтовых и иных отправлений; негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; снятие информации с технических каналов связи и др.

Также по степени длительности к специальным ОРМ относятся: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и т.д.

2) Для уточнения подчеркнем, что специальные ОРМ проводятся только негласно и по своей форме могут быть абсолютно негласные о проведении мероприятие осведомлены только оперативники, их осуществляющие, а также лица, действующие по их поручению и непосредственно выполняющие эти мероприятия (к примеру, сотрудники подразделения специальных технических мероприятий и др.) [9, стр. 23-24].

Также такие специальные ОРМ, только проводимые негласно от проверяемых, разрабатываемых и иных лиц, в отношении которых они осуществляются: негласный контроль почтовых и иных отправлений; негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; снятие информации с технических каналов связи.

Для специальных ОРМ возможны и другие виды классификации. По степени проникновения в криминально-криминогенную среду, например, ОРМ можно разделить на глубокие и поверхностные. По этому критерию наиболее потенциально глубокими следует признать негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места, то есть непосредственное наблюдение за действиями лиц, занимающихся уголовно-наказуемыми деяниями.

По интенсивности использования технических средств СОРМ делятся на оперативно-технические и не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания их проведения. К оперативно-техническим относятся такие ОРМ, как негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи, негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

В дополнение к вышесказанному перечислим имеющиеся признаки специальных оперативно-розыскных мероприятий. Наработанный практический опыт позволяет нам выделить их существенные отличительные признаки:

- отличительным признаком специальных оперативно-розыскных мероприятий от других структурных частей оперативно-розыскной деятельности по закону об ОРД, считаются только при наличии оснований и условий проведения мероприятий;
- оперативно-розыскное мероприятие являются составной частью оперативно-розыскной деятельности;
- по субъекту кроме органов и должностных лиц, наделенных специальными полномочиями по Закону об ОРД, никто не вправе проводить специальные оперативно-розыскные мероприятия.
- организация и тактика специальных оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну. Это означает, что приемы, методы, способы и тактика проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий не разглашаются.

Вышерассмотренные отличия между общими и специальными оперативно-розыскными мероприятиями очевидны в первую очередь для значимости наделения мероприятий определенным статусом.

Вначале разберем смысл слова «специальный». Согласно словарю русского языка

С.И. Ожегова, оно означает «особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный, относящий к отдельной отрасли чего-нибудь, присущий той или иной специальности» [64, стр. 1125]. То есть СОРМ понимаются как наделенные особым статусом специальные, исключительные оперативно-розыскные мероприятия, находящиеся выше в формальном плане общих оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с этим для приведения в соответствие с общепринятой терминологий исключительных оперативно-технических мероприятий, наделенных особым статусом, имеющих видимые ограничения конституционных прав человека и гражданина, на наш взгляд необходимо внести изменение в 30 раздел УПК РК. В негласные следственные действия (далее – НСД) необходимо дополнительно ввести термин «специальные негласные следственные действия», в соответствии со ст. 11 Закона «Об ОРД» где имеются разграничения на общие и специальные оперативно-розыскные мероприятия.

Таким образом, оперативно-розыскные мероприятия являются основной формой осуществления оперативно-розыскной деятельности. В свою очередь из совокупности оперативно-розыскных действий можно выделить систему специальных оперативно-розыскных мероприятий.

В соответствии п. 3 ст. 11 специальными оперативно-розыскными мероприятиями являются:

1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;
2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;
3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;
6) негласные проникновение и (или) обследование места.

Организация и тактика проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий, определяются нормативными правовыми актами первых руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по согласованию с Генеральным Прокурором Республики Казахстан [2].

Наряду с понятием «специальные оперативно-розыскные мероприятия» в теории ОРД используются такая форма, как оперативно-розыскная операция.

Оперативно-розыскная операция представляет собой совокупность взаимосвязанных и согласованных по цели, месту и времени оперативно-розыскных мероприятий и отдельных действий, осуществляемых по общему плану, руководимых из единого центра, направленных на решение сложной задачи ОРД.

Признаками оперативно-розыскной операции являются:

- наличие цели стратегического характера (например, парализация преступной деятельности международной террористической организации) или наличие важной тактической цели (например, установление контроля за каналом перевозки наркотиков);
- как правило, сравнительно долговременный характер (в некоторых случаях операции могут быть кратковременными, например операция по захвату преступника с поличным, операция по освобождению заложников);
- задействование существенных сил средств, часто целого ряда органов и подразделений;
- специально созданная на период проведения операции управленческая структура – центр, организующая, контролирующая, координирующая все мероприятия по операции [62, стр. 91].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что оперативно-розыскные мероприятия – это тактически и психологически тонкое и острое оружие, с помощью которого субъект оперативно-розыскной деятельности проникает в замысел преступника и делает тайное явным с тем, чтобы своевременно либо предотвратить, либо раскрыть преступление [12, с. 40-41].

Для более полной характеристики сущности предмета оперативно-розыскных мероприятий и его формирования, необходимо выделить принципы ОРМ в отдельную позицию, так как задачи правового регулирования оперативно-розыскной деятельности полностью распространяются на

оперативно-розыскные мероприятия.

После этого вслед за принципами ОРМ следует рассмотреть сущность оперативно-розыскных мероприятий.

Особое значения в структуре ОРМ занимают принципы. Как считает ряд исследователей, к настоящему времени сложились два направления: конституционные принципы, то есть закрепленные в конституции Республики Казахстан, и иные принципы.

Вначале рассмотрим конституционные принципы как исходные основополагающие правила:

1. Принцип законности (статья 4 Конституции Республики Казахстан), согласно которому необходимо четко следовать правовым основам оперативно-розыскного законодательства. Принцип законности необходимо соблюдать прежде всего при проведении специальных оперативно-розыскных мероприятий, непосредственно ограничивающих конституционные права граждан, основываясь на положениях Конституции, Закона об ОРД и иных подзаконных и нормативных актах. Такой же формулировке придерживался Д.В. Ривман [58, стр. 17]. Отсюда также следует порядок обжалования действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

2. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина [63, с. 30] отражен в статье 12 Конституции Республики Казахстан и статье 3 Закона об оперативно-розыскной деятельности. Этот принцип вытекает из гарантий соблюдения законности проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий, а также через механизм защиты граждан от незаконных действий органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятие. То есть нормы, закрепленные в Конституции, предопределяют соблюдение и уважение прав человека и гражданина для органов, в компетенцию которых входит осуществления оперативно-розыскные мероприятие.

3. Принцип гуманизма, вытекающий из статьи 17 Конституции Республики Казахстан, означает, что проведение специальных оперативно-розыскных мероприятий должно быть человечным, никто не должен повергаться пыткам и насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению [58, стр. 20].

4. Равенство граждан перед законом и судом. Этот принцип вытекает из статьи 14 Конституции Республики Казахстан. При осуществлении оперативно-розыскных мероприятий никто не может повергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или любыми иным обстоятельствам.

К иным принципам относятся те, которые не предусмотрены Конституцией Республики Казахстан:

1. Принцип конспирации, то есть проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий скрытно, не озвучивая организационно-тактических методов и способов, использованные силы и средства. Несоблюдение данного принципа влечет для органов необратимые последствия.

2. Принцип сочетания гласных и негласных методов и средств. Как отмечал Д.В. Ривман, они взаимосвязаны и служат единой эффективной цели [58, стр. 24].

А.Ю. Шумилов выделял дополнительные принципы оперативно-розыскных мероприятий.

- принцип вневедомственного контроля, который означает, что оперативно-розыскная деятельность не должна протекать вне контроля общества и государства;
- принцип оперативности, предполагающий, что оперативные сотрудники должны своевременно проводить оперативно-розыскные мероприятие по предупреждению совершения преступлений. Сотрудники должны действовать наступательно, проявлять инициативу в обнаружении преступлений, своевременно документировать деятельность в делах оперативного учета [58, стр. 134];
- принцип взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия. Это организация взаимодействия оперативных служб между собой, координация деятельности оперативных служб.

Для исследования можно выдвинуть дополнительный принцип научности, который является важным как для практической значимости, так и теоретической разработки проблемы. Реализация данного принципа исходит из того, что научно обоснованные методы, более результативно будут использованы в оперативно-розыскной

деятельности в целом, что во многом будет способствовать совершенствованию процесса проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий.

На основе вышеуказанных структурных элементов формируется теория оперативно-розыскных мероприятий, содержащая идею обобщения имеющихся новых знаний о мероприятиях, познания закономерностей и их дальнейшее практическое применения и развитие.

Для уяснения смысла оперативно-розыскных мероприятий, согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, под словом «мероприятие» понимается «совокупность действий, имеющих целью осуществления чего-нибудь» [64, стр. 530]. В том же словаре слова «оперативный» означает «непосредственно, практически осуществляющий что-нибудь» [64, стр. 685]. Розыск означает предшествующее суду дознание, собирание улик [64, стр. 1023]. То есть понятие оперативно-розыскного мероприятия определяется как непосредственное практическое осуществление розыскных действий по собиранию улик.

Таким образом, в соответствие со статьей 1 Закона «Об ОРД», к понятию ОРМ относится действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в пределах своей компетенции, направленную на решение задач, стоящих перед этими органами. Данное определение в рамках правовой регламентации со временем необходимо дополнять терминами и критериями по имеющимся условиям и основаниям проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий, формированием эмпирической базы для постоянного совершенства теорий оперативно-розыскных мероприятий.

С точки зрения философии и методологии познания [65] целью познания является то, на что направлено познание истины [66, стр. 318]. Эта та часть реальности общественных отношений, которая возникает в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Соответственно объектом оперативно-розыскных мероприятий выступают общественные отношения.

По вопросу теорий оперативно-розыскных мероприятий существует несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным.

К первой группе можно отнести то, что теория ОРМ является частной по отношению к общей (единой) теории оперативно-розыскной деятельности, образующей соответствующую науку. Вместе с тем структура науки оперативно-розыскной деятельности, по мнению ученых Г.К. Синилова, И.А. Климова, входят ряд частных теорий оперативно-розыскной деятельности, одной из которых является теория оперативно-розыскных мероприятий [70, стр. 39].

К данной группе отнесем мнения ученых В.Г. Боброва, В.М. Атамажитова [5, стр. 11] которые справедливо заметили, что сущность оперативно-розыскных мероприятий является основным их звеном, направленным на объективное и всестороннее понимание ОРМ.

В познании сущности оперативно-розыскных мероприятий внес свой вклад ряд ученых, которые понимают оперативно-розыскные мероприятия как методы и способы добывания и проверки информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности, с чем мы согласимся.

По мнению В.М. Мешкова, В.Л. Попова, оперативно-розыскные мероприятия – это составной структурный элемент оперативно-розыскной деятельности, состоящей из системы взаимосвязанных действий, направленных на решение конкретных тактических задач [50, стр. 18].

Исходя из озвученных определений, можно сделать вывод, что оперативно-розыскные мероприятия – это специфические действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в пределах своей компетенции, направленные на решение задач, стоящих перед этими органами, предусмотренных статьей 11 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ко второй точки зрения относится мнения А.Ю. Шумилова, высказавшегося о существовании состава оперативно-розыскных мероприятий, которые включают в себя систему элементов объективного и субъективного свойства, предусмотренных Законом «об ОРД». Эти элементы характеризуются определенным общественно полезным действием субъектов оперативно-розыскной деятельности, а именно самим проведением оперативно-розыскного мероприятия [71, стр. 306].

Предлагается применить такую же позицию как к составу преступления, которое понимается как совокупность установленных законом субъективных и объективных признаков, характеризующих определенное общественное опасное

деяние как конкретное преступление. К объекту относятся общественные отношения, которым причинен вред, объективная сторона внешняя форма проявления деяния. Субъект – это лицо, совершившее деяние, субъективная сторона внутреннего отношения субъекта [43, стр. 28]. На наш взгляд, существование данной системы описания состава оперативно-розыскных мероприятий интересно, но не применимо к специальным оперативно-розыскным мероприятиям.

Также сюда следует отнести мнения ученых А.Ю. Шумилова и В.С. Овчинского о понимании оперативно-розыскных теорий, максимально обобщающих и отражающих специфику явления относительно данных категорий [53, стр. 93]. Это понятие занимает свое место в системе категорий указанной науки.

Из вышеизложенного понимания сущности специального ОРМ можно сделать следующий вывод, что в некоторых элементах рассматриваемы мероприятия отличаются от общих ОРМ тем, что занимают особое место в качестве доказательной базы в досудебной и судебном процессе, имеют исключительные условия и основание, так как непосредственно ограничивают конституционные права, по форме имеют абсолютную негласность при проведений специальных ОРМ. Без использования оперативно-технических средств проведение и реализация СОРМ невозможны, но в тоже время принципы ОРМ распространяются как на общие, так и специальные ОРМ в своей последовательности.

Таким образом:

1. Специальные оперативно-розыскные мероприятия представляют собой основанную на законодательстве систему организационно-тактических мер по раскрытию, розыску и расследованию преступлений.

2. В ходе проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий исключительно во всех из них применяются специальных оперативно-технические средства и методы для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении.

3. Организационно-тактические методы СОРМ должны осуществляется после научного обоснования и практического апробирования, если следовать принципу их научности.

4. Никто, кроме субъектов, указанных в законодательстве, не вправе проводить специальные оперативно-розыскные мероприятия; негласность их проведения определена законом.

Простейшей формой оперативно-розыскной, как и любой другой деятельности человека, являются действие, направленное на решение какой-либо задачи. Целенаправленная совокупность оперативно-розыскных действий образует оперативно-розыскные мероприятия.

Предметом теорий специальных оперативно-розыскных мероприятий выступает закономерность возникновения СОРМ, наличие стратегической цели, наработанный практический опыт в совершенствовании их методов, развитие законодательства для более эффективного применения в двух правовых режимах, регламентированных в УПК РК и в Законе «Об ОРД» как негласных следственных действиях и СОРМ.

Также предмет должен отражать главные, сущностные стороны объективной действительности, то есть закономерности оперативно-розыскной деятельности. Как считает В.А. Лукашов [46, стр. 97], это связано с быстро меняющимся общественно-экономическим преобразованием общества и государства. В этом направлении большую работу провел ряд исследователей [22; 35; 37].

Таким образом, теория специальных оперативно-розыскных мероприятий в развернутом виде является частью теории в общей науке оперативно-розыскной деятельности, представляет собой совокупность обобщенных положений об оперативно-розыскных мероприятиях, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленных на решение задач данной деятельности. Также сюда необходимо включить понятие, виды, принципы, участников, основание и условия, тактику проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий и использование их результатов.

Теоретический анализ источников показывает, что проблема рассматривалось достаточно широко. В тоже время целый ряд вопросов связанных с теорией ОРМ остается малоизученной, однако вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

Наука оперативно-розыскной деятельности состоит из разделов, одним из которых является оперативно-розыскные мероприятия, сами мероприятие образовались с момента образования государства. Появление специальных оперативно-розыскных мероприятий способствовало развитие

технологий, наличие множества способов использование технических приборов в раскрытии и расследований преступлений, что в результате обоснованно послужило формированием и закреплением в Законе об ОРД специальных оперативно-розыскных мероприятий, отдельных от общих ОРМ по степени ограничения конституционных прав граждан.

Как указывалось выше, без применения разработанных методов и средств организационно-тактических мероприятий, в условиях современного мира высоких технологий, появления новых форм преступности, в связи с чем научная и практическая деятельность указывает на необходимость систематизации и формирования специальных оперативно-розыскных мероприятий.

Между тем, в уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан в главе 30 «Негласные следственные действия» не определен такой ключевой термин, как «специальные», что придало бы им в процессуальном плане более высокий статус. Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы внести изменения в главу 30 «Негласные следственные действия» путем введения термина «специальные», разделив негласные следственные действия по особенным основаниям и условиям их проведения, то есть разделить их на специальные негласные следственные действия, непосредственно затрагивающие конституционные права частной жизни человека, и общие негласные следственные действия, не требующие санкционирование специализированного следственного судьи так и прокурора.

В результате этого, по нашему мнению, исключительность специальных оперативно-розыскных мероприятий, занимающих особое место в системе процессуальных доказательств в отличие от общих ОРМ, практически не вызывающих сомнений в достоверности, а также учитывая то, что в судебном и досудебном производстве результаты специальных ОРМ имеют определенный процессуальный вес в качестве доказательственной базы, в значительной степени повышается актуальность рассматриваемого вопроса, что в дальнейшем позволит выработать механизм совершенствования правового регулирование оперативно-розыскной деятельности в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года № 154-XIII // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000
3. Алексанин А.С., Захарцев С.И. Введено новое оперативно-розыскное мероприятие: «получение компьютерной информации» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 145-149.
4. Алексанин А.С., Захарцев С.И. Права человека и оперативно-розыскное мероприятие, связанное с получением компьютерной информации // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 131-137.
5. Атамажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. – М.: Издатель Шумилов И.И., 2003. – 24 с.
6. Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. Для слушателей школ основ марксизма–ленинизма. Изд. 7-е доп. – М.: Мысль, 1973. – 335 с.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
8. Бобров В.Г. О правовой природе оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2001.
9. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: Лекция. – М.: Академия управления МВД России, 2003. – 64 с.
10. Вдовин Ю.И. Защита прав граждан при внедрении системы оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи. – СПб.: Лик, 2000.
11. Виленский В.Д. Наблюдение в оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук.

– СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. - 19 с.
12. Гинзбург А.Я., Григорьев В.И., Алесковский С.Ю. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебно-практическое пособие. – Алматы: Аян Эдет, 1999. – 156 с.
13. Голубовский В.Ю. Принцип конспирации в применении оперативно-розыскных мероприятий // Теория и практика криминалистического обеспечения предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: Материалы научно-практической конференции, 18 января 2000 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.Г. Петухова, В.Ю. Владимирова, К.С. Кузьминых. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000.
14. Григорьев В.И., Плетнев В.С. Понятия и термины по оперативно-розыскной и административной деятельности: толковый словарь. – Алматы: Жеті Жаргы, 2007. – 127 с.
15. Евстратиков Б.М. О вопросах представления результатов оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи в уголовное судопроизводство // Право, политика, экономика: проблемы развития и взаимосвязи: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 19 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. - С. 135-136. - в кн. - 480 с.: табл.
16. Евстратиков Б.М. Особенности использования результатов оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи в доказывании по уголовным делам о терроризме // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 16. Ч. 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
17. Евстратиков Б.М. Понятие оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Государственно-правовая политика России: проблемы и перспективы развития: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 20 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. - С. 166-167. - в кн. 458 с.
18. Евстратиков Б.М. Правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых на каналах связи: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. - 23 с.
19. Евстратиков Б.М. Роль оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи в обеспечении национальной безопасности России // Общество и право. Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 16. Ч. 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003.
20. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
21. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
22. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты: Монография. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 264 с.
23. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В.П.Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с.
24. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения: Монография. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – 259 с.
25. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика / Под ред В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. – 257 с.
26. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 135-139.
27. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002. – 188 с.
28. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 397 с.
29. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о допустимости проведения прослушивания телефонных переговоров по преступлениям небольшой и средней тяжести // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 3(266). – С. 135-141.
30. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. Специально предусмотренные условия проведения оперативно-технических мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 182-188.
31. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Основания проведения оперативно-розыскных мероприятий // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 182-192.
32. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Признаки и определение оперативно-розыскного мероприятия // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 198-206.
33. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 156-168.

34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции (Душанбе, 11 октября 2014 г.). – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
35. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
36. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
37. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
38. Захарцев С.И., Вихров В.А., Кирюшкина Н.О., Сальников В.П. Правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий. Лекция // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 98-135.
39. Игнащенков Ю.Ю. Правовая регламентация обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
40. Игнащенков Ю.Ю., Захарцев С.И. Об истории возникновения и регламентации оперативно-розыскных мероприятий на технических каналах связи // История государства и права. – 2006. – № 5. – С. 2-3.
41. Карпухин С.В. Правовое регулирование опроса в оперативно-розыскной деятельности: Дис…. канд. юрид. наук. – СПб., 2005.
42. Карпухин С.В., Захарцев С.И. О вопросах проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» с использованием технических средств // Специальная техника и актуальные проблемы борьбы с преступностью: Труды седьмой межрегиональной научно-практической конференции, март 2003 г. / Под ред. В.П. Сальникова, М.В. Сильникова, А.В. Шайтанова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003.
43. Комментарий к уголовному кодексу РК / Отв. ред.: член-корреспондент Академии естественных наук Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор И.Ш. Борчиашвили, кандидат юридических наук, доцент Г.К. Рахимжанов. – Караганда: Полиграфия, 1999. – 960 с.
44. Крашенинников Н.И. Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в профилактике преступлений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 6. - С. 129-145.
45. Лир М.Ю. Опрос в оперативно-розыскной и следственной деятельности (генезис, проблемы теории и практики): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т Генеральной прокуратуры Российсйкой Федерации, 2004. - 24 с.
46. Лукашов В.А. Предмет теории оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность. Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2001. - 794 с.
47. Медведев В.Н. Правовое регулирование снятия информации с технических каналов связи в оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003. - 22 с.
48. Медведев И.А. Засада как неотложное оперативно-розыскное мероприятие в практике ОВД // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: 2-я научно-практическая конференция молодых ученых. Санкт-Петербург, 24 апреля 1999 г. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1999. - С. 19-20.
49. Медиев Р.А. К вопросу об определении «негласные следственные действия» по новому УПК Республики Казахстан // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 1(7). - С. 41-50.
50. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе следствия.- М.: Щит-М, 1999. – 178 с.
51. Молчанов П.А., Рохлин В.И., Захарцев С.И. Законность проведения оперативно-розыскных мероприятий // Законность. – 2003. – № 9. - С. 33-35.
52. Нигметов Н.А. Снятие информации с технических каналов связи как оперативно-розыскное мероприятие и противодействие информационному экстремизму в современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 86-91.
53. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. 2-е изд., исп. и доп. / Под ред. К.К. Горяинов, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 704 с.
54. Петров В.В. Правовое регулирование осуществления оперативно-розыскных мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков: Монография. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2005. - 130, [2] с.: портр.
55. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий: Научно-практическое пособие / Под ред. Е.М. Рябкова, В.В. Петрова; предисл. В.Т. Томина. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2004. - 57 с.

56. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика и оперативно-розыскные мероприятия в борьбе с уголовной преступностью // Правовое поле современной экономики. – 2018. – № 12. – С. 152-160.
57. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскные мероприятия в системе оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскной политики // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 150-161.
58. Ривман Д.В. Сущность, задачи, принципы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права экономики и безопасности жизнедеятельности; Фонд «Университет», 1999. – 32 с.
59. Сидоренко А.В. К вопросу о термине «оперативно-розыскные мероприятия» // Уголовно-процессуальная реформа: УПК РФ – год спустя. Актуальные проблемы применения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 2003 г. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003. - 51 с.
60. Смирнов М.П. Оперативно-розыскные мероприятия и операции, осуществляемые зарубежной полицией в борьбе с преступностью: Учебное пособие. – М.: Академия налоговой полиции ФСНП России, 1998.
61. Спиридонов П.Е. Эксперимент в оперативно-розыскной деятельности: Афтореф. дис. .. канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002. - 22 с.
62. Сысалов М.П. Оперативно-розыскная деятельность в Республики Казахстан. – Алматы: Данекер, 2002. – 380 с.
63. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 608 с.
64. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование: ОНИКС-ЛИТ, 2012. – 1376 с.
65. Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Б.Т. Алексеев, З.С. Алябьева, В.Л. Бугель, С.В. Бусов, В.В. Василькова, С.С. Гусев, М.Р. Зобова, М.С. Каган, И.И. Кальной, А.С. Кармин, Б.И. Липский, К.А. Лушпенко, В.Н. Номоконов, В.Л. Обухов, А.Ф. Оропай, В.П. Петров, Г.А. Подкорытов, В.В. Прозерский, В.П. Сальников, Г.В. Стельмашук, Л.И. Сугакова, Г.Н. Хон, Зигмунд Хулл, С.Г. Чукин, В.В. Шаранов, С.П. Щавелев; под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 560 с.
66. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. Третье издание. - М.: Политическая литература, 1972. – 496 с.
67. Шайтанов А.В., Лысов А.В., Петухов В.Г. Применение специальной техники при проведении оперативно-розыскных мероприятий: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Фонд «Университет», 2002. - 64 с.
68. Шахматов А.В, Захарцев С.И., Спиридонов П.Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2015. – № 1. – С. 113-117.
69. Шахматов А.В., Захарцев С.И. Проблемы совершенствования правовой регламентации прослушивания телефонных переговоров и содействие в борьбе с преступностью // Российской следователь. – 2005. – № 2. – С. 36-38.
70. Шумилов А.Ю. Краткая сыскная энциклопедия: Деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная сыскная (детективная) / Авт. Сост. А.Ю. Шумилов. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2000. - 196 с.
71. Шумилов А.Ю. Состав оперативно-розыскного мероприятия и основы его юридического анализа // Оперативно-розыскная деятельность: Учебник / Под ред К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2001. - 794 с.
72. Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: Учебное пособие. – М.: Издатель Шумилова И.И., 1999. - 127, [1] с. : ил.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна,
судья Московского городского арбитражного суда (г. Москва, Россия)
E-mail: Urbova@inbox.ru

МОРОЗОВ Алексей Игоревич,
заместитель генерального директора «Лидер и К» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: n0055050@gmail.com

ШКРУМ Дмитрий Васильевич,
кандидат политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: dschkrum@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИНСТИТУТ СУДА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА ГЕГЕЛЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *На основе материала гегелевской философии права определяется ценностная составляющая института суда, которая складывается из двух моментов. Во-первых, из аксиологического значения суда как социально-правового института, который определяется Гегелем как выражение высшей нравственной идеи, идеи абсолютного добра. Во-вторых, из аксиологического значения деятельности суда, осуществляющего акт «суждения» о соответствии эмпирического поступка индивида высшей нравственной идее. Аргументация философа является актуальной для современной оценки значения института суда для гражданского общества, правового государства и личности.*

Ключевые слова: *Гегель; гражданское общество; нравственность; государство; суд; правовая ценность.*

LEZHNEVA O.Yu.
MOROZOV A.I.
SHKRUM D.V.

HEGEL INSTITUTE OF JUSTICE IN THE PHILOSOPHY OF HUMAN LAW: THE AXIOLOGICAL ASPECT OF THE THEORY OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY

The summary. *On the basis of the material of the Hegelian philosophy of law, the value component of the institution of the court is defined, which consists of two points. First, from the axiological significance of the court as a social-legal institution, which is defined by Hegel as an expression of the highest moral idea, the idea of absolute good. Secondly, from the axiological*

significance of the court's activity, which carries out an act of "judgment" on the conformity of the empirical act of the individual to the highest moral idea. The philosopher's argument is relevant to the modern assessment of the importance of the institution of the court for civil society, the rule of law and the individual.

Key words: *Hegel; Civil society; Morality; The state; The court; legal value.*

Ценностное измерение институтов гражданского общества, государства, права у Гегеля определяется его пониманием государства как выражения высшей нравственной идеи [18, стр. 32-34], входящей во внутреннее содержание личности человека, его живой индивидуальности [8, стр. 157-170; 15, стр. 72-78; 9, стр. 95-101]. Само понятие ценности не является этически нейтральным. Оно предполагает отношение к идее абсолютного добра как к объективному ориентиру практического действия. При этом понятие объективности, т.е. независимости объекта от воли субъекта, может определяться двояко: либо в определениях бытия, либо в определениях мышления.

В первом случае мы будем иметь объективную идею в духе философии Платона, трактуемую как высшая форма бытия, воплощающая в себе изначальную идею истины, добра и красоты [10, стр. 166 – 174]. В таком случае идея блага должна рассматриваться в качестве порождающей модели институциональных форм особенного бытия, что соответствует принципам монистической философии права [6, с. 197 – 208]. Абсолютное добро здесь может трактоваться нами в качестве того, что составляет сущность бытия институтов организации гражданского общества и государства [18, стр. 37 – 39]. С той оговоркой, конечно, что мы помним о зафиксированном еще древним философом различии между бытием идеи и бытием причастной этой идеи вещи (вещи в самом широком смысле слова, а значит и процесса, и организации, и социального института и т.п.).

Здесь сами эти институты, наше участие в их функционировании, наша вписанность в их деятельность будет иметь ценностное измерение. Именно это имел в виду Платон, когда утверждал, что справедливым человек может быть только в справедливом государстве. Если справедливость как воплощение в деятельности человека высшего блага имеет значение ценности, то с тем же правом значение ценности имеет и государство, и организованное общество, и их институты, фиксирующие организованность общества и государства по модели абсолютного добра [12, стр. 17-18].

Во втором случае мы должны будем трактовать идею блага так, как это делал Кант. А именно: в качестве принципа разума, идеала, который он устанавливает, чтобы дать нравственный ориентир практическому субъекту. Заметим, что в этом случаен Кант также говорил об объективности как категорий рассудка, так и идей разума в том смысле, что они не являются продуктом нашей воли. Но это – объективность форм деятельности субъекта, которые он находит в себе. Ценностный аспект – это не качество самого предмета, а форма нашего отношения к нему, фиксируемая в определяющем, либо рефлексирующем суждении. Так понимал ценность и отнесение предмета к ценности Кант. Так понимали их в начала XX столетия и неокантианцы, с творчеством которых аксиологическая проблематика начинает занимать одно из центральных мест в философии права [13, стр. 50-53].

Институт суда как он представлен в интерпретации Гегеля является своего рода формой синтеза двух моментов ценностного измерения государства и общества: платонического и кантианского. В качестве социально-правового института суд является воплощением объективной идеи абсолютного добра, высшей нравственной идеи как порождающей модели государства. В качестве формы социальной деятельности он является именно деятельностью суждения, в котором высказывается отношение общества к высшей нравственной идее.

Частным случаем такого «суждения» о соответствии или несоответствии рассматриваемого в суде действия содержанию этой идеи

является судебное решение, в котором судья должен частный случай «подвести под определенный закон, т. е. возвести его данный в явлении эмпирический характер до признанного факта и всеобщей квалификации» [1, стр. 260]. То, что действительным субъектом этого «суждения» является все общество как целое, подтверждается возможностью члена общества независимо от его юридической квалификации разбираться в сути дела, осуществляя познание связи единичного случая со всеобщей идеей, «познание, которое доступно каждому образованному человеку» [1, стр. 260]. Однако эта возможность остается еще совершенно абстрактной возможностью, лишь потенциальным суждением, пока она не будет переведена в действительное суждение уже в самом юридически оформленном судопроизводстве с участием профессиональных юристов.

Отметим, что здесь же Гегель обосновывает и необходимость для суда выносить суждение, исходя из объективной истины, характеризующей суть дела с эмпирической и всеобщей точки зрения. Таким образом, здесь мы можем найти аргументы против распространенного сегодня (особенно в странах англо-саксонского права) точки зрения, что достаточно лишь некоторой «юридической истины», т.е. формального совпадения условий правомерного судопроизводства, что по существу нашло отражение в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве и что вызывает естественную критику отечественных исследователей [3; 4; 5; 7; 11]. «Показать, что познание такой эмпирической истины события есть дело собственно юридического определения суда, что в нем содержится особое качество для этого и тем самым исключительное право в себе и необходимость, – показать это составляет главную исходную точку в вопросе о том, в какой степени следует признать делом формальных судебных инстанций суждение о факте и о правовом вопросе» – полагал немецкий классик [1, стр. 261].

Суд рассматривается Гегелем как институт гражданского общества, что расходится с общей позицией правовой теории Нового времени, относившей суд к системе государственной власти. Вся проблематика суда, судопроизводства, правосудия анализируется им в разделе, посвященном гражданскому обществу. Казалось бы, здесь имеет место явное противоречие с политико-правовыми установками Нового времени, которые, начиная с Дж. Локка и Ш.-Л. Монтескье, относили суд к системе государственной власти. Монтескье, как известно, в своей концепции разделения властей предложил отделить судебную власть от власти законодательной и исполнительной. Гегель в целом соглашается с этой идеей своих предшественников [14, стр. 25]. Так что речь идет, скорее, не об отрицании государственного статуса судебной власти в целом, а о сущности трактовки немецким классиком самого отношения понятий гражданского общества и государства. Эти понятия он, отнюдь, не противопоставляет друг другу, а рассматривает как ступени развития одного понятия. При этом само гражданское общество он трактует как «внешнее государство» [2, стр. 342].

Согласно гегелевской диалектической методологии, истинное основание всякого процесса раскрывается в его результате. То, с чего начинается процесс, его начало, еще является чем-то неистинным, совершенно противоречит своему понятию. Это противоречие как раз и является источником развития содержания. Поэтому абстрактная атомарная личность, выступающая субъектом договорных отношений, содержит в себе противоречие, состоящее в том, что она является лишь абстракцией всей полноты духовного содержания, которое раскрывается в понятии государства, несущего в себе высшую нравственную идею. Гегель, кстати, именно поэтому одобрительно высказывался в своей «Истории философии» об аристотелевской теории происхождения государства: в «Политике» государство исторически является результатом сложения и развития селений (аналог гражданского общества), но логически, по сути своей, первично, поскольку более глубоко раскрывает ту нравственную идею, которую несет в себе и общество, и личность.

Абстрактная атомарная личность достигает ступени конкретности и целостности в семье, где ее единство с другой личностью положено систематически, а не устанавливается спорадически случайным образом в акте взаимного признания, закрепленного в договоре. Но семья, которую Гегель, понимает, как одно единое лицо, в реальности существует в качестве многих лиц, соединенных в единое целое тем, что Гегель называл нравственной субстанцией. Именно эта нравственная субстанция, лежащая в основании института семьи, позволяет также и ей давать

аксиологическую оценку. Близкий подход мы видим и в творчестве раннего Гегеля [16, стр. 181-187; 19, стр. 164-176].

Нравственность Гегель трактует как единую субстанцию, но эта единая субстанция с необходимостью сама рассыпается на множественность субстанций. Отношение семей в обществе Гегель соотносит в системой атомистики в природе. Здесь очевидна аналогия с его трактовкой историко-философского процесса в «Истории философии», где он также говорит о необходимости, с которой единая субстанция Спинозы рассыпается в системе Лейбница на бесконечное множество субстанций-атомов (монад). Духовная нравственная субстанция трактуется в «Философии права» как систематическая всеобщая связь этих социальных «атомов», представляющих собой самостоятельные семьи, но также и любые другие складывающиеся на основе разделения труда и имущества устойчивые общности людей [2, стр. 342-343]. Именно эту систематическую связь Гегель и связывает с понятием гражданского общества. Связь социальных атомов нуждается в устойчивости и рефлексированности со стороны членов гражданского общества, последняя достигается в праве, а первая в институтах государства.

Таким образом, государство оказывается внутренним содержанием гражданского общества, его «душой» по образному выражению Гегеля. В свою очередь, гражданское общество оказывается внешним «телом» государства. Однако эти качества не присущи им изначально. Они являются результатом исторического процесса, реализующего идею свободы как всеобщей духовной первоосновы государства и общества [17, стр. 190].

Относя суд к сфере гражданского общества, Гегель не противопоставляет его государству и государственной власти, а наоборот, рассматривает как связующее звено между двумя формами явления единой нравственной субстанции общества. Суд, как устойчивый институт, обнаруживает внутреннее содержание гражданского общества, этого в трактовке Гегеля «внешнего государства», а потому сам может трактоваться как первое проявление государственного начала в гражданском обществе. Точно по такому же основанию Гегель считает возможным отнести к сфере гражданского общества также и полицию.

В аспекте этой двойственной, гражданско-государственной, природы государства, для Гегеля прежде всего оказывается важным публичный характер суда: «Правосудие следует считать как обязанностью, так и правом государственной власти, которое отнюдь не связано с желанием индивидов передавать или не передавать эти полномочия особой власти… Член гражданского общества имеет право искать суда и обязанность предстать перед судом и получить только через суд оспариваемое им право» [1, стр. 258]. И далее читаем: «К составу прав субъективного сознания относятся как публичное оглашение законов, так и возможность знать осуществление закона в особом случае, а именно ход внешних действий, правовых оснований и т. д. Поскольку этот процесс в себе общезначим, то, хотя отдельный случай по своему особенному значению касается только интереса тяжущихся сторон, всеобщее его содержание относится к заключающемуся в нем праву, и решение суда затрагивает интересы всех: судопроизводство должно быть публичным» [1, стр. 260].

Публичный характер судопроизводства состоит также в том, что своем суждении о всеобщем ценностном смысле эмпирического случая оно апеллирует к всеобщности права, имеющей значение для всего общества: «Право требовать публичности судопроизводства основано на том, что цель суда есть право, которое в качестве всеобщего должно совершаться в присутствии всеобщего; основано оно также и на том, что граждане приходят к убеждению, что осуществляется действительно право» [1, стр. 260]. Эту всеобщность права и участие общества в правосудии выражает институт присяжных: «Право самосознания, момент субъективной свободы, может рассматриваться как субстанциальная точка зрения в вопросе о необходимости публичного судопроизводства и так называемых судов присяжных» [1, стр. 263]. Присяжные выносят суждение о фактическом составе преступления. Профессиональный судья определяет применение закона к данному конкретному случаю [1, стр. 34-348].

Таким образом, достигается гармония в соотношении профессионального знания законов и необходимой доступности правопонимания для каждого члена общества. Последняя является, как уже отмечалось, для немецкого мыслителя принципиально важным положением, свидетельствующим, что действительным субъектом

правового «суждения» выступает гражданское общество: «Сословие юристов, обладающее особенным знанием законов, считает часто это знание своей монополией и полагает, что тому, кто не из их среды, не следует вмешиваться в их дела. С подобным же недоверием физики отнеслись к учению Гете о цветах, поскольку он не был специалистом в данной области, а к тому же еще поэтом… Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его» [1, стр. 253]. С другой стороны, суд апеллирует к разуму, требуя доказательств в разбираемом деле: «Перед судом право получает определение, согласно которому оно должно быть доказуемо» [1, стр. 259].

Таким образом, в самом институте суда и в его деятельности Гегель видит осуществление единства всеобщего и единичного, права и поступка, государства и гражданского общества. Участие в суде общества как субъекта суждения о причастности или непричастности высшей нравственной идее рассматриваемого действия человека определяется двумя моментами: содержательной разумностью решения, поскольку разумность составляет качество общества как целого, а также доступностью этого содержания каждому образованному члену общества (а, значит, потенциально и всем его членам) в той форме, в какую облекает это содержание закон. Сама возможность выносить суждение о соответствии высшей нравственной идее обусловлена причастностью к этой идее института суда. Именно поэтому суд обладает для индивида безусловной ценностью, признание которой (например, через соблюдение внешней почтительности и уважения к судье и к процессу судопроизводства) общество и закон вправе требовать от индивида.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
3. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 76-82.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Проблема монизма-плюрализма в философии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 196-209.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35-43.
8. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
9. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
10. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Становление логоса права в античной философии // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3-4. – С. 164-176.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
12. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
13. Крушельницкий М.А., Масленников Д.В. Понятие основной нормы как предпосылка неокантианской модернизации Гансом Кельзеном юридического позитивизма // Юридическая мысль. – 2016. – № 6. – С. 49-53.
14. Нерсесянц В.С. «Философия права»: история и современность // Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 2-42. – в кн. 524 [2] с.
15. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории

российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х.Галиев.В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72-79. – в сб. 256 с.

16. Сальников В.П., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в «Йенской реальной философии» Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 181-188.
17. Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 185-192.
18. Сальников В.П., Масленников Д.В., Сальников М.В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Ф.М Раянов. – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 32-40. – в сб. 332 с.
19. Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г., Исмагилов И.Р. Философско-правовое содержание ранних работ Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 164-177.

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия),
E-mail: dwm61@inbox.ru

ЗОРИНА Наталья Владимировна,
адвокат Коллегии адвокатов «Санкт-Петербургская Адвокатская Коллегия Нарышкиных» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Maxsh777@mail.ru

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич,
заместитель директора по инновационному развитию Федерального научного центра биологических систем и агротехнологий Российской академии наук (г. Оренбург, Россия)
E-mail: 775777@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ И ИДЕЯ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ДЕКАРТ – СПИНОЗА – КАНТ

Аннотация. *Рассматривается развитие принципа трансцендентализма в истории философии Нового времени в качестве теоретической формы рефлексивного познания, исходящего из субъективного тождества мышления и бытия. Показаны особенности проявления рефлексивного предтрансцендентализма Спинозы применительно к его учению о праве и государстве. Рассматриваются трансцендентальные основания трактовки Кантом феноменов права и государства, как предпосылка парадигмы свободы в философии права.*

Ключевые слова: *Декарт; Спиноза; Кант; философия; метод; трансцендентализм; право; государство; свобода.*

SAL'NIKOV V.P.
MASLENNIKOV D.V.
ZORINA N.V.
PROKOFIEV K.G.

TRANSCENDENTALISM AND THE IDEA OF FREEDOM IN THE PHILOSOPHY OF LAW: DESCARTES – SPINOZA – KANT

The summary. *The development of the principle of transcendentalism in the history of philosophy of the New Age as a theoretical form of reflexive cognition, emanating from the subjective identity of thinking and being, is considered. The peculiarities of spinoza's reflexive pretranscendentalism in relation to his teachings about law and the state are shown. The transcendental grounds of interpretation of the phenomena of law and the state of Kant are considered as a precondition for the paradigm of freedom in the philosophy of law.*

Key words: *Descartes; Spinoza; Kant; philosophy; the method transcendentalism; right; the state; freedom.*

В эпоху Нового времени европейское общество вступило вместе с началом Великих географических открытий, расширивших горизонты для миросозерцания европейского человека; вместе с широким внедрением целого ряда фундаментальных технических изобретений, таких как книгопечатание, порох, компас и др., которые радикально изменили отношение человека к природе и одновременно заложили основы для последующего индустриального прорыва; вместе с первоначальным накоплением капитала и формированием капиталистических общественных отношений. Эти социальные процессы шли во взаимосвязи с масштабными общественными изменениями, связанными с преодолением феодальной раздробленности и формированием крупных национальных государств.

Понятие суверенитета, сформулированное Боденом, стало действительной основой теории государства Нового времени [7, с. 178; 11, стр. 22 – 27]. Власть, суверенитет для мыслителя – не просто атрибут государя, но сама субстанция, само определение государства. Дальнейшая разработка понятия национального суверенитета требовала углубления, уточнения и спецификации, с учетом базовых установок рационалистической науки Нового времени, важнейших политико-правовых категорий. В первую очередь самих базовых понятий права, государства, нации, но также и понятий субъекта, понятий воли и ее свободы. Не случайно именно в XVI веке вопрос о свободе воли становится объектом дискуссии двух ведущих интеллектуалов Европы, во многом определивших вектор ее дальнейшей культурной эволюции: Мартина Лютера и Эразма Роттердамского.

Вместе с тем с появлением на карте Европы национальных государств снимается с повестки дня, теряет свою актуальность, основной спорный вопрос средневековой схоластики об интуиции и разуме как источниках знания права. Очевидно, что управлять крупными социальными общностями можно лишь посредством писаных законов, строго регламентирующих максимально возможное число жизненных ситуаций, задающих нормы и правила междоговорных отношений в экономике и принципов администрирования в регулировании социальных и политических процессов. Становится очевидным также, что разработать подобные законы можно, лишь опираясь на точное знание общества, подобное научным познаниям механика, создающего движущуюся заводную игрушку на основе известных ему законов природы [14, стр. 44 – 47].

Таким образом, столь глубоко меняющееся общество выдвигает запрос на формирование нового способа разработки законов и применения их в деле регулирования социальных процессов. Такую задачу в условиях нового времени может взять на себя только наука. А вот какой должна быть пригодная для этого наука, как раз и стремились понять и определить ученые в эпоху Нового времени. И не только понять, но и создать такую новую науку, которая должна давать человеку знания, способные рационализировать его практическое отношение к природе, к обществу, к государству, к законодательству и к самой личности человека.

Радикальное изменение условий социального бытия человека, а, соответственно, изменение его сознания поставило перед философией задачу восхождения на новый уровень мышления, задачу перехода к более глубокому принципу философии, чем тот, что достался ей от античности. Поэтому философии пришлось не только восстановить всю глубину античной мысли, но и открыть в философском мышлении

новое измерение, позволяющее понять абсолютную свободу как начало бытия человека и как начало мироздания. Другими словами, философии следовало раскрыть содержание абсолютного в человеке как способности к самоопределению, как субъективности. Этот толчок и привел, в конечном итоге, к становлению логической формы философии, осуществляющей синтез субъективного и объективного и дающей метод понимания абсолютного как духа, субстанцией которого является свобода. Без этого движения философии к своему более глубокому принципу и более сложной форме нельзя было бы разработать теоретическую основу того сложнейшего социального образования, каким явило себя суверенное государство «вестфальского» типа после столетий средневекового партикуляризма.

Этот принцип был достигнут с развитием идеи субъективности, связанной со стремлением понять всеобщее не только как субстанцию, но и как субъект. Если Платон исходил из того, что сущность бытия имеет природу всеобщего мышления, то теперь следовало более внимательно присмотреться к самой стихии мышления и сделать ее исходным пунктом познания всеобщего. Таким образом, следовало рассмотреть всеобщее тождество мышления и бытия прежде всего со стороны самого мышления, причем понятого как чистое мышление, единственное содержание которого составляет его свобода как источник активности. Мышление не было бы свободой, если бы его активность не заключалась в том, чтобы самому положить своей собственное содержание. Значит, в указанной исходной точке чистой абстрактности мышление еще не положило внутри себя развитие, оно должно еще прийти к нему, т.е. оно неотделимо в этой точке от субъективности индивидуального сознания, от деятельности единичного Я. Здесь мы имеет полное диалектическое тождество всеобщего и единичного, Я индивидуального самосознания и бытия, абсолютного минимума и абсолютного максимума (если вспомнить Николая Кузанского).

Это означает ничто иное, как то, что философия должна овладеть новым методом мышления – методом, существенное содержание которого составляет рефлексия, сущностное взаимодействие Я и всеобщего мышления. Такой философский метод принято называть трансцендентальным методом. Приведем удачное, на наш взгляд, определением Р. Лаута: «Философское утверждение делает трансцендентальным не вид предмета (будь таким предметом даже познание или даже единство познания и предмета), но то, что в нем мыслится его взаимосвязь с сущностью его же познания, мыслится единство, из которого развиваются они оба – этот предмет и это познание» [цитируется по: 15, стр. 193].

В ходе развития античной философии определения бытия перешли в определения мышления, тем самым стало явным их абсолютное единство. Только в процессе этого единства само первоначало мира раскрывается как единое. Духовное развитие человечества потребовало поднять на новый уровень диалектический монизм классической античной философии, сосредоточив внимание на проблеме метода познания [5, стр. 164 – 175; 8, с. 195]. Теперь было уже недостаточно знать единство мышления и бытия только как результат постижения единого бытия или же только как его немую предпосылку. Теперь единство само должно было сказать за себя в том историческом споре с дуализмом, который довел диалектику непосредственного единства мышления и бытия до ступени противоположности. Требовалось в полной мере осознать эту противоположность, чтобы единство мышления и бытия раскрыло себя как действительно конкретное, себя само определяющее, т.е. как субъективное единство мышления и бытия. Таким мы первоначально находим его только в философии Р. Декарта [6, стр. 175]. Стало общим местом говорить о дуалистическом характере декартовской философии. Однако, на наш взгляд, дело обстоит прямо противоположным образом: Декарт не вносил в философию дуализм, а боролся с ним. Исходный пункт его философствования, выраженный принципом «Cogito ergo sum», строго монистичен. В нем различия мышления и бытия положены как снятые, так что действительным оказывается лишь их единство.

Рассмотрим более подробно, что стоит за этой «снятостью» противоположных определений. Анализируя парменидовскую проблему, мы отметили, что единое бытие можно мыслить разделенным на «части», моменты, и уж тем более на противоположности, либо 1) полагая «ничто» как мыслимое (но этот путь апологетики «ничто» означает для мышления путь смерти), либо 2) находя источник различения в самом единстве бытия, в его собственной

отрицательности. Последнее составило общий итог античной философии, которая пришла к отрицательности бытия, идя от его единства (хотя внутренне процесс античного мышления уже заключал в себе, как мы показали, движение отрицательности). Теперь следовало проделать обратный путь – от отрицательности к единству бытия (хотя единство здесь и выступает предпосылкой). В этом движении мы имеем дело не с определениями «ничто», которое сохранялось бы как положенное ничто, якобы «существующее» наряду с бытием. Но с таким «ничто», которое само снимает себя как ничто, возвращаясь в лоно единого бытия. Так что здесь снята даже видимость ничто, сама возможность такой видимости. Тем самым мышление на деле преодолевает основной пункт гностического дуализма бытия и ничто, бросившего бытию вызов. Здесь мы видим главный положительный результат сложной и противоречивой философии новоевропейского рационализма: Античная философия закладывает основы монистического мышления бытия, раскрывая смысл отрицательности как собственного определения бытия, самополагающего свои различия. Отрицательность здесь подобно молнии «рассекает» бытие, обнаруживая при этом свою ничтожность, отрицая саму себя и тем самым снова полагая единство бытия. Рационализм же Нового времени как раз и рассматривает бытие в этом движении отрицательности.

Поэтому его определения – рефлективные определения. Ведь рефлектирующее движение и есть движение сущности «от ничто к ничто и тем самым движение обратно к самой себе» [2, стр. 360]. «Бытие дано /здесь/ лишь как движение ничто (des Nichts) к ничто; в таком случае оно сущность; сущность же не имеет этого движения внутри себя, а есть это движение как сама абсолютная видимость, чистая отрицательность, не имеющая вовне себя ничего такого, что она отрицала бы, а лишь отрицающая само свое отрицательное, сущее только в этом подвергании отрицанию» [2, стр. 19]. Смысл этого движения и его результат (который, впрочем, проявится не сразу – по-настоящему лишь в философии позднего Фихте) состоит в полагании того, что отрицательность есть только видимость, в утверждении отрицательности как полной положительности единого бытия. Так абсолютный минимум становится абсолютным максимумом. Но истинный абсолютный минимум есть Я. И полное раскрытие положительного результата рефлексивного движения отрицательности абсолютного тождества мышления и бытия мы находим только у позднего Фихте. Тем не менее, мышление Нового времени – это прежде всего деятельность рефлексии. Таким образом, и определения естественного права философов Нового времени тем отличаются от определений Ульпиана или Фомы, что они суть определения рефлексии. Которые при этом, однако, выдают себя за позитивную мысль.

В античной философии мы находим постижение единого бытия, заключающего в себе отрицательность. В философии Нового времени – постижение единого бытия со стороны самой этой отрицательности. Но и там, и здесь утверждается единство сущности бытия. Важно, что это единство здесь выступает как субъективное, т.е. себя само определяющее, единство (что, как мы видели, является результатом всего предшествующего развития философии). Но коль определение субъективности субстанциального достигнуто, перед нашей наукой тотчас встает задача развить субъективность тождества до определения объективности.

В философии Декарта мы как раз и видим такого рода развитие субъективного тождества мышления и бытия (положенного в «Cogito ergo sum») в объективное тождество его субстанциального единства. Это дало Р. Лауту возможность утверждать, что трансцендентальная линия философии, отмеченная именами Канта, Фихте и позднее Гуссерля, начинается именно с Декарта. До Декарта, считает он, знание рассматривалось исключительно объектно и никогда не становилось само предметом осознанной рефлексии. Выдвинув «cogito, sum» в качестве основного принципа философии, Декарт сформулировал тем самым трансцендентальную точку зрения, предполагающую очевидным единство предмета и того акта, посредством которого предмет представляется и познается [4, стр. 33].

Радикальное сомнение Декарта, отрицающее всякую мысль, не заключающую в себе силы достоверности бытия, является конкретизацией того процесса самонегации мысли о небытии, который мы видели уже у Парменида. Однако, если у античного философа мы имели мысль бытия (и, соответственно, ее самоотрицание) как нечто непосредственное, то

картезианское сомнение, постулируемое как требование «очевидности», уже заключает в себе опосредование и снятое знание о конкретности абсолютного. «Очевидность» – это мысль о непосредственном единстве мышления и бытия в научном положении, однако поскольку это положение имеет здесь особенное, а не всеобщее содержание, то эта непосредственность может быть лишь «положенной» непосредственностью. Говоря точнее, может быть лишь результатом рефлексии.

Поэтому, забегая вперед, отметим, что требование очевидности для высшего основоположения наукоучения было величайшей непоследовательностью Фихте, который тем самым отказывал в абсолютной непосредственности всеобщему. Требование очевидности заключало в себе скрытую отсылку к более высокому началу, полагающему первое основоположение. Тем самым всеобщее, по сути, сводилось, на уровень особенного и предмет философского познания снова ускользал от рефлектирующего мышления.

Результатом радикального сомнения у Декарта, как и результатом самонегации мысли у Парменида, было открытие всеобщего единства мышления и бытия. Однако, поскольку, сам акт отрицания безбытийной мысли заключал в себе рефлексию, определенную всем опытом предшествующей философии от Сократа до Василия Великого, постольку и бытие открывалось здесь не как объект, предлежащий мысли человека, философа, а как субъект.

В положении «Cogito ergo sum» как высшем основоположении науки Декарт фиксирует абсолютное тождество мышления и бытия. Но в отличие от Парменида это тождество полагается и рассматривается не как бытие, единое с мышлением, а как мышление, непосредственно являющееся бытием. Проще говоря, тождество видится философу не со стороны бытия, а со стороны мышления. Отметим еще раз, такой подход не является плодом произвольной установки ученого, его своего рода прихотью. Он оказался возможным лишь постольку, поскольку объективное единство мышления и бытия было опосредовано мышлением в историческом процессе развития философии.

Теперь для философии открывались совершенно новые возможности, поскольку, во-первых, всеобщее мышление и рефлексия философа полагались как единое на категориальном уровне, а во-вторых, мышление, взятое как исходный пункт и обладая качествами активности и самоопределяемости, позволяло полагать свое тождество с бытием не только в форме объекта, но и в форме субъекта. Однако достижение этого, более глубокого по сравнению с античностью принципа философии, заключало в себе и новый вызов, т.к. теперь от мышления требовалось вывести (дедуцировать) из своего собственного содержания определения объективности мышления и бытия.

Решить эту задачу Декарт не мог, как не мог и Парменид решить поставленную им проблему единства и множественности бытия в силу первоначальной абстрактности мысли о бытии. Соответственно, и абсолютный субъект Декарта, ставший исходный пунктом новой философии, был лишь декларативно полагаем, а потому абстрактен в своем содержании. Но иначе и быть не могло, раз мы находимся в исходной точке новой философии. Конкретизация этого принципа стала возможной благодаря столетнему рефлексирующему мышлению философов от самого Декарта до Лейбница и Вольфа. И только после этого Кант поставил задачу эксплицировать конкретность субъекта, а Фихте – вывести из этой конкретности все объективное содержание науки.

В самом субъекте, маркируемом афоризмом «Cogito ergo sum», не проявляется ни содержащаяся в нем объективность, ни необходимость ее полагания. Декарт правильно связывает импульс к этой объективности с абсолютной природой субъекта, но делает это совершенно невнятно. Поэтому призыв на помощь схоластического онтологического доказательства бытия Божия, совершенно подобен «Deus ex machina» Анаксагора. Правильно, что развитие мышление должно иметь результатом идею объективности как саму наличную объективность. Но процесс этого мышления только постулируется, а не излагается Декартом. В итоге и постулирование объективного тождества двух субстанций, мышления и протяжения, потребовало от Декарта инкорпорации в его философию нефилософского содержания. А именно: мифологемы бога. И никто не сможет сказать, что мы имеем здесь дело с религиозным содержанием и Декарт ведет речь о живом Боге Авраама, Исаака и Иакова.

В итоге развитие субъективного тождества мышления и бытия до ступени объективности выступает в философии Декарта через

отношение трех идей: 1) идеи субъективного тождества мышления и бытия («Cogito ergo sum»); 2) идеи тождества понятия всеобщего и самого всеобщего (онтологическое доказательство бытия Бога); 3) идеи субстанциального тождества мышления и бытия (идея двух субстанций как сотворенных субстанций). Первая идея есть непосредственное начало, вторая – процесс опосредствования, третья – результат. Только само их единство должно быть идеей, конкретно выражающей абсолютное тождество субстанциальности и субъективности всеобщего. Но как раз этого-то конкретного единства мы на данной ступени развития философии еще не находим. Все три идеи (которые могли бы выступить моментами абсолютной идеи тождества субстанциальности и субъективности всеобщего) объективно выглядят здесь только непосредственно данными. Их непосредственность явно выражается в том, что выступают они как совершенно внешние, безразличные друг другу. А это, в свою очередь, входит в противоречие с идеей развития, которая должна была бы стать выражением их целостности.

Роль связующего звена вынуждена снова взять на себя внешняя рефлексия философа, единичного субъекта познания. Это приводит к тому, что общая связь трех моментов идеи и каждый из моментов в отдельности (в особенности первый) приобретают черты внешнего субъективизма. Причем приобретают его так, что сама идея субъективности надолго отождествляется с характеристикой индивидуальной познавательной способности единичного субъекта. Поэтому и все три момента идеи (уже здесь, по сути, имеющие природу логического) облечены во внешнюю себе форму, отмеченную случайными историческими чертами. Соответственно: 1) идея субъективного тождества мышления и бытия описывается как достоверность тождества для самосознания; 2) идея тождества понятия и предмета – как традиционное доказательство бытия Бога; 3) результат же (процесс достижения которого здесь не положен в качестве его содержания) фиксирует отсутствие конкретности тождества мышления и бытия – мышление и бытие выступают здесь как внешние друг другу субстанции. Хотя сам Декарт и подчеркивает их внутреннее тождество, настаивая на том, что обе они – в равной мере только лишь сотворенные субстанции.

Следовательно, тождество мышления и бытия после Декарта могло выступать только как конкретное тождество в единстве его субъективности и его объективности. Спиноза надеялся достичь объективности, растворив процесс саморазвития тождества мышления и бытия в абстракции результата этого процесса. Лейбниц ставил проблему экспликации принципа субъективности субстанции, который лишь имплицитно был положен в философии Декарта и Спинозы. Единая субстанция разворачивается в бесконечное многообразие субъективных субстанций – созерцающих монад. Заметим, что в системе Лейбница субъективация субстанциального остается на деле лишь индивидуализацией, поскольку единство субъективного и объективного здесь – не более чем благое пожелание (требование предустановленной гармонии), а не действительно дедуцированный принцип.

Проблему единства двух субстанций Бенедикт Спиноза стремится решить тем, что сводит все три картезианские идеи (идею субстанции мыслящей, идею субстанции протяженной и идею Бога) в единую субстанцию. Эта субстанция представляет собой единство всей природы и Бога. Идея субстанции мыслящей и идея субстанции протяженной трансформируются в два неотъемлемых качества (атрибута) единой субстанции: атрибут мышления и атрибут протяженности. Это стремление к подлинному единству в науке и стремление преодолеть картезианский дуализм самым существенным образом определили не только учение Бенедикта Спинозы о природе, но и его учение о человеке, о детерминантах его поведения, включая нормы морали (этика) и нормы права.

Политико-правовая концепция Спинозы была связана с его монистической онтологией единой субстанции, может быть, в самой большой степени, чем у других ученых Нового времени. Основу этой концепции составляет указанное выше учение о единой субстанции, которое было разработано Спинозой в его главном труде «Этика» (1677 г.). Субстанция, по Спинозе, является одновременно Богом, природой и всеобщей необходимостью. У нее нет внешней причины, какого-либо детерминирующего начала, она сама по себе – причина самой себя. Все процессы и явления природного, социального и душевного мира человека Спиноза определял как всего лишь частные модификации, или «модусы»,

единой субстанции. Поскольку реальное существование мы можем приписывать только единой субстанции, а субстанция тождественна с необходимостью, постольку мы должны признать, что вопреки мнению обыденного сознания в мире нет случайности и все является лишь тем или иным модусом всеобщей необходимости.

Разум человека, будучи такого рода модусом единой субстанции, включающей бесконечное множество модусов, оказывается способен к их познанию. В полном соответствии с этой позицией Спиноза писал: «Природе разума свойственно постигать вещи под некоторой формой вечности» [12, стр. 442]. И далее он же отмечает: «Все, что наша душа представляет по руководству разума, она представляет под одной и той же формой вечности и необходимости» [12, стр. 572].

Подчиняясь этой необходимости, человек непрерывно попадает под действие своих природных качеств – аффектов, которые не отвечают признакам рациональности, но могут быть исправлены с помощью других аффектов. Спиноза предвосхищает предположение современной психологии о том, что рационально может вести себя только тот, кто осознает факт обусловленности поведения человека его естественными страстями. Поскольку с необходимостью существует только природа, тождественная Богу – «причине самого себя», постольку и человек является частью природы, природным существом, а значит, составляет комплекс природных качеств. Эти качества раскрывают внутреннюю необходимость в действиях человека, осознать эту необходимость, согласно Спинозе, вовсе не означает преодолеть ее, но означает стать свободным, поскольку свобода и есть ничто иное как осознанная необходимость.

В конце пятой части «Этики» Спиноза утверждает: «Душа наша, поскольку она познает себя и свое тело под формой вечности, необходимо обладает познанием Бога и знает, что она существует в Боге и через Бога представляется» [12, стр. 609]. Представляется, что в такой системе координат научной теории понятию свободы воли не остается места и Спиноза неизбежно должен выйти за пределы новоевропейской парадигмы правового мышления. Однако такого рода очевидная, по видимости, интерпретация учения Спинозы не соответствует действительности. Более точной нам представляется та реконструкция теоретических оснований политико-правовой концепции голландского мыслителя, которую осуществил Б. Гюнгерен в историко-правовом исследовании «Значение знакомства Гегеля с учением Спинозы для его теории государства и права» [17]. В ней немецкий исследователь анализирует понятие природы человека, как оно выступает в учении о праве и государстве того и другого мыслителя. И это вполне оправдано, учитывая то значение, которое имели для этико-правовой системы голландского мыслителя его философские разработки в области учения о человеке и его аффектах.

Для Б. Гюнгерена существенно, что Гегель не просто критикует Спинозу за его «субстанционализм», но то, что он раскрывает заключающийся в этом субстанционализме потенциал субъективности, которую голландский мыслитель стремился реализовать также и в учении о праве и государстве [17, стр. 16 – 23]. Центральное значение в учении Спинозы о субстанции как основе единства свободы и необходимости имело понимание субстанции как «причины самой себя», causa sui. Если бы автор «Этики» раскрыл содержание этого понятия, он пришел бы к конкретной диалектике свободы и необходимости. Но для этого требовалось то движение мысли, второе придал ей трансцендентализм философии права Канта. В любом случае, был важен и продуктивен потенциал, заключающийся в том векторе развития политико-правовой мысли, который был задан ей Спинозой. Не следует забывать о том, что определения философии Спинозы суть определения рефлексии, а потому имеют своей предпосылкой трансцендентальное мышление. Последнее обнаруживает себя в отдельных фрагментах политической философии Спинозы, что позволяет говорить о ней как о своего рода «предтрансцендентализме».

Исключительно важным для последующей эволюции теории права и государства было установленное Спинозой соотношение между свободой и необходимостью. Субстанция как всеобщее единство, согласно Спинозе, исключает свободу, основанную на случайности. Подлинная свобода, т.е. свобода, открываемая разуму, имеет своей сущностью необходимость. Она сама есть не более, чем «сознанная необходимость», необходимость, заключенная и в аффектах, которые детерминируют действия

человека, и в природных, и в социальных условиях его существования. В этом смысле право, определяющее действие человека как внешняя необходимость, эксплицирующая свое разумное содержание, является истинной свободой, постигнутой разумом.

Центральная мысль Спинозы состоит в том, что человеку в современном государстве может и должна быть предоставлена максимально возможная свобода, которая не разрушала бы социальную общность, сложившуюся с естественной необходимостью. Свобода человека как моральная категория является одним из результатов анализа понятия субстанции, т.е. всеобщей необходимости, которая была осуществлена им в «Этике». Свобода может быть определена лишь в качестве характеристики разума. Рассматриваемая лишь как акциденция субстанции, душа, по Спинозе, не может трактоваться как вещь, наделенная таким качеством как свобода воли: «В душе нет никакой абсолютной или свободной воли; но к тому или другому хотению душа определяется причиной, которая, в свою очередь, определена другой причиной, эта – третьей и так до бесконечности» [12, стр. 445].

Непосредственными причинами, определяющими волю человека, по Спинозе, являются аффекты. Аффектам он давал следующее определение: «Под аффектами я разумею состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний. Если, таким образом, мы можем быть адекватной причиной какого-либо из этих состояний, то под аффектом я разумею состояние активное, в противном случае – пассивное» [9, стр. 456]. Это – определение в категориях «протяженной субстанции». В другом месте своей «Этики» он дает им также определение в категориях «субстанции мыслящей»: «Аффект, называемый страстью души, есть смутная идея, в которой душа утверждает большую или меньшую, чем прежде, силу существования своего тела или какой-либо его части и которой сама душа определяется к мышлению одного преимущественно перед другим» [12, стр. 519]. Таким образом, аффект, в полном соответствии с монистическим принципом Спинозы, является как причиной природной, так и интеллектуального порядка, состояние как тела, так и разума.

Учение об аффектах составляет истинную основу учения Спинозы о праве и государстве [17, стр. 12]. Помимо всего прочего оно позволяет автору «Этики», «Богословско-политического трактата» и «Политического трактата» уйти от обычного для Нового времени утопизма, начало которого было положено социально-политическими утопиями Томаса Мора и Френсиса Бэкона, и определенные черты которого мы можем разглядеть также в предельном уповании на конструктивную природу разума у Гоббса и Локка.

Напротив, Спиноза стремится в своей политико-правовой теории исходить из реалистических предпосылок, принимая во внимания все детерминанты действия человека. Поэтому исходным пунктом для него должен быть не человек-атом как абстрактная теоретическая модель в системе Гоббса, а реальный человек, человек «как он есть». Поэтому «природность» человека Спиноза не оставляет, подобно Гоббсу, в сфере естественного состояния, а стремится распространить на всю теория человека и общества, а в конечном итоге и на теорию права и государства.

С этих позиций Спиноза критикует утопизм и произвольность теоретических конструкций своих оппонентов и оправдывает свое обращение к таким, с точки зрения человека эпохи барокко недостаточно «изящным» предметам: «Им, без сомнения, покажется удивительным, что я собираюсь исследовать человеческие пороки и глупости геометрическим путем и хочу ввести строгие доказательства в область таких вещей, которые они провозглашают противоразумными, пустыми, нелепыми и ужасными. Но мой принцип таков: в природе нет ничего, что можно было бы приписать ее недостатку, ибо природа всегда и везде остается одной и той же; ее сила и могущество действия, т. е. законы и правила природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же, а, следовательно, и способ познания природы вещей, каковы бы они ни были, должен быть один и тот же, а именно – это должно быть познанием из универсальных законов и правил природы» [12, стр. 445].

Аффект для Спинозы – это не свидетельство ошибки или слабости человека, а его неотъемлемое качество. Его можно также охарактеризовать как чисто антропологическое, то есть неразумное, начало человека, которое Спиноза прежде

всего стремится рассмотреть, исходя из идеалов реализма и научности. Аффекты, переплетаясь друг с другом и взаимно воздействуя на человека, образуют неповторимый духовный «портрет» каждой человеческой личности. Свой специфический вид аффекты приобретают вследствие различных отношений, в которые человек вступает с другими людьми. В самой значительной мере аффективность формируется именно на основе различных отношений, которые простраиваются между человеком и сообществом.

Своеобразный антропологический реализм Спинозы получает свое логическое завершение тогда, когда концепция «непосредственного порыва» человека как перводетерминанты фактического единства его личности, развернутая в третьей и четвертой части «Этики», становится исходным пунктом теории права и государства. Согласно Спинозе, тело и разум едины, составляют единую субстанцию, а? следовательно, едины также разум и воля человека. На этом основании Спиноза вполне логично отвергал свободу воли в обычном, физическом, смысле этого слова, о чем говорится в приведенном выше фрагменте [12, стр. 445]. Вместе с тем, он вовсе не отвергал саму свободу, которую соотносил с деятельностью разума. Именно разум в состоянии изменить комплекс детерминант поведения человека, воздействия на аффекты: «Аффект может быть ограничен или уничтожен только противоположным или более сильным аффектом, чем аффект, подлежащий укрощению» [12, стр. 530]. Человек стремится пролонгировать действие позитивных аффектов и нейтрализовать действие негативных аффектов.

Чтобы обосновать саму эту возможность выбора между аффектами и возможность манипулирования ими, Спиноза полагает в основу своего учения о практической деятельности человека в политико-правовой сфере некий «непосредственный порыв», который в ходе сравнительного анализа можно максимально сблизить с новоевропейским понятием свободной воли. Между этими понятиями существует жесткая корреляция, обусловленная не только изначальным влиянием английских политических авторов (прежде всего – Гоббса) на Спинозу, но и внутренней взаимосвязью этих понятий [14, стр. 38 – 44]. «Непосредственный порыв» направлен на самоопределение человека, природа которого требует от него достижения необходимого на основе требований разума. Разум же определяет необходимость «объединения сил», понятие которого Спиноза рассмотрел еще в «Этике». Это «объединение сил» в конечном итоге получает свое разрешение в утверждении права и государства [17, стр. 14 – 15].

Государство, созданное на основе естественного закона, должно иметь целью обеспечить каждому гражданину наряду с безопасностью индивидуальное развитие. Изначальный «непосредственный порыв» к самосохранению при переходе человека из естественного в политическое состояние должен трансформировать в «порыв» к самовоплощению [17, стр. 13]. Это – исключительно глубокая мысль голландского ученого, которая в значительной мере возвышает его над либеральной доктриной Гоббса и Локка, которая не знала идеи развития свободы воли. По сути дела, речь идет о том, что мысль Спинозы о необходимости найти первооснову первичного импульса человека к утверждения своей воли над своими аффектами означает ничто иное как идею свободы. Сочетание ориентированного на стремление к самосохранению «непосредственного порыва» с процессом осознания аффектов в деятельности разума, образует то понятие, которое можно считать аналогом новоевропейского понятия «свободной воли» и с еще большей степенью точности – аналогом понятия «свободной воли» как исходного пункта «Философии права» Гегеля. Хотя сам Спиноза опровергает и отвергает проблематику свободной воли, но в тексте «Этики» [12, стр. 445] речь, скорее, идет о критике концепта, а не о критике понятия (в известном гегелевском понимании содержания лексемы «понятие»).

При переходе от уровня естественного состояния к уровню политического состояния (этот переход, как мы помним, не является у Спинозы, в отличие от Гоббса, скачкообразным переходом: естественное и политическое состояние не противопоставляются голландским мыслителем друг другу, будучи связаны единым определением «природности») «непосредственный порыв» к самосохранению трансформируется в «непосредственный порыв» к самовоплощению. При этом «стремление к самосохранению» данным переходом отрицается, но не отбрасывается, в точном смысле гегелевского термина «Aufheben» – отрицание с сохранением существенного. Таким образом, согласно

Спинозе, политическое состояние человека, его бытие в сфере, определяемой правом и государством, должно описываться в определениях концептуального пространства, тематизируемого порывом к самовоплощению, которое одновременно является и целью, и процессом деятельности субъекта.

Таким образом, на политико-правовом уровне формируется новый тип субъектности и новый тип детерминации аффектов, уже не сводимый к индивидуальному уровню. Формируется тот тип субъекта, который в философии права Канта станет источником трансцендентальной дедукции права.

Представители философского рационализма могли сколь угодно долго полемизировать с представителями эмпиризма. В целом это было безуспешно, поскольку без ответа оставался главный вопрос: на основании чего рационализм обращается с определениями всеобщего, которые он имеет только в форме мыслей (в форме врожденных идей), как с определениями бытия вне мышления (бытия вещей самих по себе)? Но ведь как раз в пределах данного уровня развития философского мышления этот вопрос и не мог быть решен! Ведь если тождество мышления и бытия не определено конкретно, то как может быть определено требуемое здесь основание взаимоперехода определений мышления и определений бытия?! И может ли тогда всеобщее выступить как всеобщее опосредствование и как субъективное самообоснование? Как конкретное всеобщее? Нет. Здесь всеобщее совершенно абстрактно определялось только как объективная первосущность мира. Субъективность же (необходимый момент всеобщего) находили лишь на стороне мышления, понятого к тому же чисто рассудочно.

В итоге развития философии Нового времени тождество мышления и бытия сконцентрировалось на двух полюсах: субъективности и объективности. Именно между этими полюсами образовалось напряжение конкретного содержания философской мысли, стремящейся обрести высшую форму монистического мышления бытия. Движение к их единству начинается с возведения Кантом субъективности самого мышления в ранг объективного, тем самым – с внесения принципа субъективности в объективность. Но здесь уже начинается процесс движения и различения в пределах положительности внутренней отрицательности бытия, выступающей, таким образом, как снятая отрицательность. Первый шаг на этом пути Кант делает уже самой постановкой вопроса о природе мышления, способного постичь истину. Этот вопрос выражается в проблеме различения мышления, относящегося к самому себе, и мышления, относящегося к внешнему предмету. Решая эту проблему, мышление достигает истинной, субстанциальной, субъективности.

Вся предшествующая философия, как рационалистическая, так и эмпирическая, обращалась с определениями мышления (к которым относили понятие субъективности) как с определениями вещей самих по себе (с которыми связывали понятие объективности). Единство субъективного и объективного обещало раскрыть в полной конкретности сущность тождества мышления и бытия, а тем самым – дать всеобщее основание и метод мышления в понятии. Но для этого требовалось сначала исследовать отношение субъекта и объекта со стороны их различия.

В процессе постижения внешнего предмета – в опыте – истина недостижима, поскольку в опыте предмет всегда дан обусловленным, а всеобщее, раскрывающееся истиной, всегда мыслится как безусловное. Поэтому мышление с необходимостью должно выйти за пределы опыта. Выйти, разумеется, не в сферу внешних себе, опытных предметов, что бесперспективно, а в сферу самого же мышления. Только в этом мышлении, имеющим предметом само себя – в чистом мышлении – мы имеем шанс обрести знание безусловного. И только чистое мышление и продукты его деятельности являются тем, что может быть названо объективным. Однако эта объективность здесь уже исполнена субъективностью.

Заслуга Канта, как отмечал Р.Лаут, во многом определяется тем, что он тематизировал декартовскую идею тождества предмета познания и самого познания. Кант показал, что эмпирическое созерцание и рассудок представляют собой две самостоятельные способности предметного конституирования, на взаимодействии которых основывается теоретическое познание. Им также было впервые осознано, что мы сами конструируем время и пространство в качестве чистых форм созерцания и только поэтому оказываются возможны априорные высказывания о них. Впервые благодаря этому в области созерцания

рефлексивно был схвачен конструирующий опыт человеческого духа в представлении им объекта [4, стр. 33]. Анализ субъективности чистого мышления, определенного Кантом как истинная объективность, имеет результатом выявление в качестве высшего единства мышления трансцендентального тождества апперцепции, которое имеет изначально синтетический характер.

Кант начинает с аналитики, т.е. с расчленения всего нашего априорного знания на начала чистого рассудочного знания [9, стр. 78]. Вряд ли это можно назвать правильным для науки, которая должна исследовать начальность синтеза в познании и быть при этом самоприменимой наукой. Поэтому действительный исходный пункт логической способности – «Я мыслю», который является первоначальной формой спонтанности, абсолютно априорным синтезом апперцепции – вовсе не обнаруживает себя в качестве такового [16, стр. 12]. Метод изложения остается рассудочным и не соответствует методу предмета. Именно на этот момент обратил потом свое внимание Фихте, сделав отношение к нему исходным пунктом своего размежевания с Кантом и критикуя кантианцев за то, что они не видели главного в «Критике чистого разума»: действительной первичности синтеза по отношению к анализу [13, стр. 495 – 518].

То, что Кант постулировал первичность априорного синтеза, но не смог реализовать этот принцип в построении науки о нем, послужило источником тех недостатков его аналитики, за которые его прежде всего критиковал также и Гегель: «Как «Я» есть всеобщее трансцендентальное единство самосознания, которое приводит вообще в связь эмпирическую материю представлений, точно так же существуют различные виды этого соотношения, и в этом состоит трансцендентальная природа категорий и всеобщих определений мышления. Но Кант приходит к этим видам таким образом, что он их просто берет в той обработке, какую они получили в обычной логике» [1, стр. 484]. Из этого можно сделать вывод, что основной своей задачи, а именно – дедуцирования чистых определений рассудка, кантовская трансцендентальная логика не выполнила. Поэтому Гегель еще более категоричен и резок в отношении кульминационного пункта трансцендентальной аналитики понятий в «Критике чистого разума» – дедукции категорий, которая осуществлялась Кантом, исходя из признания того, что сущность понятия составляет «первоначально-синтетическое единство апперцепции». Хотя в отношении самой постановки задачи он считал это положение Канта одним из самых глубоких и самых правильных взглядов, имеющихся в «Критике чистого разума» [2, стр. 536].

Думается, что при всей справедливости критики Канта и Фихте, и Гегель были неправы в одном: требовать от Канта самоприменимости принципа первичности синтеза понятия вряд ли было возможно. Кант еще не обладал методологическим инструментарием, необходимым для построения такой логической теории, какой позже разработали сами Фихте и Гегель, но разработали, опираясь именно на идеи философского наследия Канта. «Априорным синтезом понятия Кант приобрел более высокий принцип, в котором могла быть познана двойственность в единстве, стало быть, то, что требуется для истины» [2, стр. 545].

Все же именно Кант заложил основные предпосылки для развития логического в немецкой философии. Гегель, сравнивая свою науку логику с трансцендентальной логикой Канта, отмечал, что последняя отчасти соответствует тому, что он сам определили как «объективную логику» – первую часть науки логики, включающую в себя учение о бытии и учение о сущности.

Основанием для подобной аналогии может служить само содержание трансцедентальной логики: в аналитике понятий рассматриваются те категории, которые Гегель анализирует разделе «бытия» (к примеру, качество, количество); в аналитике основоположений – отношения противоречия (высшее основоположение всех аналитических суждений), отношения основания (высшее основоположение всех синтетических суждений), отношения причинности (вторая аналогия опыта – «основоположение возникновения» и отчасти третья аналогия – «основоположение общения»), отношения модальности (постулаты эмпирического мышления) и др., которые у Гегеля выступают в разделе «сущность». Однако в аналитике понятий также рассматриваются и те категории, которые Гегель анализирует в «сущности» (причинность, модальность), а в аналитике основоположений – определения количества (экстенсивные величины в отношении аксиом созерцания и интенсивные величины в отношении антиципаций восприятия»). Трансцендентальная

же диалектика и вовсе остается за пределами аналогии.

С тем же успехом (и, пожалуй, даже с большим успехом) можно было бы провести и аналогии между развитием логического содержания в трансцендентальной логике и в «субъективной логике» Гегеля, т.е. в его учении о понятии. Тогда аналитика понятий соответствовала бы понятию, аналитика основоположений суждению и отчасти умозаключению, трансцендентальная диалектика – учению об умозаключении, об объективности и об идее.

Таким образом, прямой аналогии провести невозможно: в трансцендентальной логике, если смотреть на нее с точки зрения «Науки логики», мы обнаружили бы смешение понятий различного уровня конкретности и совсем иного характера отношение между логическими формами (понятие, суждение и умозаключение), а также иное толкование их смысла. Кроме того, аналогия затруднена тем, что «Критика чистого разума» имеет не только чисто логическое содержание, но содержит в себе в нерасчлененном виде как логическое, так и феноменологическое и даже психологическое содержание. Последнее во многом связана с субъективизмом Канта в трактовке самой природы понятия. Важно отметить, что именно в этот субъективизм Гегель связывал с формализмом трактовки Кантом природы логического: «... понятие признается чем-то чисто субъективным, из которого нельзя выколупать (herausklauben) реальность, под которой, ввиду того, что она противопоставляется субъективности, следует разуметь объективность; и вообще понятие и логическое объявляются чем-то лишь формальным, которое, ввиду того что оно отвлекается от содержания, не заключает в себе истины» [2, стр. 537]. Как нам кажется, именно на феноменологическую и психологическую составляющие в основном обращают внимание исследователи. Логическая же сторона «Критики чистого разума» (особенно в аналитике основоположений в ее связи с «Критикой способности суждения») еще ждет своего детального анализа с позиций спекулятивного философствования.

Гегель рассматривал логическое как стихию разума. Кант, как известно, был первым, кто различил рассудок и разум. По Канту, рассудочное познание недостаточно, поскольку рассудок не может иметь знание о безусловном, так как безусловное, не имея чувственного аналога, не дается в опыте [9, стр. 258], а категории, согласно высшему основоположению всех синтетических суждений, имеют смысл лишь в качестве условий опыта [9, стр. 133 – 134]. Рассудок обречен выводить ряд за рядом суждения о предметах опыта, но не способен когда-либо завершить этот ряд, так как завершением ряда обусловленных суждений (обусловленных a posteriori, т.е. посредством опыта, или при априорном синтезе, т.е. посредством друг друга) должно быть именно безусловное.

Таким образом, рассудок, по Канту, не способен понять внутренней связи суждений, их координации и т.д. То есть он буквально «не понимает» их. Однако Кант все равно настаивает на возможности обоснования знания, хотя бы потому, что она также составляет эмпирический факт. Решить эту задачу автор «Критики чистого разума» предоставляет той способности, которую он называет разумом. Разум должен возвыситься над формой суждения. Поэтому высшие принципы разума – идеи – являются принципами взаимоотношения и взаимоперехода суждений, т.е. принципами умозаключений [9, стр. 230]. Кант дедуцирует систему идей разума, анализируя содержание логической формы умозаключения. Идеи составляют конкретность трех моментов умозаключения: основания начала (первый субъект умозаключения), полноты условий суждения (тотальность самого суждения, собственно вывод), основания результата (конечный предикат умозаключения).

Каждый из элементов полученного абсолютного умозаключения (конкретный субъект в единстве с собой, единство условий вывода, последний предикат – высшее понятие разума) должен заключать в себе и два других элемента. Если бы Кант раскрыл сущность этого единства в каждом из трех элементов, то о получил бы абсолютную форму их тождества, т.е. абсолютную единую идею. Тогда уже в рамках критической философии было бы достигнуто логическое понятие единого в своей саморазличенности бытия, понятие конкретного тождества способности познания и предмета познания, рефлексии и мышления, логической формы и содержания идеи. Но это было бы несовместимо с представлением об опыте как источнике всего знания – представлением, от которого Кант не мог отказаться. Кроме того, для раскрытия содержания единства трех элементов абсолютного

суждения, выделенных в аналитике основоположений, требовалось проделать работу над самим методом познания. Однако впервые к этой работе обратился только Фихте.

Таким образом, все три идеи остаются у Канта внешними друг другу и рассматриваются на материале внешних проблем, к тому же изрядно отягощенных своеобразием исторически сложившихся черт. Это проблема души и ее субстанциальности, бесконечности мира, отношения бытия и понятия Бога. Впрочем, на это можно посмотреть с другой стороны: все-таки здесь обнаруживается внутренняя связь логической проблематики и содержания, которое раньше было предметом метафизического исследования. Хотя смысл этой связи еще не явен и для самого автора трех «Критик».

Идеи как трансцендентальные понятия разума противостоят имманентным понятиям [9, стр. 232 – 233]. Последние имеют отношение к предметам возможного опыта, первые этого лишены. Однако мы с необходимостью должны войти в круг трансцендентных понятий разума, так как следует допустить безусловное, которое обуславливало бы ряд условий и делало возможной большую посылку умозаключения. Безусловное не может быть дано в опыте, тем не менее оно имеет отношение ко всем актам познания и в этом смысле Кант определяет его как абсолютное.

Так как субъективная реальность идеи заключается в том, что к ней Кант приводит нас посредством анализа необходимого умозаключения, а таковые бывают трех видов (категорические, гипотетические, дизъюнктивные), то существует и три вида идей, соответствующие этим трем видам умозаключений. Таким образом, и здесь, как и в более известной дедукции категорий, логика Канта прямо противоположна логике трактуемого им предмета: не от идей мы восходим к обусловленным ими умозаключениям, а наоборот – об идеях «догадываемся», рассматривая известные нам умозаключения [9, стр. 230]. Форме категорического умозаключения соответствует психологическая идея. Ее Кант исследует, критикуя паралогизмы чистого разума. Форме гипотетического – космологическая. Здесь Кант вскрывает антиномии чистого разума. Дизъюнктивной форме – теологическая идея. Здесь ставится вопрос об идеале чистого разума и анализируется бессмертный вопрос об отношении Бога и бытия.

Хотя все эти проблемы на самом деле имеют прямое отношение к теме нашего исследования природы логического, все же мы должны рассмотреть его на материале гегелевской философии. Поэтому подробно останавливаться на выявлении и оценке спекулятивно-логического смысла кантовского учения о разуме мы, к сожалению, не можем. Заметим лишь, что здесь Кант воспроизводит логику абсолютного умозаключения Декарта: рассматривая сферу психологической идеи, Кант, по преимуществу, анализирует декартовское «я мыслю»; в пределах космологической идеи выясняется вопрос о природе бытия; там, где речь идет об идеале чистого разума, рассматривается вопрос о возможности синтеза «Я» и бытия (последний вопрос даже отрабатывается на декартовском материале: на проблеме онтологического доказательства бытия Бога). И так же, как и у Декарта, все три момента, все три идеи, не складываются в единую абсолютную идею.

Решая основные теоретические затруднения философии, зафиксированные Декартом, основоположник немецкой классической философии совершил настоящую революцию в познании. До Канта без ответа оставался главный вопрос: на основании чего рационализм обращается с общими определениями права, которые он имеет только в форме мыслей (в форме врожденных идей), как с определениями объективного социального бытия. И в этом случае не оставалось ничего другого как обосновывая нормы права как эмпирическое явление, апеллировать к другому эмпирическому явлению – к человеку как эмпирической данности. Но тогда нормы права, поставленные в зависимость от эмпирического, а потому случайного, основания, не могли иметь статуса объективности и общеобязательности.

Рационализм отсылал к идее права как к вечной и неизменной объективной субстанции, а потому оставался в рамках естественноправовой парадигмы. Эмпиризм – к идее права как к производной от субъективных воль, что укладывалось в парадигму общественного договора. Таким образом, на одном полюсе правовой мысли концентрировалась идея чистой объективности права, однако лишенной начал субъективности. На другом полюсе – идея субъективности этих начал, не ведущая к обоснованию объективных определений права.

В основе кантовского трансцендентализма

лежит принцип, делающий саму познающую и определяющую мысль необходимой составляющей объективных процессов, о которых она выносит свое суждение. Первый шаг к утверждению этого принципа Кант делает уже самой постановкой вопроса о природе мышления, способного постичь истину. Этот вопрос выражается в проблеме различения мышления, относящегося к самому себе, и мышления, относящегося к внешнему предмету. Решая эту проблему, мышление достигает истинной субъективности, несущей в себе одновременно субстанциональное содержание. Спустя столетие и больше именно путем актуализации рефлексивной формы в правовой мысли, правоведы-кантианцы, такие как Г. Кельзен и Г. Радбрух, рассчитывали показать, как мысль, дающая законы внешне субъективно и даже произвольно, может порождать такую субстанцию как право [3, стр. 195 – 197].

В процессе познания права в форме опыта истинное знание о нем недостижимо, поскольку в опыте предмет всегда дан обусловленным, а объективная ценность, лежащая в основании права, всегда мыслится как безусловное. Поэтому правовое мышление с необходимостью должно выйти за пределы опыта. Выйти, разумеется, не в сферу внешних себе, опытных предметов, что бесперспективно, а в сферу самого же правового мышления, которое при этом уже должно мыслиться как нечто объективное. Только в этом мышлении, имеющим предметом само себя – в чистом правовом мышлении – мы имеем возможность получить знание о праве как о безусловной ценности. И только такое «чистое» (в кантовском смысле этого слова, где «чистое» означает рефлектирующее) мышление и продукты его деятельности являются тем, что может иметь объективный, всеобщий результат.

Здесь Кант различает чистый разум, дающий общие принципы познанию, и разум практический, дающий основания способности воли. Природе последнего посвящена вторая кантовская критика – «Критика практического разума». Задачу практического разума Кант видит в том, чтобы задать морально-ценностные ориентиры человеку таким образом, чтобы он в мире, где господствует закон необходимости (гетерономия воли, в трактовке Канта), мог реализовать свою внутреннюю свободу (автономия воли).

По Канту, свобода не может быть постигнута в опыте. Вместе с тем, оставаясь в рамках эмпирических установок, Кант сохраняет опыт как единственную форму знания. Поэтому свобода, по сути, оказывается у Канта вещью-в-себе. В «Критике чистого разума», в разделе описывающем антиномии чистого разума, Кант показывает, что рассуждая о свободе, рассудок неизбежно впадает в противоречие. А это для него означает иллюзорность познания, когда мы нашу познавательную способность принимаем за вещь-в-себе.

Свобода принадлежит ноуменальному миру, а потому не может стать объектом теоретического рассмотрения. Однако как основание ряда причинности в акте воли она должна быть познана и описана разумом. Другими словами, мы познанием не саму по себе свободу, а ряд условий, определенных свободой и даем ей трактовку как основанию этого ряда. Этот ряд Кант определяет как систему моральности. Свобода обуславливает действие нравственного закона, в котором Кант видит основание той «причинности, которая не есть явление, хотя результат ее находится тем не менее в явлении» [10, стр. 83]. В мире природы и материальности свободы нет и быть не может: «Идея свободы имеет место единственно в отношении интеллектуального как причины к явлению как действию. Поэтому мы не можем признать за материей свободу в отношении ее непрерывного действия...» [10, стр. 166].

Нравственность строго обусловлена законами свободы и исключает причинность, обусловленную законами природы. По Канту, если человек следует своим природным наклонностям, он поступает вопреки законам морали. Этот тезис Канта часто вызывал непонимание. Но именно жесткое противопоставление природы и морали составляет основу кантовской этики. Это противопоставление естественного и морального закона приводит к тому, что Кант отодвигает на второй план понятие естественного права, которое может вызвать аналогии с понятием природности. Естественное право у него сохраняется, но уже не в качестве всеобщей субстанции позитивного права, как это было у его предшественников – рационалистов Нового времени, а как близкий моральности раздел права, выступающий всего лишь наряду с другими его разделами.

Свобода у Канта тесно связано с понятием

воли: «Воля есть вид причинности живых существ, поскольку они разумны, а свобода была бы таким свойством этой причинности, когда она может действовать независимо от посторонних определяющих ее причин, подобно тому как естественная необходимость была бы свойством причинности всех лишенных разума существ – определяться к деятельности влиянием посторонних причин» [10, стр. 289]. Воля может быть гетерономной, т.е. обусловленной какими-либо внешними началами, либо автономной, т.е. обусловленной только собой. В последнем случае воля является подлинной свободой.

Волю личности Кант также подразделяет на высшую и низшую способность желания. Низшую способность составляют влечения и склонности, направленные на чувственные цели. Подчиненный низшей способности желания человек влечется к личному благополучию, к счастью. Высшая способность направлена на достижение всеобщих целей. Предмет влечения определенной ею воли – абсолютное всеобщее благо. Если автономная воля определятся высшей способностью желания, а именно: желания блага или абсолютного добра, то тогда воля является нравственной.

Здесь явно видна основная платоническая отсылка к абсолютному благу как к высшей идее – форме единства мира. Однако в отличие от Платона основоположник трансцендентализма не рассматривает благо как высшую идею объективного мира. Заметим, что такая идея, согласно «Критике чистого разума», не может быть чем-то иным, кроме как субъективным идеалом чистого разума. Идея блага для Канта имеет место только как предмет бесконечного стремления практического разума, что является своего рода аналогом идеала теоретического разума. Однако все же существенно то, что подобно Платону Кант из идеи блага выводит принцип справедливости.

Антиномический характер отношений права и морали, зафиксированный далее Кантом на основе развития принципа справедливости, скрывает за собой абстрактность понимания автором «Критики чистого разума» самой формальной природы права, а точнее: самого понятия формы. Последнее трактуется им не в аристотелевском смысле, как активное порождающее начало, «душа» содержания, а вполне в традициях новоевропейского механицизма, как нечто абсолютно внешнее свободе. Право как форма не является для него экспликацией внутреннего содержания абсолютных идей равенства, свободы и блага. И это не случайно: сущность самой свободы, согласно агностической позиции Канта, недоступна познающему разуму по той причине, что она не может являться объектом опыта, а иного способа познания кроме опыта Кант, остававшийся в пределах эмпиризма Нового времени, не признает.

Преодоление этой ограниченности философии права Канта было связано уже с развитием метода сверх принципа трансцендентализма, в процессе которого непосредственность субъекта познания преодолевалась его расширением до уровня субъекта исторического действия.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3 кн. Кн. 1 / Вступ. ст. К.А. Сергеев, Ю.В. Перов. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с. - Серия «Слово о сущем».
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / Изд. подгот. Д.В. Масленников. – СПб.: Наука, 1997. – 799 с.
3. Грибов И.Н., Петросян Л.К. Г. Радбрух о ценностной сущности конституционных прав личности // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 195-197.
4. Громыко Н.В. Мюнхенская школа трансцендентальной философии: историко-философские исследования: Научно-аналитический обзор. - М. : ИНИОН, 1993. - 85 с.
5. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Становление логоса права в античной философии // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3-4. – С. 164-176.
6. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. - 591 с.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. - СПб: Наука, 1995. - 528 с.

8. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22-27.
9. Спиноза Б. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. статья В.В. Соколова. Т. I. - М.: Госполитиздат, 1957. - 631 с., 1 л. портр. : ил.
10. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т.1 / Составитель и примечания Владимира Волжского. - СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
11. Фролова Е.А. Идеи натурализма и механицизма в философии права Нового времени // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 1 (133). – С. 44-48.
12. Bader F. Transzendentalphilosophische Überlegung zur «negatio negations» und zur mystischen Einigung // Grundfragen christlichen Mystik. Stuttgart, 1987. S. 193.
13. Gliwitzky J.M.W. Die Fortentwicklung des Kantischen Freiheitsbegriffes in der Fichteschen Philosophie bis zur «Grundlage der gesamten Wissenschafslehre» von 1794. München, 1965.
14. Güngören B. Die Bedeutung von Hegels Spinosa – Lektüre für seine Staats- und Rechtstheorie. Berlin: Logos Verlag, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ"*
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2019, № 10

Выход в свет 08.11.2019. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 433.

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

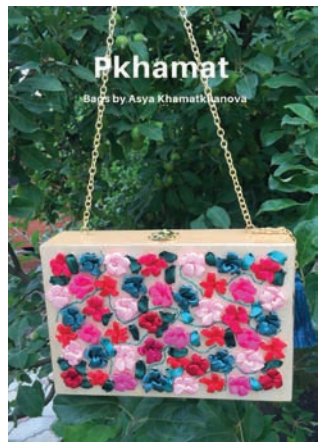
СУМКИ И КАРТИНЫ PKHAMAT

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Pkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

Pkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами – уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.



Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПЕРСОНАЛ

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

МедПроф МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СТРОЙ

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!

Центр защиты прав потребителей Санкт-Петербурга

РОО «ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

Специалисты нашего центра всегда готовы проконсультировать Вас по любым вопросам, связанным с правами потребителей и защитой этих прав в таких сферах как:

- покупка-продажа недвижимости;
- покупка-продажа любых товаров;
- выполнение строительных или ремонтных работ;
- бытовые услуги;
- транспортные услуги;
- медицинские услуги;
- туристические услуги;
- кредитные вопросы;
- услуги ЖКХ;
- возврат мебели;
- страхование недвижимости и автомобилей.

Честь и Закон
Адвокатское Бюро

Адвокатское Бюро «Честь и Закон»

В рамках Адвокатского Бюро можно получить услуги в следующих направлениях:

- гражданско-правовые споры, в т.ч. семейные;
- уголовный процесс;
- жилищное право;
- арбитражный процесс;
- административное право;
- трудовые споры.

Первая юридическая почта

Первая юридическая почта предлагает для физических и юридических лиц оказание услуг подачи любого документа посредством курьера в государственные органы без траты личного времени лица.

Это удобно, потому что предоставляется полное сопровождение документов:

- личная консультация и четкое определение гос. органа-получателя;
- составление и оформление юридически грамотных документов;
- своевременная доставка документов в государственный орган.

Преимущества использования Первой юридической почты:

- снятие ограничения по количеству обращений юридического лица в гос. органы за день;
- колоссальная экономия личного времени, нервов и денежных средств подающего;
- отсутствие необходимости в большом штате курьеров;
- отсутствие необходимости оформлять доверенность на подачу и получение документов.

Принципы нашей работы:

- гарантия полной конфиденциальности;
- индивидуальный подход к каждому клиенту;
- детальность и внимательность в каждом вопросе;
- стоимость услуг всегда соответствует результатам проведенной работы.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

Лидер Консалт Право осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Комплексное юридическое обслуживание – это полное юридическое сопровождение финансово-хозяйственной деятельности компании по всем правовым вопросам (гражданским, трудовым, финансовым, таможенным, административным, налоговым, земельным), возникающим в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Сопровождение включает в себя широкий спектр услуг, в частности:

- регистрацию компаний и ведение малого бизнеса, помощь при оформлении фермерских хозяйств;
- регистрацию Некоммерческих организаций;
- аккредитацию иностранных филиалов и представительств;
- взаимодействие с государственными органами и иными организациями;
- консультации по вопросам корпоративного права;
- подготовку документов для лицензирования деятельности предприятия;
- открытие счетов, оформление зарплатных проектов;
- бухгалтерское сопровождение бизнеса;
- представление интересов в арбитражных судах РФ и судах общей юрисдикции РФ;
- правовой комплаенс;
- реорганизацию фирм, приведение в соответствие с законодательством, внесение изменений в учредительные документы;
- ведение процедуры банкротства компании;
- ликвидацию компаний.

Адрес : г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, дом 78, корпус 2, лит. А, 6 этаж.
Тел: 642 01 11; 607 64 43; E-mail: info@legalhelp.pro

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ САНАТОРИЙ

В «Солнечном» всегда солнечно!

Среди многообразия курортных здравниц мы всегда стараемся выбрать для себя лучшее. По типу лечения, дополнительным услугам, а для кого-то критерием выбора является наличие бассейна, SPA и WELLNESS.

А потому из всего многообразия предложений Кисловодска стоит остановить свой взгляд на санатории «Солнечный». В этом нашего корреспондента убедил владелец и один из руководителей санатория Владимир ТУРИВНЕНКО.

- Насколько мне известно «Солнечный» - самый большой и самый молодой санаторий Кисловодска, ему нет еще и десяти лет.

Как удалось за столь короткий срок добиться популярности?

- Верно, статус крупнейшей здравницы Кисловодска подразумевает и ответственность «Солнечного» в качестве главного законодателя моды на курорте. В этих условиях мы просто обязаны инвестировать значительно больше ресурсов в развитие своей лечебной, оздоровительной и досуговой инфраструктуры по сравнению с обычными санаториями и SPA-отелями. Например, другие четырехзвездочные здравницы Кисловодска располагают либо одним стандартным крытым плавательным бассейном, либо предлагают лишь открытый бассейн в летнее время. И только в «Солнечном» круглый год вы можете бесплатно пользоваться сразу тремя специализированными бассейнами. Тут же расположены просторный зимний пляж под огромным стеклянным куполом и зона развлечений в окружении двух пляжных баров один из которых работает прямо на воде. Сегодня подобное не могут предложить даже значительно более дорогие санатории и SPA-отели региона.

В качестве другого примера можно привести новый конгресс-центр «Солнечного».Сейчас это единственное место на курорте, позволяющее проводить многодневные бизнес-события высокого уровня с присутствием до 600 одновременных участников в пределах единого комплекса. Причем без остановки плановой работы самого санатория. Это открывает недоступную ранее возможность проводить по-настоящему масштабные корпоративные мероприятия на одном из самых знаменитых курортов России. Расскажу Вам и о самых интересных методиках, которые применяют для лечения пациентов «Солнечного».

Биорезонансная терапия (БРТ) позволяет протестировать организм на аллергены, на продукты питания, наличие вирусов, грибов, паразитов и избавиться от них без применения медицинских препаратов. Кроме того можно протестировать склонность пациентов к определённым заболеваниям и проверить подходят ли им препараты, которые они принимают.